

Евгеній Мазепинъ.

I.

ТОРГОВЦЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Издаіе А. Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Горшунни, Екатерининскій кан. № 71—6.

1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1904 г.

ТОРГОВЦЫ.

РАЗСКАЗЪ.

— Не дѣломъ ты, парень, занимаешься, говорилъ осанистый старикъ Степанъ своему зятю Ивану Синюшину, сидя у него въ черной съ узкими окнами избѣ.—Ты вотъ теперь еще самъ другъ съ бабой—то ничего, можно осенью и зимой, отъ бездѣлья и охотой промыслять: все-таки она къ хозяйству подспорье; но тебѣ надо ждать, что ты будешь самъ третій, а можетъ быть и самъ десятый. Тогда съ охотой-то, да съ такой обузой ты вѣдь сѣрымъ волкомъ завоеешь,—то, пока еще время не ушло и нужда не затянула тебя въ свои ланы, берись за умъ: придумай себѣ болѣе полезное и хлѣбное дѣло.

— Да чѣмъ, батюшка, заняться-то? Посовѣтуй мнѣ: ты долѣе жилъ на бѣломъ свѣтѣ, то поопытнѣе меня,—сказалъ молодой плотный зять.

— Вотъ къ примѣру сказать: чужіе купцы изъ-подъ нашего носу таскаютъ деньги, а мы на это смотримъ, раскрывши свой ротъ. Въ нашей сторонѣ вѣдь не приходится жить однимъ хлѣбомъ: его едва-едва и то не у всѣхъ хватаетъ для семьи на круглый годъ, а главное подспорье къ хозяйству есть лѣсъ. До Новаго года надо уплатить всѣ подати, а деньги изъ лѣсу можно выручать только весною, при славѣ его водою. Поэтому, осенью, по неимѣнію наживы, каждая копейка дороже двухъ весеннихъ: подати не ждутъ денегъ—ихъ гдѣ хошь возьми, да къ сроку ихъ подай; хоть послѣднюю коровенку продай, да ихъ заплати.

Этимъ-то и пользуются прїѣзжіе кунцы: они и обираютъ наши денежки. Осенью, когда деньги очень нужны на подати и другіе расходы, они по дешевой цѣнѣ приторгуютъ у мужиковъ лѣсъ и дадутъ треть или половину денегъ въ задатокъ. Наши мужики конечно рады, что на время они могутъ пзвернуться и охотно запродають имъ лѣсъ. Весною кунцы выдають остальные деньги, а сами тотчасъ же перепродають лѣсъ въ другія руки, наживая на томъ большія деньги. Вотъ бы и тебѣ заняться этимъ дѣломъ.

— Мое-то дѣло непривычное—опасно приняться за него: того смотри, что и свои деньжонки съ торговлей-то и стрясешь.

— Если треску бояться, то и въ лѣсъ не ходить,—замѣтилъ тесть.—Однако кунцы-то десятки лѣтъ занимаются торговлей, и не только деньги проживають, но сами кормятся, да еще въ свой кошелекъ не мало денегъ приколачивають.

— Да у меня, батюшка, денегъ-то больно немного—какихъ-нибудь рублей полтора; вѣдь на нихъ трудно будетъ заводить торговлю.

— Надо сначала малымъ довольствоваться, тогда и большее получишь.

Если ни за что не будешь приниматься, то, сидя на мѣстѣ, ничего не выслужишь. Надо по сложа руки сидѣть, а постоянно побольше думать, какъ лучше жить, да побольше работать—тогда и не зазнаешь ты нужды. Мы какъ не раскидываемъ далеко умомъ, то нерѣдко въ нуждѣ и живемъ; а она какъ заберется къ тебѣ, то не скоро ее выживешь. Когда же позаправишься, то дѣло какъ по маслу катится: самому въ леготу—не изнуришь себя на работѣ, да и нужда близко не подойдетъ къ тебѣ.

— Не знаю ужъ что тебѣ и сказать... Вѣдь поди при этомъ дѣлѣ много расходовъ будетъ, какія деньги наживешь, то все они при дѣлѣ между руками и уйдутъ.

— Расходы-то будутъ, словъ не говоря, но и расходы расходамъ рознь. Можно въ городѣ, когда прїѣдешь туда за товаромъ, прожить въ день двадцать копѣекъ, а еслипустишь пошире, да съ водочкой станешь знакомиться, то тебѣ и рубля не хватитъ, а тамъ лишній рубль проживешь, да въ другомъ мѣстѣ онъ зря улетитъ, то и не вѣдаешь какъ у тебя красненькая понапрасну разойдется; смотришь — ее ужъ у тебя въ карманѣ нѣтъ, да и красненькая за собой ужъ наживы не волочетъ, потому что денежка къ денежкѣ и ложится: вѣдь при торговлѣ безъ денежки ничего не сдѣлаешь, а какъ дѣла нѣтъ, то у тебя и наживы нѣтъ.

Ты живи скромненько, да умненько, то и не зазнаешь никакой нужды; она близко къ тебѣ даже не подойдетъ, а за полверсты убѣжитъ.

Если мы иногда и бѣдствуемъ, то больше отъ себя, потому что жить не умѣемъ. Все ладно, да хорошо, то ничего-еще мы изо-дня въ день плетемся по-маленьку; но вѣдь вѣкъ то прожить не то, что поле перейти: жизнь-то не все для насъ бываетъ матерью, а иногда лихой мачихой. Тогда мы нередъ ней и корчимъ дурака: вмѣсто того, чтобы при плохихъ дѣлахъ по одежкѣ намъ и протягивать ножки, вмѣсто того, чтобы по доходамъ и вести расходъ — то мы этого не понимаемъ; даромъ, что въ иной годъ не заработаемъ и половины прошлаго года, а расходы не сокращаемъ. Смотришь — и прожились. Если бы поумнѣ жили, то, пропустивъ съ расчетомъ тяжелое время, перемоглись бы и зажили по старому; иногда мы такъ прямо и лѣземъ въ ланы нужды, а какъ она, „сердешная“, тебя заберетъ въ свои когти — до смерти отъ нея и не выберешься.

— Правду, истинную правду ты, батюшка, толкуешь: вся нужда къ намъ приходитъ отъ самихъ же насъ, но никто насъ не научитъ какъ жить.

— Можно бы намъ научиться жить, да только никто не хочетъ во время взяться за умъ. Когда молодъ и живешь

въ довольствѣ, то думаешь, что я не меньше другихъ знаю, а когда состарѣешься или впадешь въ нужду, то тогда хотя и знаешь какъ жить, но уже ученье ни къ чему: молодые здоровые годы не воротишь, да и потерянное имѣніе ужъ не найдешь... И терни молча горькую нужду.

— Не спорю я съ тобой — торговля дѣло хорошее, но только я не знаю, какъ и начать-то ее.

— Очень просто. Вотъ—у насъ всю торговлю мелочнымъ товаромъ производить купецъ Мымовъ черезъ своего приказчика, которому онъ платитъ немалое жалованіе, и то находитъ себѣ пользу, да еще вдобавокъ ему что нибудь стоитъ доставка товара черезъ чужія руки. Тебѣ же не надо нанимать приказчика—самъ управишься, да и въ городъ за товаромъ можешь ѣздить самъ на своей лошади: расходъ-то по торговлѣ у тебя и будутъ пустяки; что ни продашь—отъ того тебѣ прямая польза. Да если ты займешься лѣсомъ, то деньги за него будутъ забирать и товаромъ: отъ товару получишь пользу, да и отъ лѣсу будутъ барыши.

— У меня товаръ-то валить некуда: никакого помѣщенія подъ него нѣтъ.

— Помѣщеніе добыть не трудно—все это можно сдѣлать своими руками: лѣсу у насъ довольно — ты самъ можешь нарубить и навозить его; поставить амбаръ я тебѣ подсоблю; вдвоемъ-то мы его живо выстроимъ.

И дѣла ты далеко не откладывай: нынѣшнею зимою навози лѣсу—лѣто-то онъ пусть сохнетъ, а осенью въ свободное время поставь амбаръ, и въ добрый часъ начинай торговлю.

Да какъ будешь торговать, то больно не зарывайся: не гонись за большой наживой, а бери за товаръ пользы такъ, чтобы тебѣ было за труды, да и иокунателямъ было не обидно платить за товаръ деньги. Тогда барышу у тебя будетъ больше: иокунателей прибудетъ, то и товару пойдеть больше; при хорошемъ его расходѣ, хотя пользу отъ

каждаго покуателя ты получишь ровненькую, а отъ всѣхъ, то, смотришь, у тебя и хорошая прибыль составитъ.

Какъ станешь драть лишнія деньги за каждый пустякъ, то отучишь покуателей, а безъ нихъ-то торговцу не нажива.

Еще я тебѣ скажу: не раскидывайся торговлей широко, води ее по своему карману, торгуй всегда на наличныя денежки, а то мало будетъ проку въ торговлѣ. Какъ въ долгъ-то ты станешь брать въ лавкѣ товару, то съ тебя возьмутъ лишнія денежки, да еще и дадутъ тебѣ худого товару: тебѣ волей-не-волей придется за дорогую цѣну брать худой товаръ; за наличныя же денежки покупать любо-дорого: не понравился товаръ въ одной лавкѣ, или дорого за него просятъ, то можно идти и въ другую—тогда ты самъ себѣ хозяинъ,—гдѣ хочешь, тамъ и покунаешь, что лучше—то и выбираешь; тогда не ты кунцамъ кланяешься, выпрашивая у нихъ въ долгъ товару, за который послѣ придется платить имъ въ срокъ денежки, а они будутъ тебѣ кланяться и просить, чтобы кунилъ у нихъ товару, такъ какъ они тогда видятъ отъ тебя прямую пользу: они на руки получаютъ денежки, да и наживаютъ еще на товаръ. Прямое дѣло—ты имъ полезный человѣкъ, то они тебя и уважаютъ.

Ну, затянешься тамъ и по нуждѣ придется брать тебѣ товаръ въ долгъ, то слово свое помни: какъ разъ сказалъ, въ которое время ты можешь уплатить деньги, то слово свое держи, къ сроку деньги приноси и съ почтеніемъ ихъ хозяину отдай—онъ и на другой разъ тебя при нуждѣ не оставитъ—ссудитъ товаромъ; если изъ вѣры выйдешь, то тебѣ въ долгъ ни на грошъ не повѣрятъ; а вѣдь иногда бываетъ со всякимъ, что во время конѣйка дороже рубля, да какъ и взять ее еще негдѣ, то, особенно при торговлѣ, совсѣмъ бѣда. Если и по себѣ судить, то слово свое не держать—худо. Такъ къ примѣру сказать: ты вотъ сегодня

обѣщалъ отдать долгъ своему ссужателю, потому что думалъ сегодня получить долгъ со своего должника, который, должая, увѣрилъ тебя, что деньги онъ къ сроку унлатитъ; но слова своего онъ не сдержалъ, обманулъ тебя, и тебѣ приходится волей-не-волей не сдержать свое слово и остаться обманщикомъ. А любо ли тебѣ это?

— Кому то любо: всякій разсчитываетъ получить долгъ во время, чтобы деньги употребить на дѣло; а тутъ его обманываютъ.

— Вотъ торговцы-то на это дѣло смотрятъ иначе: они иногда считаютъ ни-во-что обмануть человѣка; у нихъ даже есть на то и пословица: „не обманешь, не продашь“; но я тебѣ не совѣтую ее слушаться.

Ну, разъ, два, много три, ты кого обманешь и сорвешь съ него лишній барышъ, но онъ потомъ все-таки догадается, что ты его провелъ... и къ тебѣ въ лавку даже не заглянетъ. Тотъ перестанетъ ходить, да другой, смотришь и придется „стерегчи“ одну лавку, а это не дѣло.

Да и все, что вертится — не долго служить, что-то скоро портится, ломается, даже совсѣмъ уничтожается, а все, что снокойно движется и идетъ прямо, служить долѣе, вѣрнѣе идетъ впередъ и скорѣе приводитъ къ цѣли.

— Какъ я примусь за торговлю, то буду жить все по твоему совѣту.

— Если меня послушаешься, то жалѣть не станешь; какъ и умру—не скажешь, что „напроводъ“ научилъ тебя, а помянешь меня добрымъ словомъ.

— И всегда-то ты мнѣ добра желалъ, то и теперь ен худу учишь меня, да я тебѣ и не чужой—вѣдь родная твоя дочь за мной; а своей дочери, я мыслю, не будешь желать худа.

Вотъ и на счетъ торговли-то что ты сказалъ, тебѣ большое спасибо. Я ранѣе и самъ всячески раскидывалъ умомъ—придумывалъ чѣмъ-бы заняться, потому что отъ одной земли

больно трудно съ семьей жить; но ничего не могъ придумать. А ты мнѣ ровно глаза открылъ; я теперь самъ удивляюсь, какъ это мнѣ самому не могло сбрести на умъ: кажется, дѣло такъ просто, а я не могъ догадаться.

Вѣрно рѣчи стариковъ намъ никогда не мѣшаетъ слушать; а когда мы толкомъ выслушиваемъ ихъ и если онѣ полезны, то сами согласны съ ними будемъ, что старики иногда говорятъ правду, что и добру учать насъ.

— Если ты такъ будешь жить — ко всему присматриваться, ко всему прислушиваться, откидывая въ сторону все ненужное и принимая къ свѣдѣнію все полезное, будешь постоянно трудиться, а не лѣниться, то никогда не пропадешь, потому что никакой полезный трудъ не приноситъ человѣку вреда, а всегда вноситъ въ его домъ довольство, спокойствіе и счастье.

Время стало позднее. Хозяева съ гостемъ поужинали кашей, крупяныхъ щей и картошки съ постнымъ масломъ. Хозяйка принесла въ избу носу соломы, разостлала ее по полу, положила подъ головы мѣшочки съ мякиной, накрыла холстинныя одѣяла, и всѣ, помолившись Богу, улеглись спать.

II.

Черезъ полгода къ дому Синюшина примыкалъ новенькій амбаръ трехъ сажень длины и трехъ ширины, съ деревяннымъ, въ родѣ ящика, буфетомъ и съ широкими по стѣнамъ полками.

Около Рождества Синюшинъ запрягъ свою лошадку въ розвальни, наложилъ въ нихъ довольно сѣна и овса, вынулъ изъ сундука скопленные тяжелыми трудами деньги сто пятьдесятъ рублей, взялъ мѣшочекъ съ теплыми пирогами, и, помолившись Богу, поѣхалъ за товаромъ въ городъ, находившійся отъ него въ ста двадцати верстахъ.

Дорогою онъ останавливался на постоянныхъ дворахъ, унлачивая по нятачку за ночлегъ въ общей избѣ.

По прїѣздѣ въ городъ, онъ досталъ изъ казначейства права на мелочной торгъ и отправился по лавкамъ смотрѣть товаръ и примѣняться къ цѣнамъ. Обойдя почти всѣхъ торговцевъ, и, смекнувъ, въ которой продаютъ товаръ хорошій и походяще, онъ, пробуя муку и что возможно, чтобы не ошибиться въ товарѣ, и выторговывая каждую копѣйку, купилъ муки, соли, чаю, сахару, табаку, спичекъ, бумаги, кренделей, посуды и пр., что болѣе всего необходимо въ деревнѣ,—нагрузилъ товаромъ полный возъ, укрылъ его тщательно рогожами и покатылъ домой.

Несмотря, что въ дорогѣ пришлось пробыть съ недѣлю, онъ издержалъ всего-на-всего рубль тридцать копѣекъ: него расходу было только на ночлегъ и на кнйтокъ для своего чая, а питался онъ своими пирогами, взятыми изъ дому; лошади же хватяло своего сѣна и овса.

Разложивъ товаръ по полкамъ, Синюшинъ съ Нового года открылъ лавочку. Торговалъ онъ самъ, а если ему было некогда, то его жена. Въ деревнѣ торговля производится временно и покупатели свои же мѣстные жители, которые въ случаѣ надобности придутъ къ хозяину на домъ, то торговцамъ совсѣмъ не для чего постоянно торчать въ лавкѣ,—поэтому у Синюшина свободного времени было достаточно, тѣмъ болѣе, что его при всякомъ удобномъ случаѣ замѣняла жена, которая была, хотя неграмотная, номышленная и шустрая женщина. Да и покупатели—народъ все свой, простой, нечего думать, что обмануть, то по домашнему велась съ ними и торговля.

Въ свободное время Синюшинъ исправлялъ свое домашнее хозяйство, которое шло своимъ чередомъ, такъ что торговля не приносила ему никакого ущерба въ хозяйствѣ и не требовала отъ него никакихъ лишнихъ расходовъ, почему онъ могъ продавать товаръ гораздо сходяще, чѣмъ Мымовъ,

державній приказчика. Всѣ покупатели отъ Мымова перешли къ нему, такъ что Мымову не стало расчета вести торговлю, и пришлось лавочку закрыть.

Такъ Синюшинъ торговалъ года три и всѣ, нажитыя отъ торговли деньги, пускалъ въ оборотъ. Покупатели съ каждымъ днемъ прибывали и прибывали, съ ними прибывалъ и спросъ на самый разнообразный товаръ. Хотя для покупки всего товара, на который имѣлось требованіе, сначала у него не хватало своихъ денегъ, но ему продавцы стали вѣрить и отпускать въ долгъ товаръ. Впоследствии, при покупкѣ, онъ уже на нѣсколькихъ подводахъ отправлялъ товаръ домой.

Небольшая его лавка была вся загромождена товаромъ. По эту сторону буфета находились мѣшки съ мукой, со шпеномъ, куле съ солью, бочка съ керосиномъ, бочка съ треской, ящики съ гвоздями, веревки,—надъ буфетомъ висѣли на веревкахъ вѣсы съ деревянными скалками,—за буфетомъ на полкахъ разложенъ чай, сахаръ, мыло, свѣчи, спички, чашки, стаканы, рюмки,—подъ потолкомъ висѣли связки кренделей, замковъ и рукавицъ.

Выручка хранилась въ деревянномъ ящичкѣ, стоявшемъ у задней стѣны на полкѣ.

Осень. Воскресенье. Послѣ обѣдни Синюшинъ стоитъ за прилавкомъ. Покупатели въ грудѣ жмутся другъ возлѣ друга. Первыми къ буфету стояли покупатели на наличныя деньги, а позади ихъ робко жались будущіе должники.

— Ты, Иванъ, берешь яйца?—обращается къ хозяину пожилая баба.

— Какъ же, беру.

— Такъ я принесла десятокъ—ты сколько „даси“ за него?

— Семь копѣекъ.

— Что ужъ больно дешево сулишь? Положи восемь копѣекъ.

— Тебѣ какъ: деньгами или товаромъ за нихъ нужно дать?

— Все я у тебя товаромъ заберу.

— Когда ладно. Давай сюда яйца и бери на восемь копѣекъ товару.

Баба купила фунтъ трески и коробокъ спичекъ.

-- Почему овесъ берешь,—спрашиваетъ хозяина мужичекъ.

— Тридцать пять копѣекъ за пудъ.

— Ты ужъ мнѣ двѣ то копѣечки прибавь.

— Сколько у тебя.

— Да нуда съ два будетъ. Я у тебя на всѣ деньги товаромъ заберу.

— Клади на вѣсы--сейчасъ свѣшу... Одинъ пудъ тридцать фунтовъ... Мѣшокъ полтора фунта. Выходить овса: одинъ пудъ двадцать восемь съ половиной фунтовъ. Тебѣ слѣдуетъ за овесъ: за пудъ—тридцать семь копѣекъ,—кладя на счеты, говорилъ хозяинъ,—за полпуда—восемнадцать и за восемь съ половиной фунтовъ—восемь копѣекъ, и всего шестьдесятъ три копѣйки. Говори, чего тебѣ надо?

— Восемьмушку чаю, фунтъ сахару, фунтъ кренделей, четвертку табаку, на двѣ копѣйки бумаги... Сосчитай сколько это будетъ?

— За чай—двадцать три, за сахаръ—девятнадцать, за крендели—десять, за табакъ—шесть, за бумагу двѣ копѣйки—оно выходитъ всего шестьдесятъ копеекъ. Тебѣ еще остается дополучить три копѣйки.

— Давай на нихъ три коробка спичекъ.

Раздѣлавшись съ этимъ покупателемъ, хозяинъ обращается къ бабѣ:

— Тебѣ чего?

— Вотъ я принесла немного сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, да соленыхъ рыжиковъ. Ты ихъ возьми у меня.

— Кажи ихъ.

Осмотрѣвъ внимательно грибы и попробовавъ рыжики, хозяинъ предложилъ бабѣ: за грибы — пятнадцать, а за рыжики десять конфекъ за фунтъ.

— Что ужъ дѣлать, — сказала баба — какая цѣна есть, то бери по ней: хоть дешево даешь, да деньги мнѣ надобны, то приходится отдавать и за то, что судишь.

Получивъ деньги за фунтъ съ четвертью грибовъ и за два съ половиной рыжиконъ, баба пошла домой.

Еще Синюшинъ купилъ на товаръ полпуда ржи за пятьдесятъ пять конфекъ и фунтъ коровьяго масла за шестнадцать конфекъ.

Затѣмъ стали подходить безденежные покупатели.

— Мнѣ, Иванъ, не одолжишь ли товару рубля на три, — робко спросилъ бѣдно одѣтый мужичекъ.

— Когда заплатишь?

— На Михайловъ день отдамъ: тогда я продамъ корову, то долгъ тебѣ съ почтеніемъ принесу.

— Ладно, бери.

Мужичекъ набралъ товару и говорить:

— Ты заниши: надо „онося“ не забыть, сколько я тебѣ долженъ.

— Какъ же, занишу.

— О деньгахъ ты не безнокойся. Будь въ надеждѣ, что я тебѣ на Михайловъ день припасу.

— И мнѣ бы надо въ долгъ товару рубля на полтора, то ты одолжи, — обращается слѣдующій покупатель.

— А ты когда уплатишь?

— Вотъ, какъ Богъ дастъ снѣжку, я поряжусь на вывозку лѣса и тебѣ къ Рождеству весь долгъ отдамъ.

— Что ужъ съ тобою дѣлать — бери.

Мужикъ купленный товаръ забралъ въ поду своего полушубка и покатилъ домой.

— Въ долгъ не дамъ ли товару на сорокъ конфекъ, —

просить баба.—Деньги я тебѣ скоро отдамъ: какъ лень продамъ, такъ тебѣ и долгъ уплачу.

— Говори, тебѣ чего?

Баба набрала товару и сказала:

— Ты не безнокойся, я тебѣ деньги скоро уплачу: не извѣрюсь въ своемъ словѣ.

— Ну, чего тутъ зря толковать: не въ первый разъ должаетъ у меня, и никогда еще не обманывала, а всегда вѣрна была.

Такъ на одно только слово Синюшинъ распускалъ товару своимъ мужикамъ и бабамъ рублей на пятьсотъ, записывая карандашемъ лишь для памяти въ свою книжку, кто сколько долженъ. И у него въ теченіе пяти лѣтъ его торговли почти не бывало ни одного случая, чтобы кто отказался отъ долга и чтобы кто, если была хоть какая нибудь возможность, не уплатилъ бы къ сроку денегъ.

Рожь и овесъ Синюшинъ складывалъ въ другой амбаръ и оставлялъ до весны; часть хлѣба покупали у него на сѣмена тѣ же мужички, улачивая нерѣдко за овесъ по семидесяти, а за рожь по восьмидесяти копѣекъ, а остальную—отправлялъ на суднѣ въ городъ. Яица, масло, грибы, рыжики возилъ тоже въ городъ, гдѣ бралъ за яйца по одиннадцати рублей за тысячу, за масло отъ восьми до девяти рублей за нудъ; а на рыжикахъ и грибахъ наживалъ иногда копѣйку на копѣйку.

Такъ какъ этотъ товаръ у него везли извозчики, отправленные имъ за товаромъ для лавки, почему и за провозъ по пути брали пустяки, то расходовъ у него было мало, такъ что вся польза отъ продажи почти цѣликомъ попадала ему въ карманъ.

Вскорѣ около своего дома онъ открылъ винную лавку, которая, при неимѣніи въ мѣстности другихъ торговцевъ, давала ему прекрасный доходъ: какую цѣну онъ хотѣлъ, такую за вино и назначалъ; а иногда соблазнялся, вино

разводилъ водою — и вода уходила у него по дорогой цѣнѣ.

Въ это время у Синюшина прибыло трое ребятишекъ: два сына—Семенъ и Петръ, дочь Анна, къ которой представлена молоденькая нянька, лѣтъ четырнадцать, поряженная изъ-за хлѣба, одежды и шести рублей въ годъ. Въ образѣ домашней жизни у него не произошло никакихъ перемѣнъ.

Попрежнему онъ самъ обрабатывалъ землю: хотя нанять на обработку онъ вполне теперь могъ, но, онъ, какъ опытный хозяинъ, хорошо зналъ, что при обработкѣ земли чужими руками, не мало не доростетъ хлѣба, поэтому не довѣрялъ земли ни какому нахарю. Жена сама мыла полы, стирала, исполняла вмѣстѣ съ мужемъ домашнюю и полевую работу.

Одѣвались же они просто: зимою—онъ и она въ дубленые овчинные полушубки и казатики, ребятишки же по лѣтамъ въ однѣхъ рубашонкахъ, босые, съ непокрытыми головами бѣгали цѣлые дни на волѣ.

Кромѣ праздниковъ Ильина и зимняго Николина дня, вина въ домѣ никогда не водилось.

При такой скромной жизни торговля давала Синюшину прекрасный доходъ, такъ что къ концу десятаго года его торговли, онъ насчитывалъ кромѣ товара находившагося въ лавкѣ, наличныхъ денегъ тысячъ до трехъ.

III.

Изба Синюшина стала приходить въ ветхость. Если бы онъ не занимался торговлей, то прожилъ бы въ ней еще годовъ съ семь, но теперь ему не захотѣлось тѣспиться въ черной старой избѣ, тѣмъ болѣе, что у него бывало много знакомаго хорошаго народу, котораго принимать къ себѣ въ гости въ такой лачугѣ, ему было не совсѣмъ удобно, а

средства ему позволяли, безъ всякаго ущерба въ торговлѣ, выстроить новый домъ.

Онъ исподволью накупилъ по дешевой цѣнѣ лѣсу, порядилъ сходно плотниковъ... и черезъ годъ уже стоялъ вмѣсто стараго, новый, большой, двухъ этажный, пять оконъ по лицу домъ, стоившій ему со всей отдѣлкой восемьсотъ рублей. Мебель была самая простая, деревянная, окрашенная въ красную краску и сдѣланная своимъ столяромъ, который работалъ ее очень дешево: такъ, за довольно прочный стулъ бралъ только тридцать копѣекъ.

Большую часть года Синюшинъ жилъ въ низу, гдѣ были четыре комнатки съ единственнымъ входомъ черезъ кухню, рядомъ съ которой находилась небольшая прихожая, а изъ нея—одна дверь вели въ чистую переднюю комнату, а другія—въ спальню. Въ верхъ же хозяинъ перебирался весною, когда наступало тепло, а осенью, при первыхъ морозахъ переходилъ въ низъ: хотя дрова были и очень дешевы, но Синюшинъ считалъ совсѣмъ лишней тратой отапливать зимою цѣлый домъ.

Въ новомъ домѣ онъ завелъ себѣ суконную на борахъ овчинную поддевку суконное безъ тальи пальто, а женѣ теплую шерстянную шаль и суконное простое пальто.

Для дѣятельнаго Синюшина показалась тѣсна торговля однимъ мелочнымъ товаромъ, тѣмъ болѣе, что теперь были свободныя деньги, которыя оставлять безъ движенія онъ не любилъ. Отъ его проницательнаго взгляда не ускользнуло и то, что лѣсное дѣло приноситъ торговцамъ хорошій доходъ, и онъ, не долго думая, рѣшилъ скунать для перепродажи лѣсъ.

Осенью, когда мужикамъ нужны деньги на подати и мелочной товаръ для мѣстныхъ ираздниковъ, которые большею частью иринаровлены осенью, какъ болѣе въ свободное время, Синюшинъ приторговывалъ у нихъ дешевой цѣной лѣсъ; такъ напримѣръ онъ платилъ за еловые бревна

10 аршинъ длины и 5 вер. толщины—25 к. и 6 в.—35 к. за дерево, съ тѣмъ, чтобы лѣсъ принять весною на берегу рѣки, чтобы онъ былъ хорошаго качества и чтобы каждый хозяинъ сплавилъ свой лѣсъ въ городъ, находившійся при устьѣ рѣки, при которой стояла деревня Доръ, гдѣ жилъ Синюшинъ.

Въ задатокъ онъ выдавалъ обыкновенно третью часть денегъ и рѣдко половину, а остальные деньги мужики забирали почти однимъ товаромъ, такъ что и здѣсь Синюшинъ видѣлъ не малую пользу. Болѣе зажиточные мужики уплату денегъ ему разсрочивали даже до продажи лѣса, почему онъ сразу широко повелъ лѣсное дѣло, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе его обогащало, давая ему нерѣдко доходу на капиталъ по пятидесяти и болѣе процентовъ.

И всѣ-то лѣсопромышленники на заготовкахъ лѣса наживали хорошія деньги, то и старались каждый годъ скупить какъ можно болѣе лѣса, какъ позволялъ ихъ капиталъ и сколько могли захватить ихъ руки, мужики же въ свою очередь на нужду старались какъ можно болѣе заработать денегъ, ни во что ставили, при избыткѣ, лѣсъ, растущій въ ихъ дачахъ, цѣнили только одинъ свой трудъ, почему, вырубая только болѣе цѣнный матеріалъ, самымъ безпощаднымъ хищническимъ образомъ, при выборочной рубкѣ уничтожали свое сокровище—лѣсъ.

Просто у меня обливалось сердце кровью, когда я, проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ производилась заготовка лѣса, видѣлъ, сколько бесполезно, сколько напрасно гибнетъ у насъ богатства единственно лишь потому, что наши мужики еще настолько темны, что не могутъ подумать о завтрашнемъ днѣ и разсчитать, какъ бы не хуже прожить этотъ день, чтобы сами они и дѣти не впади на ихъ неразумной жизни въ бѣдствіе.

Насколько я могу, постараюсь представить читателямъ,

для примѣра картину истребленія нашихъ лѣсовъ при заготовкѣ лѣса изъ огромной дачи въ нѣсколько тысячъ десятинъ.

Въ зимнее время мужики запрягаютъ свои лошадки въ дровни, накладываютъ на нихъ возъ сѣна, надстегиваютъ сзади подсанки и отираются на заготовку лѣса, версть двадцать отъ жилья, набиваются въ сколоченныя на скорую руку избушки, и принимаются за вырубку лѣса.

Далеко еще до свѣту они забираются въ лѣсъ. Высмотрѣвъ мѣстечко съ болѣе толстыми деревьями, мужики сначала къ нему приготавливаютъ дорогу; для этого расчищаютъ отъ лѣса проѣздъ, уничтожая все, находящееся, по вновь пролагаемой дорогѣ, при этомъ большая часть лѣса сваливается въ сторону и остается на мѣстѣ безъ всякаго употребленія.

Приготовивъ дорогу, они приступаютъ къ самой заготовкѣ лѣса. Подрубаютъ подъ корень деревья, нерѣдко въ обхватъ толщины, которыя, падая, ломаютъ все, попадающее имъ на пути: вершины елей, сосенъ ломаются, тонкія березы, если не совсѣмъ ломаются, то сгибаются въ дугу, сучья болѣе толстыхъ деревъ обрушиваются,—и полоса паденія срубленнаго дерева, представляетъ картину какъ-будто съ цѣлью придуманнаго опустошенія мѣста, ротившаго спокойно болѣе чѣмъ полстолѣтія свое дѣтище—лѣсъ.

Срубленное дерево очищаютъ отъ сучьевъ, отрубаютъ отъ него вершину, оскабливаютъ кору, и уже полученное бревно наваливаютъ на дровни и везутъ на свалку лѣса, устраиваемую обыкновенно на берегу рѣки. Вершина, изъ которой часто вышло бы бревно четырехъ и пяти вершковъ толщины, остается на мѣстѣ и вмѣстѣ со своими братьями—сучьями бесполезно сгниваетъ на своей родинѣ.

И на заготовкахъ лѣса у насъ гибнутъ цѣлыя богатства лѣса безъ всякаго употребленія, тогда какъ въ безлѣсныхъ

губерніяхъ имѣется въ немъ громадная нужда,—и этотъ валежникъ, присоединяя къ нему огромное количество буреломника, всегда бесполезно сгнивающего, составилъ бы, при умѣломъ веденіи лѣсного хозяйства и при хорошемъ бы состояніи сухопутныхъ и водныхъ дорогъ, огромную пользу какъ для мѣстныхъ, такъ и для нуждающихся безлѣсныхъ жителей. Теперь же у насъ это богатство безвозвратно гибнетъ.

Смѣтливый и хозяйственный Синюшинъ видѣлъ, что никакое богатство не крѣпко, не устойчиво, не сохраняетъ свою силу, если отъ него отрывать всевозможные куски и въ то же время не поддерживать его силы,—то оно, какъ и всякій матеріалъ и всякая вещь отъ разрушенія уничтожается, и ходъ разрушенія зависитъ отъ того, насколько быстро отрываются отъ богатства куски и на сколько велики эти куски. Такъ и лѣсъ —при безумномъ хищническомъ его истребленіи, несоразмѣрно съ ростомъ, долженъ самъ собою со временемъ мало-но-малу уничтожаться, количество его становится все менѣе и менѣе, а спросъ же на лѣсной матеріалъ съ каждымъ годомъ увеличивается все болѣе и болѣе,—то впослѣдствіи—конечно, это не за горами, а у насъ за плечами—лѣсной матеріалъ, при усиленномъ спросѣ и при затруднительной его заготовкѣ, долженъ вздорожать, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны подняться въ скоромъ времени цѣны на самыя дачи, откуда добывается лѣсной матеріалъ. При богатствѣ лѣсовъ и при неимѣніи ихъ сбыта, гдѣ едва оплачивался грошевой цѣной одинъ только тяжелый физическій трудъ мужика, лѣсныя дачи стояли въ самой низкой цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, дачи по тысячѣ и болѣе десятинъ строевого лѣса продавались по два, по три и по четыре рубля за десятину. Не долго думая, Синюшинъ рѣшилъ по возможности сбунать подходящія дачи, а дачъ же продавалось много, такъ что и выбирать было есть изъ чего.

Помѣщики раздѣлавшись со своими крѣпостными и, думая, что только отъ одного дарового труда они могли извлекать изъ имущества себѣ пользу, оставили безъ всякаго призора оставшіяся за надѣломъ земли. Покупателей на лѣсныя дачи не находилось, такъ какъ не было расчета тратить на покупку ихъ деньги, если лѣсной матеріалъ, какъ я уже сказалъ, цѣнился ни во что и его заготовка стоила то же самое, что изъ своихъ и чужихъ дачъ, гдѣ оплачивался только физическій трудъ, то помѣщики тяготились платежомъ за земли повинностей, которыя въ послѣднее время, а особенно съ учрежденіемъ земства, возрастали все болѣе и болѣе, а изъ-земли не возможно было извлечь ни одной копѣйки.

Сами помѣщики и ихъ наслѣдники жили большею частью вдали отъ своихъ дачъ, въ городахъ; наслѣдники перѣдко знали о существованіи своихъ дачъ по однимъ документамъ, никакихъ лѣсниковъ для охраны дачъ не нанмали, считая ихъ лишнимъ расходомъ,—то мужики изъ лѣсомъ распоряжались какъ своею собственностью и рубили въ ихъ дачахъ лѣсъ, какой находили болѣе цѣннымъ и болѣе удобнымъ для вывозки на свалку, на рѣку. Помѣщики, зная это, старались по возможности сбывать свои дачи, чтобы въ конецъ ихъ не вырубил: у нѣкоторыхъ продавались дачи съ торговъ за неплатежъ повинностей, а другіе за безцѣнокъ отдавали первому подвернувшемуся подъ руки покупателю.

Такъ одинъ изъ нихъ предложилъ Синюшину купить у него дачу строевого лѣса—четыре тысячи десятинъ за пятнадцать тысячъ рублей. Цѣлыхъ три дня ходилъ Синюшинъ по дачѣ, высматривая ее. Онъ примѣрно раскинулъ умомъ, сколько выйдетъ бревенъ и какихъ размѣровъ, сколько получится дровъ. И убѣдившись, что дача стоитъ дороже просимой суммы, сталъ предлагать за нее продавцу девять тысячъ рублей. Тотъ не согласился отдать за эту сумму.

Долго они торговались: помещику по-зарѣзъ нужны были деньги, такъ что нало было продать дачу, но и дешево отдать не хотѣлось, а другихъ охотниковъ на покупку такой большой дачи не находилось. Синюшинъ же, зная, что продавцу сбыть дачу нужно и не кому и, зная цѣну каждой копѣйки, выторговывалъ сотенныя и красненькія. Наконецъ они порѣшили на четырнадцать тысячахъ рубляхъ и вскоре совершили купчую крѣпость.

Случайно еще подошло купить Синюшину дачу въ тысячу двѣсти десятинъ за пять тысячъ рублей, да съ публичныхъ торговъ при полицейскомъ управленіи за неуплату повинностей онъ приобрѣлъ двѣ дачи: одну въ четырехста десятинъ за девятьсотъ рублей, а другую—въ двѣсти пятьдесятъ десятинъ по одному рублю за десятину.

Долго Синюшинъ ходилъ послѣ покупки по своимъ дачамъ, любясь надъ тѣмъ, какое богатство онъ приобрѣлъ за такую малую цѣну.

„Теперь у меня ихъ довольно, думалъ онъ. Дай Богъ чтобы мнѣ хватило рукъ управиться съ тѣмъ, что я имѣю, Лѣсокъ-то я поберегу, пусть онъ порастетъ—хуже не будетъ, да и замѣтно стаетъ, что дачи начинаютъ дорожать такъ что я какъ похраню лѣсокъ, то въ убытокъ не останусь. Теперь же пока все еще не дороже обходится покупать лѣсъ изъ готовыхъ дачъ, чѣмъ рубить изъ своихъ, то мнѣ нѣтъ никакого расчета переводить свой лѣсъ“.

Какъ думалъ онъ и такъ сдѣлалъ: нанялъ за безцѣнокъ надежныхъ сторожей хранить дачи, и оставилъ лѣсъ въ покоѣ.

Между тѣмъ хорошаго строевого лѣса стало мало. Требованія на него съ каждымъ годомъ увеличивались все болѣе и болѣе, съ неимоверной быстротой стала повышаться цѣна на лѣсъ, такъ, напримѣръ бревно, за которое ранѣе платили двадцать пять копѣекъ, черезъ четыре года стоило втрое дороже—семьдесятъ пять копѣекъ. вмѣстѣ съ цѣною

на лѣсной матеріалъ стала быстро возростать и цѣна на самыя лѣсныя дачи.

У Синюшина часто стали стучаться покупатели въ надеждѣ сходно пріобрѣсти его хорошенькія дачи, предлагая ему громадную пользу, такъ за дачу въ четыре тысячи десятинъ ему давали восемьдесятъ тысячъ рублей, гдѣ онъ на одиннадцать тысячъ затраченнаго на покупку дачи капитала пріобрѣталъ болѣе шестидесяти тысячъ рублей чистаго барыша. Но Синюшинъ не кидался на деньги. Онъ самъ сталъ изъ своихъ дачъ производить большія заготовки лѣса, наживая отъ того большія деньги, да и дачи, повышаясь въ цѣнѣ, оставались его собственностью.

Не упустилъ изъ виду Синюшинъ и маслодѣльное дѣло: выстроилъ недорого заводъ, купилъ дешевый ручной сепараторъ, нанялъ маслодѣла и сказалъ мужикамъ и бабамъ, чтобы носили къ нему молоко—онъ покупаетъ его по тридцати копѣекъ за пудъ. Бабы обрадовались такой новизнѣ: теперь не нужно возиться съ кринками и со сметаной—сдала молоко возчику или снесла на заводъ—и „баста“,—всѣ и потащили Синюшину молоко, такъ что у него въ Великій постъ скапливалось молока пудовъ до двухсотъ въ день; изъ двадцати пяти пудовъ молока выходилъ у него пудъ масла, который и стоилъ ему безъ расходовъ рублей семь съ полтиной.

При первой же возможности онъ масло отпращивалъ въ городъ и продавалъ отъ десяти до четырнадцати рублей за пудъ; а такъ какъ провозъ масла былъ попутный, поэтому дешевый, помещеніе свое, отонленіе болѣе дешево, а возчики недорогіе—за доставку молока верстъ за пять брали они восемь рублей въ мѣсяцъ, маслодѣлу платилъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, то расходовъ на масло ложилось немного—не болѣе полутора рубля на пудъ. Большую половину за доставленное молоко мужики и бабы брали товаромъ, который имъ шелъ дорогой цѣной, то отъ масло-

дѣльнаго завода барыши насыпью посыпались въ карманъ Синюшина.

И послѣ тридцати лѣтъ своей торговли Синюшинъ, начавъ дѣло съ полутора ста рублей, насчитывалъ, что у него всего имущества—движимаго, недвижимаго и денегъ—находится близко къ двумъстамъ тысячамъ рублей.

IV.

При разсмотрѣніи торговли, посредствомъ которой у Синюшина сложился такой капиталъ, пришлось только слегка коснуться первыхъ годовъ его семейной жизни. Теперь же, когда кончилась рѣчь о торговлѣ, мы возвратимся лѣтъ на десять назадъ и посмотримъ, что у Синюшина въ это время дѣлалось дома.

Дѣтей у нихъ не прибывало, а тѣ трое были взрослые, старшему Семену уже наступилъ восемнадцатый, младшему Петру—пятнадцатый и сестрѣ Аннѣ—десятый годъ. Всѣ они на видъ были здоровые, красивые ребята. Семень имѣлъ веселый характеръ; онъ никогда ни надъ чѣмъ не задумывался и всегда былъ доволенъ. Петръ же выглядѣлъ его далеко посерьезное.

Хотя ихъ обоихъ обучалъ на дому какой-то прогнанный со службы за пьянство чиновникъ, но плоды науки и отъ плохого учителя привились неодинаково. Оба они, какъ толковые ребята, быстро усваивали грамоту, такъ что въ двѣ зимы научились бойко читать, писать и считать; но у Семена этимъ ученіе и кончилось—онъ навсегда забросилъ свои буквари, псалтири, книжки и никогда въ нихъ почти не заглядывалъ; а Петръ же съ жадностью прочитывалъ все, попадавшееся ему подъ руку: и сказки, и романы, и новѣсти, и географію, и исторію, и другія научныя книги. За такое пристрастіе къ книгамъ ему и доставалось отъ домашнихъ: они смотрѣли на чтеніе какъ на пустое и без-

полезное прохождение времени, почему за него и пробираля сына.

Образъ жизни всей семьи Синюшина былъ простой.

Синюшинъ уже землю пересталъ самъ обрабатывать, находя, что въ это время, какое онъ употребить на обработку своими руками, онъ получить пользы отъ торговли гораздо больше, чѣмъ отъ земли; поэтому онъ сталъ держать работника, который помогалъ и въ торговлѣ и обрабатывалъ землю; но все-таки Синюшинъ не оставлялъ земли безъ всякаго вниманія: онъ любилъ ее и самъ вездѣ слѣдилъ, чтобы чужой народъ воздѣлывалъ землю такъ, какъ ему надо было. Впрочемъ, въ домашнемъ хозяйствѣ ему много помогала скуная, расчетливая, умѣло управлявшая хозяйствомъ его жена, дрожавшая, чтобы не издержать лишнюю копѣйку и чтобы попусту не отдать ея чужимъ людямъ. Оба они постоянно были заняты работой и дорожили каждымъ часомъ, чтобы онъ не пронадалъ безполезно. Несмотря на такой трудъ, они выглядѣли здоровыми, бодрыми, веселыми; и, находясь въ постоянной дѣятельности, не знали никакой скуки и были почти всегда довольны своею жизнью.

Вся семья, сами прислуга и пришлый народъ ѣли вмѣстѣ, хлебая похлебку большими деревянными ложками изъ общаго глинянаго блюда или чашки. Пищу употребляли скромную, здоровую: въ скоромные дни—мясные щи, кашу или картошку и молоко, а въ постные—крупяные щи и поспѣнно—капусту, картошку, рыжики, кашу, горохъ, тянушку—толокно съ квасомъ; одѣвались по-деревенски, только одежда была немножко почище; передъ ѣдой, послѣ нея, передъ сномъ и утромъ молились Богу; ложились спать часовъ въ десять и вставали зимою часовъ въ пять, шесть утра, а лѣтомъ еще ранѣе.

Синюшинъ справлялъ въ году два пивныхъ праздника—Ильинъ и Покровъ день. Въ это время варилъ ведеръ по

десяти пива и угощалъ имъ гостей. Пиво всегда удавалось хмельное, вкусное, то гости налегали на него и напивались до-пьяна; хотя водка на праздники бралась, но при хорошемъ нивѣ ее совсѣмъ немного шло; кромѣ водки еще покупали свѣжей рыбы; крупчатую муку и изюмъ брали изъ своей лавки, а все остальное, необходимое для праздника—масло, яйца и пр.—имѣлось въ хозяйствѣ,—поэтому, не смотря на то, что къ Синюшину съѣзжалось много гостей—родни, и не смотря, что онъ угощалъ ихъ три дня на славу такъ что гости, уѣзжая, не знали даже какъ его и благодарить,—у него праздники стоили не очень дорого.

При такомъ скромномъ образѣ жизни у Синюшина не было никакихъ особенныхъ по дому и хозяйству расходовъ, то при хорошей торговлѣ онъ безбѣдно жилъ и копилъ денежки.

Семья находилась въ полномъ его послушаніи, и безъ воли его ничего не дѣлалось. Все въ семьѣ, въ теченіе лѣтъ двадцати, шло спокойнымъ, ровнымъ шагомъ, и ни чѣмъ особеннымъ жизнь не нарушалась.

Но вотъ наступило время—дѣти Синюшина стали взрослыя, старшему Семену уже минуло девятнадцать лѣтъ.

Выросшій въ довольствѣ, не испытавъ никакой нужды, никакой заботы и того, какъ иногда трудно добывается каждая копейка, Семенъ, зная, что отецъ богатъ и думая, что онъ только зря жметъ деньги и не даетъ имъ пожить на нихъ какъ слѣдуетъ, сталъ по возможности тянуть деньги и бросать ихъ на вѣтеръ.

Поѣдетъ ли, поидетъ ли онъ съ ребятами въ праздникъ на носидѣнки въ другую деревню, находившуюся отъ него въ трехъ верстахъ, гдѣ у него жила „любая“ Маша, то накупить свѣчъ и сдѣлаетъ цѣлую иллюминацію въ избѣ, набитой народомъ, и потчуетъ дѣвицъ пряниками и конфетами; для своей же любимой Маши—онъ ничего не жалѣлъ, чего бы она ни захотѣла, все онъ для нея доставалъ.

Маша была красивая дѣвушка изъ бѣдной крестьянской

семьи. Она безъ ума любила своего Сеню, который въ ней души не чаялъ. Семень хотѣлъ взять ее замужъ, но родители его и словъ не подпускали о женитьбѣ: имъ казалось для себя безчестнымъ взять къ себѣ въ домъ въ жены за сына дѣвушку изъ бѣдной семьи. Семень безъ Маши жить не могъ, не находилъ нигдѣ себѣ мѣста, нилъ съ горя и все свободное время проводилъ около своей любой.

Отецъ Маши, зная, что родители Семена никогда не согласятся женить сына на его бѣдной дочери, косо смотрѣлъ на ихъ дружбу, ругалъ, нерѣдко билъ дочь за то, что она путается съ неровней, который обманетъ ее и броситъ—тогда и бѣдствуй вѣкъ-то.

Посватался къ Машѣ парень изъ исправнаго дома; родители ея стали приневоливать выходить за него замужъ. Какъ она ни отговаривалась, какъ ни упиралась, но родители просто не давали въ домѣ житья, принуждая ее выходить замужъ за нелюбого жениха.—ругали, жестоко били, говоря, что она со своимъ Сенькой опозоритъ семью и сдѣлаетъ себя на весь вѣкъ несчастной. Пока хватало силъ, все терпѣливо она переносила изъ-за своего любого и въ трудныя минуты дѣлилась горемъ со своимъ Сеньей.

Семень просто не зналъ что дѣлать. Хотя онъ своихъ и упрашивалъ со слезами на глазахъ разрѣшить взять свою любую, но они даже словъ не подпускали, говоря, если онъ хсчетъ идти противъ родительской воли, то можетъ, въ чемъ есть на себѣ, на другой день со своей женой отправляться на всѣ четыре стороны.

Какъ ни говорила, какъ ни тужила наша парочка, сидя вдвоемъ, но придумать для себя ничего хорошаго не могла и рѣшила, что противъ родительской власти идти грѣхъ.

Вскорѣ Машу обвинчали съ нелюбымъ, а Семень долго бродилъ самъ не свой, заливая свое горе водочкой, ничего почти не дѣлая, и повелъ жизнь самую разгульную, такъ что отецъ не сталъ допускать его до торговли.

Такъ жилъ Семенъ съ годъ, ухитряясь напиться до пьяна почти каждый день и проводи время съ дѣвками, пользующимися не очень хорошей репутаціей. Нерѣдко ужъ очень расходились деревенскіе ребята, затѣвали между собою ссоры, которыя переходили въ драки, и отъ здоровыхъ кулаковъ доставалось обѣимъ сторонамъ. Горячій, прямой характеромъ, крѣпко сложенный Семенъ почти постоянно участвовалъ въ дракахъ, происходившихъ на его глазахъ, какъ-будто эти драки не могли безъ него обойтись. Отъ его крѣпкихъ кулаковъ доставалось противникамъ, да и онъ, какъ водится, нерѣдко возвращался съ драки съ помятыми боками и съ подбитыми глазами... Словно, онъ, въ винѣ, въ дѣвкахъ, въ дракахъ, хотѣлъ утопить свое горе или же думалъ, что они сломятъ его буйную головушку; но желѣзное его здоровье все настойчиво выдерживало.

Эта безшабашная жизнь наконецъ ему надоѣла — онъ немного присмирѣлъ и сталъ приниматься за дѣло.

Отецъ, почти отступившійся отъ сына, считая его всеѣмъ пронавшимъ человѣкомъ, такъ что было всеѣмъ махнулъ на него рукою, радовался такой перемѣнѣ, и видя, что парень сдерживаетъ себя, принимается за умъ, сталъ поручать ему по торговлѣ кой-какія дѣла. За работой, да за занятіями Семенъ по немногу сталъ забывать свое горе и привязываться къ трудовой жизни. Года черезъ три онъ женился на богатой и умной дѣвушкѣ торговца и взялъ двѣ тысячи приданнаго.

Петръ къ торговлѣ тоже плохо привыкалъ—тяготился ею; въ свободное время не переставалъ читать книги, которыя онъ уже самъ пріобрѣталъ, такъ что у него составила довольно порядочная библіотека самаго разнообразнаго содержанія книгъ, но самообразование его шло какъ-то порывисто: находятъ дни, недѣли, нерѣдко мѣсяцы, что онъ весь предается чтенію: онъ дорожитъ каждымъ часомъ каждой минутой, и какъ вывернутся они свободные, при-

нимается за книгу, и читаетъ почти до одурѣнія, не отрывая отъ нея глазъ.

При такомъ лихорадочномъ чтеніи, оно наконецъ емнадоѣдаетъ... и вдругъ онъ забрасываетъ его на недѣли иногда на мѣсяцы, начинаетъ хандрить, ходитъ невеселый, безъ всякой видимой причины является на него тоска... и въ одинъ день не выдерживаетъ, пьетъ вино во всю тяжкую—и тутъ не узнаешь нашего парня: куда дѣвалась его прежняя серьезность, куда дѣвалась его застѣнчивость, куда дѣвалась его тоска? Ихъ ужъ нѣтъ и слѣда.

Широкая его натура оборвала возжи и во всей своей свободной волѣ понеслась впередъ, не разсуждая, не разбирая, что понадается на пути, и не думая, что могутъ встрѣтиться препятствія, которыя могутъ сломить его голову. И тогда онъ былъ бы вылитый братъ Семень—и они вмѣстѣ часто кружились: вмѣстѣ пили водку, вмѣстѣ дрались и вмѣстѣ ходили по посидѣнкамъ.

V.

Не всегда братья были заняты торговлей и гуляньемъ, иногда находило на нихъ раздумье надъ своей жизнью—они сообща разсуждали о ней, находили, что она худа, что нужно исправиться, но, попрежнему, жили по старому. И теперь, послѣ кутежа, сидятъ они на берегу рѣки и толкуютъ между собою.

— Такъ жить намъ съ тобою не слѣдуетъ,—обращается къ брату Петръ. — Безпремѣнно надо перемѣниться — полюдски нужно поступать.

— Не знаю, право, на что еще намъ съ тобой мѣняться,—отвѣтилъ Семень.—Мы и то живемъ вокурать такъ, какъ всѣ люди живутъ: Бога мы не забываемъ—ходимъ въ церковь чуть-ли ни каждое воскресеніе, ни каждый праздникъ,—пьемъ, ѣдимъ, спимъ, наживаемъ для пропитанія своего

и для другихъ расходовъ отъ торговли деньги, гуляемъ, чужихъ денегъ не задѣваемъ—своимъ проиимаемся,—а если иногда поругаемся, подеремся, то не мы одни и другіе дерутся,—поэтому, мы живемъ какъ другіе, то и перемѣнять свою жизнь не къ чему.

— Вотъ у насъ съ тобой на вино и на другіе пустяки иногда летятъ въ какію-нибудь три дня десятки рублей тогда какъ у иного бѣдняка въ это время вся семья сидитъ по цѣлымъ суткамъ голодомъ—лучше бы помочь имъ, чѣмъ мотать деньги.

— Да всей бѣдности намъ съ тобой, братъ, не поправить; но твоему оно выходитъ пожалуй и такъ—раздай все имѣніе нищимъ, а потомъ самъ нуждайся—покорно благодарю. Я такъ не согласенъ жить; какъ получу отъ отца наслѣдство, вотъ тогда толкомъ гульну и кой-что хорошее увижу, по крайней мѣрѣ, тогда я отъ жизни возьму все то, что и другіе берутъ: мы вѣдь съ тобой не обѣвъ въ полѣ.

— Чего же ты отъ нея возьмешь?

— Вотъ смѣшно спрашиваетъ... Я возьму то, что другіе берутъ, у кого на то дозволяютъ средства; а каждый для себя хочетъ жить себѣ вволю, ни въ чемъ не отказывая пить, ѣсть—чего душа жаждаетъ, смотрѣть то, что нравится, пріобрѣсти какую нибудь должность, чтобы получать отъ людей уваженіе, а главное, быть богатымъ, такъ какъ человеку съ деньгами, будь онъ хоть того хуже, всегда и почетъ и уваженіе, почти вездѣ открыты двори; за денежки-то многіе передъ тобой, если ты пожелаешь, даже спляшутъ; а будь ты же бѣдный, то тѣ же плясуны и на кухню къ себѣ не пустятъ тебя.

— Но у тебя одно съ другимъ несовмѣстимо: ты хочешь получать себѣ всѣ удовольствія, для чего долженъ швырять деньгами направо и налево и въ то же время быть богатымъ; ты вѣдь самъ знаешь, что никакой расточитель

имѣнія не бываетъ богатъ; тотъ, кто отказывается себѣ во многомъ, ограничивается необходимыми потребностями, дорожить деньгами, чтобы напрасно не израсходовать ихъ: составляетъ себѣ капиталъ. Возьми для примѣра нашего отца: живи бы онъ расхоже, прогуливай бы всѣ добытыя, денешки, то онъ и былъ одинъ изъ ровныхъ мужиковъ, а какъ былъ онъ бережливъ и зря не расходовалъ деньги, то онъ теперь первый богачъ въ околоткѣ и отъ всѣхъ ему большое уваженіе.

— Однако можно жить такъ, чтобы получать удовольствіе и сохранять капиталъ, чтобы онъ не таялъ—надо удовольствіямъ знать мѣру.

— Вотъ мѣру-то знать трудно. Ты навѣрно читалъ сказку про рыбака и рыбку.

— Ну, какъ не читать, читалъ.

— Тутъ видишь и самъ; до чего дошли у старухи требованія исполнять свои желанія, если подъ руками у нея имѣлось средство, посредствомъ котораго достижимы были до нея всѣ ея желанія: что ей хотѣлось, что только отъ жизни могутъ получать люди, ей все являлось по первому, ея требованію; но наконецъ она все-таки захотѣла того, что исполнить желаніе ея, какъ и всякаго другого человека, совсѣмъ было невозможно, такъ какъ человеку немислимо жить въ океанѣ—морѣ; а такихъ неисполнимыхъ желаній у человека множество, почему и сказать, что я вполне счастливъ, потому что имѣю возможность получить все, нельзя.

— Я вѣдь не говорю про то: что бы я ни желалъ, то все исполнялось бы, а для меня достаточно получать то, что можно человеку имѣть и чѣмъ люди въ удовольствіе свое пользуются.

— Все горе-то въ томъ, что ты одинъ, а людей-то много, живутъ они въ разныхъ мѣстахъ, да у нихъ разные и требо-

ванія, то одному человѣку никакъ невозможно достичь всѣхъ ихъ удовольствій.

— Достаточно пользоваться и тѣмъ, что подъ руками.

— И все-таки ты будешь недоволенъ и станешь желать, чтобы получить то, что другіе получаютъ.

— Это само собой разумѣется.

— Такъ ты и самъ договорился до того, что всѣхъ удовольствій достигнуть нельзя—во многихъ приходится отказывать самому себѣ, почему и лѣзть къ нимъ больно не слѣдуетъ.

— Которыхъ достигнуть нельзя, то ихъ и не надо. По твоему, пожалуй, выходитъ, что нужно ничего не желать—тогда и жить не за чѣмъ, развѣ виснуть только... Нѣтъ, такая жизнь мнѣ не нравится... а мнѣ давай больше жизни, жизни...

— Въ этомъ случаѣ я не согласенъ съ тобою; по моему настоящая жизнь такая: умеренно пользоваться благами жизни—себѣ, въ удовольствіе и людямъ не на вредъ, не желать минутныхъ удовольствій, чтобы изъ-за нихъ послѣ не страдать дни, недѣли, мѣсяцы, годы, беречь, сохранять до старости свое здоровье, имѣть состояніе, чтобы быть независимымъ ни отъ кого, имѣть въ семьѣ согласие, справедливо относиться къ другимъ—вотъ тогда жизнь будетъ всегда пріятна и дорога.

— Для меня такъ больно скучна. Мнѣ давайте бурь. больше бурь!.. Послѣ бурь наступаетъ тишина, которая послѣ бури человѣку особенно пріятна...

— Послушай. Я тебя спрошу: неужели тебя не тревожить совѣсть за то, что ты соришь деньгами, а другіе въ это время голодаютъ?

— Какъ не тревожить—иногда и очень тревожить; но подумаешь: я одинъ бѣдности не помогу, а родилась она не отъ меня, то мнѣ объ этомъ и беспокоиться нечего. Махнешь на все рукой, да послѣ такой думы, для успокое-

нія себя, славно гульнешь, а послѣ гулянки, всю эту дурь съ себя ровно стряхнешь.

— Дѣло-то въ томъ и худо, что мы сами для народной пользы пальцемъ не хотимъ пошевелить, оправдывая себя тѣмъ, что другіе живутъ только для себя и никому пользы не дѣлаютъ, то намъ и Богъ проститъ; а если никто начала для пользы народа не сдѣластъ, то такъ другъ на друга пальцемъ вѣкъ-то и проуказываемъ; а совѣсть-то вѣдь незря насъ тревожитъ, что мы неправильно живемъ—не помогаемъ другимъ: если совѣсть не спокойна, то значить, у насъ не все благополучно.

— Ты, братъ, кажется, тутъ совсѣмъ заранпортовался—что-то ужъ больно мудроно говоришь, что не скоро тебя поймешь... Ну, если когда что худое и дѣлаемъ, то больше отъ пьянства—оно все виновато: трезвый не позволить того, что сдѣлаетъ пьяный.

— Что и за водка такая—во всемъ она, бѣдовая, виновата; по ея поступкамъ, какіе на нее люди взваливаютъ,—она и расточитель, она и воръ, она и поджигатель, она и душегубецъ, она и разбойникъ—то ей мало аресту, мало тюрьмы, мало Сибири, мало каторги, мало висѣлицы... Между тѣмъ, никуда ее не ссылаютъ, а при нервомъ же удобномъ случаѣ, для веселья, мы почти всѣ приглашаемъ ее къ себѣ, какъ желанную гостью, и пьемъ ее иногда до помраченія ума. Если мы знаемъ, что она для насъ такое зло, то для чего же мы ее трезвые пьемъ? Если мы сознаемъ, что черезъ нее происходитъ зло, то мы должны избѣгать ее, а мы же, напротивъ, еще къ ней льнемъ. Да потомъ у большей части водка только отговорка: трезвые что задумаютъ сдѣлать, то напьются пьяными, чтобы заглушить укоры совѣсти, натворятъ что нибудь, а потомъ ужъ на водку, вину и сваливаютъ—водка все стернитъ.

— Оно, пожалуй, такъ; но на словахъ то мы бываемъ куда какъ хороши, а на дѣлѣ-то совсѣмъ другіе: говоримъ,

нужно жить—такъ, живемъ—иначе, а одни слова—пустые разговоры: почти каждый и самъ сознаетъ, что онъ дѣлаетъ хорошо, что нехорошо, какъ нужно поступать справедливѣе, чтобы самому жить лучше, да и для другихъ быть справедливымъ и полезнымъ, но только это думать, говорить хорошо, а на дѣлѣ выходить не такъ легко измѣнить обычное круженіе колеса жизни, да совсѣмъ и не къ чему...

— Да что тутъ попусту толковать-то: ты вотъ и самъ теперь говоришь очень умно, а придетъ время—махнешь на все рукой и будешь удирать штуки не хуже другихъ. Вѣдь не разсуждая, гораздо легче жить.

— Пожалуй, что и я только поговорю. а на дѣлѣ, для добра и пальцемъ не пошевелю.

— Всѣ мы такъ, ничего почти полезнаго не дѣлая, вѣдь-то зря и болтаемъ; хоть на словахъ-то мы хороши—и то ладно,—закончилъ Петръ этимъ разговоръ.

VI.

Въ одинъ годъ много перемѣнъ произошло въ домѣ Синушина: самъ онъ и его жена умерли, Петръ женился, дочь вышла замужъ, получивъ себѣ въ приданное изрядную долю наслѣдства. Братья раздѣлились и жили въ отдѣльныхъ домахъ. Семенъ занялся торговлей мелочнымъ и мануфактурнымъ товаромъ, и содержалъ не одинъ кабачекъ, а Петръ велъ лѣсное дѣло и имѣлъ маслосѣльный заводъ и мелочныя лавки. Уже и вся жизнь ихъ потекла совсѣмъ по новому: въ ней не было ничего и похожаго на прежнюю, простую, скромную жизнь отца.

Старшій Семенъ остался въ отцовомъ домѣ; онъ передѣлалъ его по своему: устроилъ во всемъ низу обширное торговое помѣщеніе, а самъ теперь постоянно жилъ въ верху дома; въ домѣ появилось оклеенное хорошими обоями зало, гостинная, кабинетъ, спальня и кухня; зало уставлено

вѣнскими и мягкими стульями, лакированными раскладными столами, зеркалами до полу, а въ углу былъ и органъ; въ гостиной стоялъ въ углу прекрасный буфетъ, посреди большой столъ, а передъ нимъ мягкій диванъ; въ кабинетѣ появился письменный столъ. Словомъ, роскошь изъ города перевалилась и въ деревню.

Семья у него стала норядочная — четверо дѣтей — два сына и двѣ дочери; держалъ работника, работницу и няньку.

Вся семья одѣвалась по-городски: самъ Семенъ носилъ пиджачную пару, на вынукъ брюки въ смазные сапоги, пмѣлъ лѣтнее, осеннее пальто, лисью дорогую шубу и дорожный тулунъ; жена по буднямъ одѣвалась просто, а въ праздники была настоящая франтиха: нарядится въ шерстяное модное платье, навздѣваетъ на руки нопу золотыхъ колець и браслетъ, и къ обѣднѣ барыней покатитъ на сытой лошади, развалясь въ просторномъ тарантасѣ и гордо взирая на попадающихся навстрѣчу и кланяющихся мужиковъ и бабъ; дѣтей же одѣвали совсѣмъ въ городское платье.

Къ Семену часто заѣзжали гости: предсѣдатель управы, уѣздный врачъ, акцизный и др., и встрѣчали у него самый радушный пріемъ, чѣмъ они были очень довольны, такъ какъ въ путешествіяхъ по уѣзду иногда по цѣлымъ недѣлямъ, имъ надоѣдала сухая пища, прихватываемая изъ дому, почему они рады были хоть какому нибудь приварку, не только богатому обѣду, изготовляемому для нихъ самой хозяйкой Семена, къ тому же обѣдъ часто подправлялся веселой водочкой. Прощаясь, гости, повидимому, отъ всего усердія просили гостепріимнаго хозяина навѣщать ихъ, какъ онъ будетъ въ городѣ. Семенъ благодарилъ ихъ за приглашеніе, но у большей части своихъ городскихъ гостей онъ не бывалъ и въ домѣ, а многихъ, пріѣзжая въ городъ, даже самъ угощалъ ихъ въ гостиницѣ.

Хотя къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ и заходилъ разъ

много два, но, видя, что родственники хозяина смотрятъ на него не какъ на гостя, а какъ на лишняго человека, да и самъ хозяинъ, хотя наружно принимаетъ его любезно но видать, что въ душѣ былъ бы очень радъ, если бы гость поскорѣе отъ него убрался бы,—поэтому Семень и избѣгалъ заходить къ своимъ знакомымъ; но самъ онъ ничего не имѣлъ противъ того, что они при первомъ же удобномъ случаѣ навѣщали его: онъ съ ними хоть развлекался отъ однообразной деревенской жизни.

Иногда кутилъ Семень во всю тяжкую. Когда находилъ на него этотъ кружокъ, то онъ поилъ всѣхъ мужиковъ, попадавшихся ему подъ руку, и какое находилось въ домѣ вино—простое ли, столовое ли, коньякъ ли, портвейнъ ли.. все выпивалось компаньей до капли.

Нерѣдко онъ, пьяный, и дурилъ. Такъ разъ заставилъ церковнаго сторожа везти себя на тарантасѣ съ четверть версты; тотъ не смѣлъ его ослушаться и тащилъ, вынуча глаза, до самаго его дома. Въ награду за это Семень напоилъ сторожа до-сыта водкой и далъ ему еще въ походъ пинка, да подзатыльника... и сторожъ до сихъ поръ благодаренъ ему за такое угощеніе—онъ еще и теперь рассказываетъ про это путешествіе, гдѣ пришлось идти ему въ оглобляхъ.

Но не такъ много Семень пропивалъ денегъ у себя съ мужиками, какъ проживалъ въ гостиницахъ и въ игрѣ въ карты въ городѣ, гдѣ является очень много прихлебателей, которые пользуясь его оньяненіемъ, обыгрывали его въ карты на цѣлыя сотни рублей, да кромѣ того подсобляли ему пропивать денежки, такъ что за одну поѣздку приходилось Семену платить хозяину гостиницы иногда по пятидесяти рублей и болѣе.

Расходы у него съ каждымъ годомъ все увеличивались и увеличивались, а доходы стали все уменьшаться и уменьшаться. Уже крупныхъ торговцевъ въ ихъ мѣстности стало

не одинъ, а три—онъ, братъ и прїѣзжіи Юрковъ, ранѣе жившіи нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, парень со смекалкой, старавшіи во всемъ подставлять ногу своимъ конкурентамъ. Одна почти и та же торговля, раздѣлившись на троихъ, не могла, конечно, приносить столько дохода изъ нихъ каждому, сколько раньше приносила одному старику Синюшину.

Юрковъ купилъ клочекъ земли близъ деревни Блиново, находившіи въ жильѣ, въ пяти верстахъ отъ Синюшиныхъ, выстроилъ себѣ домъ, завелъ при немъ винную и мелочную лавку, маслодѣльный заводъ и мельницу. Какъ почти выросшіи въ столицѣ, онъ былъ съ покупателями обходителемъ, услужливъ, и зная, что копѣйка рубль бережетъ, изъ-за каждой копѣйки бѣгалъ въ лавку.

Мужики къ нему, какъ и ко всякому новому торговцу, гдѣ имѣется самый свѣжіи товаръ, новалили толпами.

Желая пріучить къ себѣ народъ и изъ дальнихъ деревень, Юрковъ скинулъ противъ Семена Синюшина гривеникъ у каждой четверти вина. Семену приходилось волеи-не-волей спускать цѣну, иначе его покупатели стали переходить къ Юркову, послѣдній еще скинулъ пятачекъ; задѣтый за живое Семенъ Синюшинъ сталъ отпускать вино дешевле чѣмъ Юрковъ... и до того они досбавляли цѣну, что водка при продажѣ стала имъ обходиться дороже чѣмъ при покупкѣ; но наши торговцы не задумались: барыши стали получать на водѣ, которую усердно подливали въ водку. Мужики на это не обращали большого вниманія и шли за виномъ къ тому, кто дешевле его продавалъ.

Особенно много выигрывалъ Юрковъ отъ своей аккуратности; Семенъ Синюшинъ небрежно относился къ торговлѣ, и нерѣдко случалось, что у него на пивные праздники, когда бываетъ большое стеченіе покупателей, не доставало вина; этимъ-то и пользовался Юрковъ: зная, что если у Семена Синюшина нѣтъ водки, то кромѣ его достать негдѣ,

такъ какъ ближе тридцати верстъ не было никакого кабака а кому надо на праздникъ вина, не пожалѣть денегъ—куинтъ вино и по дорогой цѣнѣ,—онъ надбавлялъ на каждую четверть иногда по полтиннику. Мужики въ душѣ ругая того и другого торговца: одного—что во-время не принасъ, а другого — что немилосердно съ нихъ деретъ, однако водку покупали и дорогой цѣной. И тутъ нерѣдко Юрковъ хваталъ очень хорошіе барыши.

Какъ нарень со смекалкой, Юрковъ при торговлѣ рассчитывалъ такъ: если онъ будетъ продавать товаръ сходно, то у него будетъ болѣе покупателей, а какъ будетъ болѣе покупателей, то онъ, получая съ cadaго хотя и понемногу, пріобрѣтетъ барыша больше, чѣмъ наживая отъ товара большой процентъ, но при ничтожномъ числѣ покупателей. Какъ онъ думалъ, такъ и сталъ поступать, и въ расчетахъ не ошибся: про него прошла молва, что онъ торгуетъ сходнѣе чѣмъ Синюшины... и толпой пошли въ его лавку покупатели, чего онъ и добивался.

Настоящимъ кладомъ у него была винная лавка, мельница и маслодѣльный заводъ. Мужики, пріѣхавъ на мельницу, иногда приносили ему тройной доходъ: платили за размоль, продавали ему же муку, деньги—или проиивали или забирали товаромъ. Большая часть денегъ за доставленное молоко оставлялась у Юркова же: деньги очень часто забирались водкой и товаромъ, которые хозяиномъ выдавались во всякое время весьма охотно, а деньги же получить было не всегда возможно—только при мѣсячномъ расчетѣ, когда за большой частью поставщиковъ молока присчитывался за ними одинъ долгъ, который переходилъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а часто изъ года въ годъ.

Желая скупить какъ можно больше молока для своихъ заводовъ, наши торговцы приманивали къ себѣ мужиковъ водкой, предлагая ее въ угощеніе, надбавляли цѣну на молоко и довели ее до такой стоимости, увеличивъ цѣну въ

полтора раза, съ тридцати подняли на сорокъ пять, что отъ производства масла они стали получать самые ничтожные барыши, а иногда даже убытки, и уже старались на-верстать на товарѣ и на винѣ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, всучивали своимъ поставщикамъ; но, какъ я уже говорилъ, и здѣсь цѣна была сбита, то доходъ отъ торговли у Семена Синюшина далеко было не тотъ, что въ прежніе годы при его отцѣ.

Дѣла же брата Петра были не лучше чѣмъ и у него. Петръ выстроилъ прекрасный въ шесть оконъ по лицу двухъ-этажный домъ, опушилъ его и выкрасилъ бѣлой краской; завелъ такую мебель и всю внутри дома обстановку, что ее не стыдно имѣть аристократамъ губернскаго города. Онъ славился гостепріимствомъ и жилъ на весьма широкую ногу. Доходъ-то сталъ уже совсѣмъ не тотъ, что прежде.

Лѣсное дѣло хотя въ первые годы и приносило ему хорошую пользу, но онъ очень поверхностно относился къ нему. Гдѣ бы нужно посмотрѣть самому на заготовкахъ и при приѣмѣ кунленнаго лѣса, онъ сидѣлъ дома и читалъ книги. Довѣренныя его входили съ мужиками въ выгодныя для себя сдѣлки и принимали для хозяина негодный, не-цѣпный лѣсъ за годный, за цѣпный. Нерѣдко еще въ весенній разгаръ лѣсного дѣла у Петра случался заной; а онъ, какъ занѣтъ, то, какъ говорится по пословицѣ, и ворота запретъ — почти бросалъ всякое дѣло; приходилось вездѣ хлопотать женѣ, для которой вести это дѣло было не по силамъ. Почему, благодаря такому образу жизни, у Петра было много упущеній по торговлѣ. Такъ, нѣкоторые мужички, не получая, но случаю заноя его, иногда по полугоду расчета, перестали продавать ему свой лѣсъ и не ѣхали на заготовку лѣса изъ его дачъ. Петру, чтобы продолжать дѣло прежнимъ порядкомъ, приходилось передавать за купленный лѣсъ и за заготовку своего лишнія деньги, что неблагоприятно отражалось на его торговлѣ. Нерѣдко изъ-за

его слабости къ водочкѣ случались и несчастья: то на низкомъ берегу устроить безъ хозяйскаго глаза свалку дѣса, и его при большой водѣ весною растащить, то онъ не позаботится своевременно о наймѣ хорошихъ лоцмановъ для прохода по рѣкѣ судовъ и приходится брать неопытныхъ.. и судна садятся на берегъ, гдѣ за перегрузку и за снимку одного судна приходится тратить цѣлыя сотни рублей... и много было другихъ униженій единственно лишь потому, что за дѣломъ не наблюдалъ хозяйскій глазъ.

Въ мелочную же лавку онъ рѣдко заглядывалъ и совсѣмъ почти не слѣдилъ за торговлей ея. Во-время не заготовить необходимаго товару, въ бездорожицу же трудно достать его; тогда какъ люди продаютъ товаръ, наживають деньги, а ему, за неимѣніемъ, приходится отказывать покупателямъ въ отпускѣ товара; затѣмъ, если иногда и возможно было въ худую дорогу достать товаръ, то за провозъ его брали лишнія деньги; эти-то лишнія деньги раскладывались на покупателей: имъ ставился дороже товаръ; но покупатели были не виноваты, что онъ не позаботился о своевременной заготовкѣ товара, и шли къ другому торговцу, который имъ отпускалъ товаръ сходиѣе... И лавка Петра часто пустовала.

Петръ, какъ человѣкъ, считающій себя, въ сравненіи съ мужиками, образованнымъ, свысока смотрѣлъ на нихъ: мужички по цѣлымъ днямъ сидѣли въ кухнѣ, прежде чѣмъ получали доступъ къ нему; этимъ-то онъ отталкивалъ покупателей и лицъ, имѣющихъ къ нему по торговлѣ дѣло.

Вездѣ, какихъ ты ни возьми покупателей, любятъ и сходиѣе идутъ къ тѣмъ торговцамъ, которые обходительнѣе, любезнѣе и попросту обращаются съ ними, такъ какъ каждому за свои денежки тянуться передъ торговцемъ не хочется. Поэтому они лавку Петра обходили.

Съ лѣсохранительнымъ комитетомъ подорвалось и лѣс-

ное дѣло. Петръ, хотя зналъ о введеніи въ нынѣшнемъ году лѣсохранительнаго комитета, но понадѣялся на авось, и по примѣру прежнихъ лѣтъ навывдалъ крестьянамъ задатки въ счетъ поставки и вывозкѣ лѣса изъ его дачъ. Только что по установившейся дорогѣ крестьяне хотѣли приступить къ заготовкѣ лѣса, какъ вышелъ отъ полиціи строгій приказъ, чтобы, не раздѣливъ дачи на участки, ихъ не рубить.

Никто своевременно не позаботился, чтобы въ виду введенія лѣсохранительнаго комитета, размежевать дачи на участки; рубить ихъ надо—лѣсное дѣло составляетъ главный для мѣстности заработокъ, а рубить нельзя. Наши мелкіе торговцы и мужики и носы новѣсили. Богатые же кушцы тѣ не растерялись: у каждаго крупнаго лѣсопромышленника имѣлось много большихъ дачъ; они, для отвода глазъ, распустили слухъ, что имъ разрѣшено сплошь рубить одну дачу, если по общей сложности дачъ она составляетъ то количество десятинъ, которое приходится на вырубку въ нынѣшнемъ году.

За немѣніемъ нигдѣ работъ цѣлыми вереницами потянулись къ нимъ мужики на заработки, и дешевой цѣной нанимались на заготовкахъ лѣса... и съ веденіемъ лѣсохранительнаго комитета лучшихъ дачъ нашихъ крупныхъ лѣсопромышленниковъ какъ не бывало.

Мелкіе торговцы и мужики вырубали сначала буреломникъ, выгребая его изъ глубокаго снѣга: но смотрѣли, смотрѣли, какъ валятъ лѣсъ крупные владѣльцы лѣсовъ и сказали: „и наша рука не щербата“... и съ ожесточеніемъ начали валить лѣсъ, словно стараясь наверстать напрасно потерянное время. И въ концѣ зимы пошла прежняя опустошительная рубка лѣса...

Но это только было въ первый годъ, а потомъ уже объ охраненіи лѣсовъ примутся болѣе положительныя мѣры, и дѣло лѣсопромышленниковъ будетъ поставлено въ очень тѣсныя рамки, гдѣ не схватишь огромныхъ барышей.

Въ первое время Семеномъ было открыто много кабаковъ, а Петромъ—мелочныхъ лавокъ въ окрестныхъ волостяхъ; эти кабаки и мелочныя лавки сначала давали имъ хорошій доходъ; но потомъ у нихъ все дѣло стали портить приказчики: нобудетъ приказчикъ на службѣ съ полгода, много съ годъ, смотришь—при учетѣ у него и не хватаетъ иногда сотни, иногда и болѣе; растрата денегъ приказчиками стала поглощать не только всѣ барыши хозяевъ, но даже прихватывала ихъ основной капиталъ, почему они и стали сокращать количество кабаковъ и мелочныхъ лавокъ.

Введеніе казенной продажи вина окончательно зарѣшило винное дѣло нашихъ торговцевъ, а продажа мелочного и мануфактурнаго товара, въ сравненіи съ прежними барышами, давала торговцамъ одни пустяки.

Но всего же тяжелѣе начала отражаться на торговлѣ честность и имущественное положеніе мужиковъ. Тогда какъ прежде мужичкамъ въ счетъ уплаты за покунку и за заготовку лѣса и поставку молока выдавались впередъ деньги наличными или товаромъ только на одно честное слово, которое нарушать они считали позоромъ и слово свое почти всегда исполняли, теперь же они обѣднѣли, главное по причинѣ раздѣла одной и той же земли съ увеличеніемъ населенія, — то ихъ стала затягивать нужда и бѣдность, почему они волей-не-волей стали нерѣдко нарушать заключенные съ торговцами словесные договоры: не исполняли обѣщанныхъ подрядовъ поставки лѣса и молока, не зарабатывали на заготовкахъ у торговцевъ забранныхъ впередъ денегъ и не платили за взятый въ долгъ товаръ. Мужики, задолжавъ у одного и, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, шли зарабатывать деньги къ тому торговцу, которому они не должны и который, слѣдовательно, не засчитаетъ заработанныхъ денегъ въ уплату долга—выдастъ имъ на руки; а этими деньгами уплатятъ они подати, изъ-за которыхъ

недомнщикамъ нерѣдко приходится сидѣть подъ арестомъ; на оставшихся отъ уплаты податей деньги, другимъ еще приходится купить хлѣба, въ чемъ имѣется у многихъ нерѣдко съ половины года крайняя нужда.

Торговцы же, наученные горькимъ опытомъ, какъ рискованно вѣрить деньги и товаръ мужикамъ на одно слово, стали брать съ нихъ условія, росписки и векселя; но и это почти нисколько не приносило пользы торговлѣ: если который мужикъ честный и пужда не забиваетъ его, то для него и слово дороже документа, а для другихъ же мужиковъ оказались документы никуда негодными.

За неуплатой должниками торговцу денегъ, ему пришлось предъявлять документы ко изысканію земскимъ начальникамъ и волостнымъ судамъ, тратить деньги на пошлины, за написаніе прошеній и самому таскаться по судамъ, такъ какъ не только вблизи но, даже во всемъ ихъ уѣздѣ не было ни одного частнаго новѣреннаго, которому бы можно было поручить веденіе дѣлъ; для торговца—время дорого, а тутъ нужно, расходуя на поѣздки деньги, торчать въ судахъ цѣлые дни: у земскихъ начальниковъ заочныхъ рѣшеній для истца не допускается.

Земскіе, удовлетворяя иски торговцевъ, присуждали имъ пошлины и пустяки за веденіе дѣлъ—по четвертаку, по полтиннику, а очень рѣдко по рублю и болѣе; въ волостныхъ же судахъ присужденіе за веденіе дѣлъ издержекъ даже совсѣмъ не практикуется. При полученіи исполнительныхъ листовъ у торговцевъ уже ощущался убытокъ отъ того, что они во время нужды ссудили мужиковъ деньгами и товаромъ, такъ какъ, что имъ присуждено по документамъ, судебныхъ и за веденіе дѣлъ издержекъ, нерѣдко они сами болѣе дали, израсходовали за написаніе прошеній и при поѣздкахъ по дѣламъ.

Мало этого, исполнительные листы нужно предъявлять волостному старшинѣ, или становому или судебному приставу

для требованія съ должниковъ денегъ, описи и продажи ихъ имущества. А такъ какъ на практикѣ оказывалось, что старшины держали у себя исполнительные листы безъ всякаго движенія по нѣскольку лѣтъ и мало обращали вниманія на понужденія земскихъ начальниковъ, да къ тому же неумѣло, а отчасти но домашнему обращались при описи имѣній, то имъ передавать исполнительные листы для взысканія было совсѣмъ не для чего—развѣ большею частью для одной потери времени, то волей-не-волей чаще приходилось имѣть дѣло съ приставами, которымъ надо платить иногда довольно порядочныя, за дальностью разстоянія, прогонныя и суточные деньги на его поѣздки: для врученія повѣстки, для описи и продажи имѣнія.

При описи, до надѣльныхъ земель нашихъ крестьянъ касаться нельзя; а такъ какъ иски большею частью небольшіе, то и къ купленной землѣ не приступить: если взысканіе меньше пятидесяти рублей, то недвижимое имущество на удовлетвореніе долга нельзя назначить въ продажу.

Приходится описывать только движимое. Здѣсь опять нельзя продать „необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства“: лошадь, корову, соху, сбрую и хлѣбъ для продовольствія семьи на цѣлый годъ. А такъ какъ слова—„необходимая принадлежность крестьянскаго хозяйства“—крайне растяжимы, то сельскіе старосты не позволяли продавать большую часть описаннаго имущества: иначе произойдетъ разстройство крестьянскаго быта.

Если какое имущество должниковъ и поступало въ продажу, то вырученныя деньги шли прежде всего на уплату податей, а кредиторамъ иногда не приходилось для уплаты ихъ долга даже ни одного гроша.

На дѣлѣ и выходитъ: торговцамъ, вмѣсто того, чтобы получать съ должниковъ собственныя деньги, приходится еще иногда наставлять другія свои. Это, конечно, каждому не совсѣмъ пріятно.

Торговцы, наученные горькимъ опытомъ, какъ трудно, при теперешнемъ положеніи крестьянъ, получать съ нихъ деньги, и такъ какъ и безъ того уже у каждаго изъ нихъ пронадають за крестьянами большія суммы—нерѣдко весь долгъ за ними они исчисляють въ нѣсколько тысячъ рублей,—то торговцы нашли: гораздо выгоднѣе и полезнѣе для нихъ—по меньше оборотъ торговли вести, да лучше крестьянамъ въ долгъ ни гроша не вѣрить.

И кредитъ для нашихъ крестьянъ у торговцевъ въ настоящее время почти совсѣмъ закрылся, что неблагоприятно отразилось на жизни торговцевъ и крестьянъ.

Теперь случись у крестьянина сильная нужда въ деньгахъ на подати, на хлѣбъ—взять негдѣ, нужно продавать за безцѣнокъ имущество, чтобы послѣ дорогой цѣной его опять же покупать, гдѣ приходится крестьянину терпѣть большіе убытки, отчего нерѣдко и сильно бѣдствовать. Безъ кредита же, у торговцевъ оборотъ торговли значительно уменьшился, почему и торговля стала имъ приносить уже не прежній доходъ—значительно меньше.

Между тѣмъ, какъ прибыль отъ торговли все уменьшалась и уменьшалась, расходъ же на домашнюю жизнь у Синюшиныхъ не сокращался, напротивъ, даже съ возрастомъ дѣтей у нихъ расходъ увеличивался, уже два сына Семена и одинъ Петра учились въ гимназіи, находившейся въ губернскомъ городѣ въ ста восьмидесяти верстахъ отъ ихъ деревни. Содержаніе каждаго сына съ дорогами, гдѣ приходилось ѣхать на лошадяхъ, имъ стоило рублей двѣсти въ годъ, которые были очень чувствительны для нихъ.

Только можно было приписать честь въ экономіи женамъ обоихъ Синюшиныхъ. Это были умныя, симпатичныя, радушныя хозяйки; въ обыденной жизни они вели себя очень просто: одѣвались скромно, по возможности все дѣлали сами: обряжались около печки—пекли, варили, нерѣдко сами мыли полы и стирали.

Несмотря на то, что ихъ мужья, въ поѣздкахъ своихъ по городамъ, отличались не очень скромнымъ поведеніемъ, но ихъ жены, вполнѣ то можно сказать, въ семейной жизни отличались безупречностью и были очень хорошія домовныя хозяйки, всецѣло поглощенные дѣтьми, хозяйствомъ и торговлей, гдѣ мужьямъ они были очень хорошія помощницы.

Но ихъ экономія, въ сравненіи съ широкой жизнію мужей, была незначительна и особенно не вліяла на собраніе расходовъ, которые не сходились съ приходомъ, почему обоимъ Синюшинымъ приходилось иногда прихватывать на расходы нерѣдко основного капитала, что не предвѣщало впереди ничего хорошаго.

Природная русская смекалка и изворотливость въ дѣлахъ и здѣсь выручили нашихъ торговцевъ: они увидѣли, что вести прежній способъ торговли нельзя, то стали примѣняться къ настоящей жизни и пріискивать новыя предпріятія, которыя давали бы имъ вѣрный доходъ.

VII.

Покаместъ все дѣло у Синюшиныхъ основано главнымъ образомъ на торговлѣ мелочнымъ и мануфактурнымъ товаромъ; они крѣпко держались за это дѣло, дававшее имъ кусокъ хлѣба, и между ними и Юрковымъ шла изъ-за волостного правленія и фельдшерскаго пункта ожесточенная борьба, въ основѣ которой лежала торговля.

Опытный и расчетливый Юрковъ уже утянулъ къ себѣ въ деревню Блиново камеру земскаго начальника, находившуюся ранѣе въ деревнѣ Доръ, гдѣ жили Синюшины. Для этого онъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

Въ одно время смѣнился земскій начальникъ и хозяевамъ не заплатилъ за квартиру. Хозяева уже новаго не стали пускать къ себѣ въ домъ: они рады были, что изба-

вились отъ стараго, который имъ за квартиру не платилъ, не считалъ ихъ за хозяевъ и распоряжался домомъ по своему усмотрѣнію. Другой подходящей квартиры для земскаго въ деревнѣ не оказалось... и услужливый Юрковъ, самъ поселившись внизу, предложилъ ему верхъ своего дома—очень удобное помѣщеніе какъ для камеры земскаго, такъ и для его квартиры. Земскій, отчасти задѣтый за живое, что во всей деревнѣ Доръ, очень большой, не оказывалось ему помѣщенія, былъ радъ предложенной Юрковымъ квартирѣ, и поселился въ его домѣ.

Тогда только поняли Синюшины, какую они сдѣлали глупость: къ земскому въ ихъ деревню изъ нѣсколькихъ волостей приходило много народу и покупали у нихъ товаръ; съ переводомъ же камеры они этихъ покупателей лишились. Теперь близокъ локоть, да его не укусишь.

А нашъ Юрковъ торжествовалъ: онъ уже на своемъ карманѣ испытывалъ, какую онъ ловкую штуку удралъ—у него появились новые покупатели, которые много товару разносили домой, да вдобавокъ, имъ иногда приходилось дежурить у земскаго цѣлый день, то ихъ разбиралъ голодъ, они покупали у Юркова съѣстнаго. И сыпались въ карманъ Юркова, сверхъ прежней смѣты, новые доходы. Онъ отъ удовольствія потиралъ руки, да радовался, что у него съ каждой недѣлей повышается доходъ. Братья Синюшины смотрѣли на его торговлю, да только облизывались.

Видитъ Юрковъ, какую онъ пользу себѣ приобрѣлъ съ переводомъ земскаго, сталъ подумывать, какъ бы перетянуть къ себѣ изъ деревни Доръ и фельдшерскій пунктъ, и волостное правленіе.

Зная, что помѣщеніе для пункта изъ не совсѣмъ удобныхъ—не сегодня, такъ завтра придется перемѣнять квартиру,—Юрковъ, находясь вдвоемъ въ его домѣ, спросилъ фельдшера, своего пріятеля, какъ бы устроить, чтобы пунктъ перевести въ его деревню. Если фельдшеръ это сдѣластъ,

то онъ общалъ ему вѣчную свою дружбу и не остаться никогда въ долгу.

Фельдшеръ былъ уже не молодой, семейный, нужда забивала его, а при нуждѣ его часто не оставлялъ Юрковъ ссужая въ долгъ товаромъ, а иногда и деньгами, то онъ старался отплатить добромъ своему благодѣтелю. Не задумываясь долго, онъ сказалъ:

— О, парень, это больно просто сдѣлать.

— Какъ же?

— Я сообщу управѣ, что помещеніе для пункта неудобно въ санитарномъ отношеніи, такъ какъ пріемная комната отдѣляется отъ жилого помещенія, гдѣ обитаетъ дьяконъ со своей семьей, одной тесовой перегородкою, то семья дьякона можетъ заразиться отъ больныхъ, да и ребята дьякона мнѣ сильно мѣшаютъ: иногда нужно выслушать больного, а они кричатъ, пищатъ, режутъ что есть духу, такъ что иногда подумаешь выслушать больного, да такъ и отдумаешь. Главное же, домъ подъ пунетомъ старый, еще выстроенъ при царѣ Горохѣ, а такъ какъ онъ церковный—присмотрю и ремонту ему нѣтъ, то онъ грозитъ еще опасностью: того гляди, что всѣхъ задавить.

— Ты устрой это, пожалуйста, я тебя поблагодарю.

— Ничего мнѣ отъ тебя не надо—я и старымъ доволенъ; когда ни заѣдешь къ тебѣ—принимаешь меня какъ родного и угощаешь ровно зятя своего.

— Положимъ и угостить тебя слѣдуетъ: у меня куча ребяташекъ—часто не тотъ такъ другой хвораетъ, да самому и женѣ иногда не поздоровится—и посылаешь лошадь за тобой. А ты, если возможно, никогда не отказываешься навѣстить меня.

— Наша служба такая: зовутъ—поѣзжай.

— Я еще спрошу тебя насчетъ перевода пункта: чтобы перевести его изъ одной деревни въ другую вѣдь надо причины.

— Первая причина и есть, что при деревнѣ Доръ нѣтъ удобной для пункта квартиры... Да вѣдь, парень и у васъ въ деревнѣ не найдется для пункта подходящаго дома.

— О, объ этомъ разговаривать не стоитъ: если бы управа согласилась перевести сюда пунктъ, то я выстроилъ бы подъ пунктъ прекрасное помѣщеніе.

— Да цѣну-то за помѣщеніе земство больно дешево даетъ—только восемьдесятъ рублей въ годъ.

— Это ничего, и за эту плату можно сдавать для пункта помѣщеніе—и восемьдесятъ рублей деньги. Но вотъ еще дѣло въ чемъ: Синюшины конечно не захотятъ, чтобы отъ нихъ перевели пунктъ—это для нихъ будетъ невыгодно, да и обращаться за леченіемъ за пять верстъ, не совсѣмъ удобно, то они постараются помѣнать переводу: предложить выстроить отъ себя новое помѣщеніе.

— У насъ есть другая причина, по которой земское собраніе переведетъ пунктъ къ тебѣ: большая часть населенія нашего пункта находится ближе къ тебѣ, чѣмъ къ деревнѣ Доръ, такъ что для населенія пункта въ общемъ будетъ гораздо ближе обращаться въ пунктъ, если большая часть населенія будетъ вокругъ него. Я представлю, черезъ врача, къ собранію свой отчетъ, въ которомъ прямо выскажу, что дальнѣйшее пребываніе пункта въ церковномъ домѣ совсѣмъ невозможно, а ты къ тому времени предложи выстроить для пункта удобное помѣщеніе.

— Идетъ. Дѣло кончено. Начнемъ-ка мы въ добрый часъ орудовать; авось и наша выналитъ. А теперь съ началомъ дѣла мы вынемъ съ тобой по рюмочкѣ.

Юрковъ притащилъ бутылочку столовой и сталъ съ фельдшеромъ, разсуждая еще о переводѣ, опорожнивать ее.

Фельдшеръ составилъ отчетъ и высказалъ въ немъ, что въ церковномъ домѣ оставаться болѣе нельзя. Отчетъ онъ послалъ врачу. Врачъ пріѣхалъ на сходъ волости, гдѣ находился пунктъ и заявилъ, что если сходъ не найдетъ удоб-

наго помѣщенія для пункта, то пунктъ перенесутъ въ другую волость. Крестьянинъ Кириковъ предложилъ подѣ пунктъ въ даръ земли, а Юрковъ обѣщалъ выстроить на ней домъ, такъ какъ мѣсто находилось вблизи его дома.

По порученію управы врачъ съ членомъ управы, земскимъ и старшиной осматривали мѣсто, предлагаемое Кириковымъ и нашли это мѣсто болѣе удобнымъ для пользованія пунктомъ, съ чѣмъ согласилось земское собраніе и постановило пунктъ перенести на землю Кирикова, находящуюся вблизи деревни Блиново.

Но документовъ на эту землю у Кирикова не оказалось, въ скоромъ времени онъ достать не могъ, а между тѣмъ подоспѣло слѣдующее земское собраніе. Составъ гласныхъ перемѣнился—въ него попали оба брата Синюшина. Петръ Синюшинъ прочиталъ собранію заявленіе, въ которомъ высказалъ, что пунктъ находится при ихъ деревнѣ много лѣтъ, что какъ самое мѣсто, такъ и помѣщеніе для пользованія пунктомъ удобны, что въ деревнѣ можно найти и другое помѣщеніе, что земля, предлагаемая Кириковымъ, болотистая, никуда негодная, почему и не представляется необходимости въ переводѣ пункта. Семень же Синюшинъ заявилъ собранію, что онъ выстроить подѣ пунктъ удобное помѣщеніе. Собраніе согласилось съ докладомъ Петра Синюшина и фельдшерскій пунктъ оставило при деревнѣ Доръ.

Кириковъ подалъ слѣдующему собранію заявленіе, въ которомъ высказалъ между прочимъ: „земля, предлагаемая имъ подѣ пунктъ, не „болотистая“, какъ выразился въ своемъ заявленіи Петръ Синюшинъ, а удобная, что удосто- вѣрено актомъ члена и врача, что Синюшинъ говорилъ собранію „видимо безъ присяги, въ свою пользу, а не общественную, что онъ лгалъ“.

Семень Синюшинъ строилъ домъ подѣ пунктъ, но постройкой увлекся, выстроилъ какой-то дачный домъ, неприноровленный подѣ пунктъ и стоившій ему очень дорого,

такъ что отдавать его въ аренду подъ пунктъ за восемьдесятъ рублей въ годъ, ему было жалко.

Осматривать помещеніе прїѣзжалъ членъ управы, смѣнившій составлявшаго актъ о землѣ Кирикова. Онъ, нашелъ, что церковный домъ, гдѣ помещается пунктъ, теперь отремонтированный, гораздо удобнѣе для пункта чѣмъ домъ, предлагаемый Синюшинымъ, и что церковное попечительство обѣщается въ слѣдующемъ году, какъ будетъ заключенъ на наемъ новый контрактъ, сдѣлать въ домѣ существенный ремонтъ, что дьяконъ съ семьей уже выѣхалъ и теперь весь домъ занимаетъ пунктъ, почему онъ находитъ удобнѣе пунктъ оставить въ прежнемъ домѣ. Собраніе согласилось съ нимъ и пунктъ оставило въ церковномъ домѣ. Веѣ хлопоты о переводѣ пункта были совсѣмъ ни къ чему.

Въ этой кашѣ пострадалъ только фельдшеръ со своей многолюдной семьей. Онъ служилъ въ этомъ земствѣ фельдшеромъ много лѣтъ, едва ли не болѣе двадцати, и на службѣ потерялъ все свое здоровье; но у него была слабость къ водочкѣ; при ней онъ иногда небрежно относился къ своей службѣ. Когда было со всѣми по согласью, то всѣ его упущенія по службѣ сходили ему съ рукъ. Но братья Синюшины провѣдали, что фельдшеръ отчасти настроилъ Юркова, какъ повести дѣло, чтобы перетянуть къ себѣ пунктъ, и самъ помогалъ ему въ достиженіи этого—они, пользуясь его слабостью къ водочкѣ и упущеніямъ по службѣ, стали сживать его съ мѣста. Сами они и по ихъ настроенію мужики подавали врачу и земской управѣ жалобы на фельдшера, и фельдшеръ отъ службы былъ уволенъ.

Видитъ Юрковъ, что эта затѣя его не удалась; но онъ не отставалъ отъ мысли перевести къ себѣ волостное правленіе, которое находилось на краю волости, и его деревня была болѣе центральная. Земскій, какъ жившій съ нимъ въ ладахъ, стоялъ за переводъ правленія.

По этому вопросу собирався нѣсколько разъ волостной сходъ; но чтобы перевести правленіе, требовалось согласіе двухъ третей участвующихъ на сходѣ лицъ, на бѣду Юркова до двухъ третей не хватало двухъ лицъ, а приговоръ все-таки былъ составленъ и отправленъ земскому. Земскій приговоръ съ своимъ заключеніемъ, что онъ находитъ болѣе полезнымъ для волости перенести правленіе въ деревню Блиново, направилъ въ уѣздный съѣздъ, а послѣдній въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе постановило оставить и правленіе на прежнемъ мѣстѣ, хотя Юрковъ и предлагалъ подѣ правленіе новый обширный домъ, но съ тѣмъ, чтобы старый домъ поступилъ въ его пользу.

Къ довершенію всѣхъ его этихъ невзгодъ, въ мѣстной газетѣ появилась сказка подѣ названіемъ Юрко разбойникъ, гдѣ подѣ видомъ сказочки выводится Юрковъ въ очень неприглядномъ видѣ: и воръ, и плутъ, и кулакъ и т. д., гдѣ къ правдѣ примѣшана была и неправда.

Сказку эту всѣмъ распространялъ Семень Спнюшинъ, своимъ мужикамъ показывалъ и прочитывалъ ее, говоря, что все, что написано тутъ, рассказано про Юркова. Молва о такой сказкѣ быстро распространилась по мѣстности и дошла до самого Юркова, котораго такъ она поразила, что, прочитавъ ее, онъ совсѣмъ потерялъ голову—бродилъ какъ самъ не свой и нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Составителемъ этой сказки онъ безусловно считалъ Петра Спнюшина который и ранѣе пописывалъ корреспонденціи въ газетахъ, а на Юркова изъ-за торговли давно ужъ грызъ свои зубы. До того сказочка возмутила Юркова, что его голова постоянно была занята ею.

Кто ни придетъ къ нему, онъ всегда первый заведетъ разговоръ о сказочкѣ, и все время толкуетъ объ ней, такъ что своей сказкой даже надоѣстъ посетителю.

И теперь онъ сидитъ съ пріѣзжими изъ ихъ города гостемъ и обращается къ нему съ вопросомъ.

— Вы читали про меня сказочку?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ гость, — не слыхалъ даже о существованіи такой сказочки.

— Не слыхали, такъ я вамъ сейчасъ принесу газетку, гдѣ напечатана сказочка; вы ее прочитайте.

Черезъ нѣсколько времени онъ являлся съ газетой въ рукахъ, и сказочка прочитывалась отъ начала до конца.

— Скажите, пожалуйста, — возмущался Юрковъ, — какая низость, какая подлость напечатана тутъ! Кто же думаете написалъ сказочку.

— Не знаю кто.

— Кто же какъ не Петръ Синюшинъ: онъ самъ подлый человѣкъ, то думаетъ, что всѣ люди таковы... Нѣтъ, братъ, онъ не на того напалъ, я такъ съ нимъ не разстанусь: не я буду, если его, мошенника, въ тюрьму не упрячу. Что я ему худого сдѣлалъ, за что онъ меня такъ позорить? Что я за разбойникъ, за воръ такой: что я кого убилъ, ограбилъ, или у кого укралъ! Вотъ непременно поѣду въ городъ, найму адвоката и стану привлекать его къ отвѣтственности. Какъ посидитъ въ тюрьмѣ, такъ впередъ не не будетъ марать правыхъ людей.

— Не стоитъ вамъ заводить дѣло, — разговаривалъ его гость, — все равно изъ этого ничего не выйдетъ, а только еще болѣе вы ославите себя. Редакторъ — можетъ быть не выдастъ автора сказочки: приметъ обвиненіе на себя; если редактора и обвинять въ оскорбленіи васъ, то вы лично не будете удовлетворены: главный вашъ врагъ останется въ сторонѣ. Но дѣло-то въ томъ, что написана сказочка, которую вы принимаете на свой счетъ, поэтому авторъ можетъ отпереться, что онъ совсѣмъ писалъ не про васъ, а если нѣкоторые факты подходятъ къ вамъ, то скажетъ, что онъ въ этомъ не виноватъ.

— Да какъ же написано не про меня, если тѣ же братья Синюшины, навязывая всѣмъ газету, говорятъ: „про-

читайте, тутъ напечатано про нашего Юркова“. Ясно дѣло—сказка написана про меня.

— Вы сами болѣе всѣхъ распространяете эту сказку, а не Синюшины. Кто ни придетъ къ вамъ—вы всѣмъ рассказываете про нее и даєте читать. Кто про нее даже и не слыхалъ, а отъ васъ узнаетъ, что сказка написана про васъ, такъ какъ вы сами обращаетесь къ каждому со словами: „знаете ли что подлецъ, Петръ Синюшинъ, написалъ про меня“... Вамъ бы лучше сидѣть, да молчать, не обращая вниманія ни на какія сказки и разговоры: тогда поговорятъ, да видя, что ихъ разговоры для васъ ни къ чему, скорѣе отстанутъ. А если коснется дѣло до сказки, то отпѣкивайтесь тѣмъ, что мало-ли что въ сказкахъ пишется, да какъ все принимать на свой счетъ и изъ-за этого распространяться — то покорно благодарю. Съ судомъ же свяжетесь—прямо выдадите себя, скажете публично, что сказка написана про васъ. Будутъ у васъ съ судомъ одни расходы, заботы, непріятности, да еще та же газета надъ вами разсмѣется, что была написана сказка, а вы принимаете ее на свой счетъ. Да и положеніе ваше на судѣ будетъ очень непріятное: въ одно и то же время нужно доказывать, что сказка относится къ вамъ и что въ ней написана неправда—одно съ другимъ не очень совмѣстимо.

— Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, а я отъ сказочника такъ не отступлюсь: лучше ужъ совсѣмъ осрамлюсь, да съ подлецомъ посужусь и покажу ему, какъ порочить правыхъ людей. Посудите сами: легко ли мнѣ переносить, если дѣтямъ моимъ ребяташки не даютъ проходу — тодько и дразнятъ: „Юрко разбойникъ, да Юрко разбойникъ“... Да что я за разбойникъ такой!.. помилуйте, пожалуйста.

Видя, что Юрковъ нравственно сильно потрясенъ сказкой и что единственный исходъ выйти изъ этого угнетеннаго положенія, есть только тотъ или другой результатъ суда, гость не сталъ болѣе возражать ему.

— Первое время, продолжалъ Юрковъ,—у меня бродила мысль: встрѣтить гдѣ-нибудь Петра Синюшина и публично залѣпить ему по мордѣ, по крайней мѣрѣ—на, получить и отъ меня награду. До того у меня накипѣло на душѣ, что разъ я, встрѣтившись съ нимъ въ гостиницѣ, едва удержался, чтобы не ударить его; но потомъ раздумалъ: не стоитъ для подлеца рукъ марать—лучше я съ нимъ по закону судомъ раздѣляюсь.

— Вы напрасно такъ близко принимаете къ сердцу эту сказку,—утѣшалъ гость,—нишуть вѣдь въ газетахъ и про хорошихъ лицъ—но они не обращаютъ на корреспонденціи никакого вниманія, и нисколько не оскорбляются, что они иногда выставлены въ не очень красивомъ видѣ.

А вамъ-то особенно тревожиться не зачѣмъ: вы отъ сказки ничего не теряете—были крестьяниномъ, крестьяниномъ и останетесь—никто васъ не разжалуетъ.

— Неужели вы думаете, что мужикъ не можетъ оскорбляться, какъ его ни позоръ? Вѣдь онъ такой же человѣкъ какъ и всѣ другіе. Зачѣмъ безъ причины марать его доброе имя, если онъ того не заслуживаетъ? Если бы написали про меня все правду, то я не сталъ бы оскорбляться: наплели небывлицы въ лицахъ и носи ихъ за бархатъ; я и долженъ изъ-за лжи переносить, не обижаясь, насмѣшки, различныя оскорбленія—покорно благодарю. Вѣдь все это возмущаетъ душу: не можно хладнокровно молчать, если тебѣ плюютъ безъ причины въ лицо, а другое слово хуже плевокъ и надо молчать? Нѣтъ, съ этимъ я не согласенъ съ вами. Мнѣ хочется возстановить свое доброе имя, такъ жестоко попранное и наказать моихъ враговъ, чтобы они впредь напрасно не позорили меня.

VIII.

Вскорѣ Юрковъ уѣхалъ въ городъ, порядилъ за двѣсти рублей присяжнаго повѣреннаго вести это дѣло и въ задатокъ далъ ему пятьдесятъ рублей.

Повѣренный просилъ редакцію открыть автора сказочки, въ чемъ ему редакція отказала. Онъ сталъ требовать съ Юркова за веденіе дѣла и остальные сто пятьдесятъ рублей. Юрковъ соглашался уплатить эти деньги лишь тогда, когда онъ проведетъ до конца дѣло. Повѣренный отъ веденія дѣла отказался, а за пятьдесятъ рублей вручилъ своему кліенту только одно черновое прошеніе.

Юрковъ переписалъ это прошеніе, подалъ въ окружный судъ свою просьбу, въ которой обвинялъ редактора газеты, гдѣ помѣщена сказка, въ диффамациі, и въ доказательство того, что сказка написана про него, въ числѣ свидѣтелей выставилъ Кирикова. Кириковъ показалъ, что услышавши, какъ „отчокали“ Юркова въ газетѣ, онъ прочелъ ее и убѣдился, что дѣйствительно сказка похожа на него; что Юрковъ открылъ въ ихъ мѣстности торговлю, послѣ чего дѣла у другихъ торговцевъ пошли тише, на что сердились торговцы Синюшины, недовольные стараніемъ Юркова перевести волостное правленіе въ свой домъ.

Со стороны Юркова на судѣ обвинялъ еще молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, который очень умно развилъ предъ судомъ угнетенное душевное состояніе отъ сказки своего потерпѣвшаго. До того трогательна была его рѣчь, что Юрковъ даже прослезился.

Судъ вошелъ въ его ноложеніе, призналъ редактора виновнымъ и подвергнулъ за оскорбленіе Юркова, штрафу въ размѣръ ста рублей.

Юрковъ не зналъ даже какъ порадоваться, что онъ выигралъ это дѣло.

Въ избыткѣ своихъ чувствъ, онъ купилъ на память грамофонъ и выбралъ первую же духовную пьесу: „Къ Тебѣ, Богородице, прилежно нынѣ притецемъ и грѣшніи смиренно принадемы“, а потомъ ужъ взялъ и повеселѣе: „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои“. Каждого гостя, каждого покупателя, онъ тащилъ къ себѣ слушать грамофонъ. Му-

жики удивлялись, что машина такъ можетъ говорить; они ранѣе даже не слыхали о существованіи такой чудной машины и она имъ была въ диковинку.

Непродолжительна была радость Юркова: одна за другой появились корреспонденціи въ газетѣ, съ редакторомъ которой онъ судился. Въ корреспонденціяхъ совсѣмъ втаптывали его въ грязь; писали, что онъ не возстановилъ своей чести, такъ какъ обвинялъ редактора не въ клеветѣ, а въ диффамациі; что онъ поставилъ себя въ очень смѣшное положеніе, публично высказавъ, что героемъ сказки является онъ; что онъ на судѣ доказывалъ, что сказка относится къ нему и что въ ней написана неправда; что первое впечатлѣніе отъ чтенія сказки, автора корреспонденціи было очень скверное: „И родится же на святорусской землѣ такой кровопійца, — писалъ онъ о своемъ впечатлѣніи во время чтенія сказки объ Юрко разбойникѣ.— „Когда мало искушенный въ мошенничествѣ Юрко разбойникъ, на ходу разсказа, чуть было не поналъ на скамью подсудимыхъ за неловко выполненную коммерческую операцію по покупкѣ краденнаго лѣса, у меня даже на душѣ отлегло. На минуту даже воскресла вѣра въ торжество правды здѣсь на землѣ. Но хитрый сказочникъ, лѣтонисецъ Юркинскихъ подвиговъ, не опрадалъ моей надежды. Онъ заставилъ захоластнаго наука поплатиться только слабой денежной контрибуціей въ пользу обокраденнаго лѣсовладѣльца. Дальнѣйшая біографія Юрки—разбойника, разсказанная сказочникомъ въ двухъ номерахъ газеты, носила всѣ черты полного разбойничьяго триумфа, который я считалъ за лично мнѣ нанесенное оскорбленіе. Только на одну минуту я почувствовалъ маленькое удовлетвореніе, когда какой-то ньяненькій изъ знакомыхъ юркиныхъ господъ сдѣлалъ ему дружеское внушеніе: „и жуликъ же ты Юрко, какихъ мало, прямо 96-й пробы“. Юрко злобно смѣялся на эту пріятельскую характеристику.

Когда я кончилъ чтеніе юркиной біографіи, помѣстившейся всего въ двухъ газетныхъ фельетонахъ, мнѣ казалось, что Юрко, красный отъ выпитой человѣческой крови, все растеть и растеть. Казалось, онъ покрылъ собою тихій, беззащитный медвѣжій уголъ. Онъ „слоналъ“ всю округу, какъ можетъ „все слонать“ только русскій ненасытный кулакъ, округляющій свое состояніе. Словомъ, фигура Юрки—разбойника выростала въ воображеніи до размѣровъ настоящаго сказочнаго чудовища, побѣдоносно уничтожающаго въ своемъ торжественномъ шествіи все живое. Юрко дѣйствительно превращался въ безспорнаго героя нашего времени.

Почти черезъ годъ послѣ прочтенія біографіи сказочнаго разбойника Юрки—Юрковъ разочаровалъ меня на судѣ. Съ подкупившей меня смѣлостью онъ утверждалъ, что Юрко—разбойникъ совсѣмъ не сказочный герой, а онъ самъ Юрковъ, торговецъ, покунавшій товары „въ лучшемъ изъ городовъ Россіи.—Москвѣ“. Чтобы установить несомнѣнное сходство между фантастическимъ разбойникомъ Юркомъ и реальнымъ Юрковымъ, по желанію послѣдняго, былъ вызванъ и допрошенъ рядъ свидѣтелей. Каждое, въ общемъ блѣдное, свидѣтельское показаніе направлялось къ двумъ мало совмѣстимымъ цѣлямъ: во-первыхъ, доказать, что Юрко—разбойникъ есть Юрковъ, и во-вторыхъ, убѣдить, что Юрковъ совсѣмъ не Юрко разбойникъ“... и вообще Юркова позорили такъ, какъ только можетъ опозорить задѣтая за амбицію редакція, а особенно еще имѣвшая въ виду и матерьяльныя выгоды: это дѣло интересовало мѣстныхъ жителей, — то они нарасхватъ покупали тѣ номера, въ которыхъ появлялась корреспонденція объ Юрковѣ, почему редакція до надоедливости незаинтересованнымъ подписчикамъ, печатавъ одну за другой статьи, грязнила Юркова, забывъ, что для нея это только очень интересно, гдѣ она старается показать, что она всемогуща, чтобы

впередъ и другой не смѣлъ влѣзть съ возстановленіемъ своей чести; что безнаказанно она можетъ порочить кого угодно, такъ какъ штрафъ для нея ничего не значить; что она не боится этого наказанія; что она окончательно попираетъ ногами своего врага; что для своего самолюбія и личныхъ видовъ, она не находитъ достаточнымъ. чтобы, если она видитъ въ комъ недостатки, только разъ показать ихъ тому лицу, чтобы онъ исправился; что она не стѣсняется, если находитъ въ томъ выгоды и личные интересы, довести человѣка даже до петли... Это достойно для нашихъ руководителей—духовныхъ просвѣтительныхъ органовъ.

Пришибленный льющеюся на голову потокомъ публичною грязью, Юрковъ окончательно уиалъ духомъ, и видя, что лучше ужъ отъ крикуновъ отступить, махнулъ на все рукою и сталъ жить по старому. Къ довершенію всѣхъ его невагодъ, судебная палата, отмѣнивъ приговоръ окружнаго суда по его дѣлу, редактора оправдала.

Судебное же дѣло, не считая потери времени, нравственныхъ сильныхъ потрясеній и физическихъ въ дальнихъ дорогахъ лишеній, вывернуло у Юркова изъ кармана цѣлыхъ пятьсотъ рублей, которые онъ сберегалъ копѣечками да рубликами; но Юрковъ теперь былъ спокойнѣе, чѣмъ до начала дѣла: онъ раскусилъ, что и за передовые люди—они не лучше и его грѣшного. Поэтому, избѣжаться ему изъ-за каждаго пустяка, не слѣдуетъ, такъ какъ въ своихъ поѣздкахъ и мытарствахъ по судебнымъ дѣламъ онъ насмотрѣлся и наслушался, что даже нашимъ умнымъ образованнымъ людямъ, считающимъ себя въ печати передовыми и нашими учителями, часто илюютъ, за ихъ достойныя того дѣла, въ лицо, а они—ничего: утираются платкомъ, посмѣиваются, да корчатъ довольную сіяющую фізіономію, что они такую умную литуку отмочили, что принять даже плевокъ за это имъ ничего не стоитъ.

„Ну и народецъ,—думалъ про себя Юрковъ,—я считалъ себя ловкимъ, а они куда какъ хитрѣе и находчивѣе меня на разныя продѣлки, гдѣ видятъ они себѣ пользу“.

Въ этомъ дѣлѣ еще пришлось пострадать свидѣтелю Кирикову. Петръ Синюшинъ, разсердившись на него, что онъ пошелъ свидѣтелемъ и показывалъ въ пользу Юркова, рѣшился отомстить ему. У судебного слѣдователя онъ предъявилъ къ Кирикову обвиненіе въ оклеветаніи себя, какъ земскаго гласнаго, въ прошеніи, поданномъ въ земскую управу, гдѣ выразилъ, что онъ, „Синюшинъ, повидимому, не принималъ присяги, что онъ на собраніи говорилъ на свою пользу а не общественную, что онъ лгалъ“. Конечно, при другихъ бы обстоятельствахъ Синюшинъ не сталъ бы возбуждать такого пустяжнаго дѣла, такъ какъ оно не стоило выѣденнаго яйца, но теперь онъ хотѣлъ проучить Кирикова, какъ худо соваться въ чужія дѣла.

Домашнія Кирикова, жена и мать, узнавъ про это, заревѣли: что засадятъ его въ острогъ, что ни-за-что ни-про-что на пущее время, можетъ быть лѣтомъ, лишатся своего работника; да и самому Кирикову было больно позорно и обидно, почти не зная за собою никакой вины, понасть въ острогъ.

Отъ слѣдователя онъ получилъ повѣстку, которой вызывался для примиренія съ Синюшинымъ. Цѣлыхъ три дня шелъ онъ пѣшкомъ до города, расходуя трудовыя крестьянскія деньги, и намялъ ноги до кровавыхъ мозолей; но примиренія не состоялось — Синюшинъ о немъ даже не подпускалъ словъ.

Черезъ нѣсколько времени Кириковъ получилъ конію съ частной жалобы обвинителя, гдѣ предоставлялось ему право съ своей стороны выставить свидѣтелей. Онъ едва нашелъ около себя какого-то писаришка, который и составилъ ему въ судъ прошеніе о допросѣ свидѣтелей, лицъ участвующихъ въ осмотрѣ его мѣста подъ пунктъ, но не сослался,

въ доказательство чего, должны быть допрошены эти свидѣтели, почему судъ ему въ просьбѣ и отказалъ.

Такого отказа Кириковъ совѣмъ не ожидалъ; получивъ его, онъ и голову повѣсилъ. Взялъ въ дорогу пироговъ и пошелъ опять въ городъ и нанялъ тамъ присяжнаго повѣреннаго за семьдесятъ пять рублей защищать его, умоляя его, чтобы тотъ хотя освободилъ его отъ тюрьмы.

Повѣренный надѣялся дѣло выиграть, обѣщалъ ему, что судъ его оправдаетъ и просилъ впередъ деньги за веденіе дѣла—выиграетъ ли онъ дѣло или проиграетъ, повѣренный все равно получаетъ съ него семьдесятъ пять рублей; но только за эти деньги онъ обязанъ дѣло провести до конца. Кириковъ продалъ лошадь и корову и, явившись на судъ, вручилъ своему защитнику деньги.

Со стороны Синюшина выступалъ тоже присяжный повѣренный, который очень высоко поставилъ своего кліента, высказавъ, что Синюшинъ человѣкъ образованный, состоитъ членомъ въ нѣсколькихъ ученыхъ обществахъ, корреспондентомъ въ извѣстной газетѣ, и что онъ, какъ человѣкъ интеллигентный, очень чувствителенъ къ оскорбленіямъ, поэтому онъ не можетъ оставить безъ наказанія то оскорбленіе, которое нанесъ ему Кириковъ,—и просилъ судъ признать его виновнымъ въ клеветѣ и наказать. Защитникъ Кирикова не находилъ въ словахъ, за которыя Кириковъ подвергался отвѣтственности, никакого для Синюшина оскорбленія, тѣмъ болѣе, что Кириковъ человѣкъ темный, не могъ войти во всѣ тонкости содержанія своего прошенія, составленнаго не имъ же, и просилъ его оправдать. Судъ послѣ долгаго совѣщанія Кирикова оправдалъ. Тотъ, просто не чувствуя подъ собою ногъ, вышелъ изъ суда и съ радостнымъ сердцемъ покати́лъ домой.

Въ числѣ пострадавшихъ въ распрѣ Юркова съ Синюшинымъ, оказались мѣстный священникъ и земскій начальникъ.

Священникъ, жившій недалеко отъ Синюшиныхъ, по слухамъ, будто бы доставлялъ ему матерьялъ для сказки и былъ не въ ладахъ съ земскимъ, который держалъ сторону Юркова. Земскій отыскалъ за священникомъ неисправности по службѣ и сообщилъ объ нихъ владыкѣ. Владыка въ наказаніе вызвалъ его къ себѣ и заставилъ съ недѣлю исполнять церковныя службы. По отбытіи наказанія владыка спросилъ его:

— Вы слыхали басню: Лебедь, Ракъ да Щука.

— Слыхалъ, — отвѣчалъ священникъ, смекнувшій въ чомъ дѣло.

— Вотъ видите вы въ ней и сами: какъ они везли поклажу въ разныя стороны, то у нихъ возъ и не подавался впередъ, — поэтому, въ жизни вы должны исполнять свои обязанности сообща, чтобы возложенное на васъ дѣло шло дружно. Можете теперь отпираться домой.

А на дѣйствія земскаго начальника, который не отличался большою осмотрительностью, Синюшинъ сталъ косвенно, черезъ другихъ, приносить начальству жалобы. Земскому, наконецъ, надоѣли всѣ эти непріятности—онъ перепросился на другое мѣсто.

Неизвѣстно отъ какой причины волостное правленіе сгорѣло. Юрковъ предложилъ волости подѣ правленіе безвозмездно неотдѣланный новый домъ съ землею къ нему съ тѣмъ, чтобы отдѣлку дома волость приняла на свой счетъ. Волость на этотъ даръ согласилась, тѣмъ болѣе, что на постройку зданія для волостного правленія теперь не приходилось разрубать на жителей ни одной копѣйки—на отдѣлку зданія хватить полученной страховой преміи. Уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе утвердило постановленіе схода о переносѣ волостного правленія въ деревню Блиново.

Теперь Юрковъ торжествовалъ: онъ на себѣ испыталъ, какъ неудобно имѣть не подѣ руками волостное правленіе,

куда съ каждымъ нисѣмомъ нужно брести цѣлыхъ пять верстъ, да въ теченіе года и по другимъ дѣламъ нерѣдко приходится бывать въ волостиномъ правленіи, а путешествовать каждый разъ такъ далеко—имѣетъ свою пріятность. Хотя уже существуетъ казенная продажа вина, но продажа мелочнаго и мануфактурнаго товара пойдетъ лучше. „Теперь я пожалуй съ Синюшиными въ расчетъ, думалъ Юрковъ,—они мнѣ досадили, да и меня они скоро не забудутъ — случится какая надобность въ волостиномъ правленіи — всиомнятъ меня, да и въ карманѣ многого не досчитаются“.

IX.

Для ознакомленія съ бытомъ крестьянъ, въ той мѣстности проѣзжалъ ученый Сергѣевъ, кончившій университетъ и всю свою жизнь пробывшій въ столицѣ. Представленіе о нашемъ народѣ онъ имѣлъ почти по однѣмъ книгамъ, и ему хотѣлось видѣть жизнь народа своими глазами; особенно ему хотѣлось знать взглядъ народа на нашихъ знаменитыхъ кулаковъ—міроѣдовъ, которыхъ часто выводитъ на свѣтъ Божій наша печать, стараясь по возможности представить ихъ въ самомъ неприглядномъ видѣ.

Нашъ ученый остановился въ деревнѣ Блиново у мужика Ивана. Радужный хозяинъ оставилъ самоваръ и не зналъ чѣмъ угостить заѣзжаго такого гостя. За чаемъ гость повелъ разговоръ о мѣстныхъ торговцахъ.

— Много-ли у васъ торговцевъ-то въ волости? — спросилъ онъ.

— Крупныхъ-то немного — всего трое: нашъ Юрковъ, да братья Синюшины, а мелкихъ-то штукъ семь наберется.

— Хорошо-ли у нихъ идетъ торговля?

— Конечно, теперь ужъ не то дѣло, что прежде было. Много вотъ казенка отбила у нихъ доходу — прежде вѣдь многіе разживались отъ вина, а теперь они уже лишились

этого доходу, а отъ мелочныхъ лавокъ много барышей не схватишь. До того еще было: осенью торговцы накупять цѣлые амбары хлѣба и отправляютъ его весною прямо на судахъ, теперь уже покупать хлѣба для отправки стало нечего — все уходитъ для своей мѣстности; иногда еще не хватается—тогда торговцы хлѣбъ привозятъ издалека, здѣсь и продаютъ... Да что и говорить, съ умомъ такъ и теперь можно торговать и кормиться. Вонъ, Синюшины, хотя и порядочно наживаютъ отъ торговли, да больно ужъ расхоже живутъ, то ихъ и затягаетъ не туда. Когда загуляетъ который нибудь изъ нихъ, то по сотнѣ и болѣе оставляетъ въ городѣ. Смотришь — при такой жизни иногда и приходится прихватывать отцовскихъ денегъ, а это ужъ не дѣло. Да и народъ-то нынѣ больно изъ вѣры выбился: набрать въ долгъ хоть того болѣе наберетъ, а какъ придетъ время платить, то онъ нерѣдко и хвостъ покажетъ; а за тѣмъ немного пропадетъ, да за другимъ тоже самое, то у торговца-то все изъ одного кармана — и многого не хватаетъ.

Синюшины ужъ больно и просты—много роздали въ долгъ товару, а собрать-то и не могутъ. Нашъ же Юрковъ какъ живетъ поскуиѣ, да поменьше распускаетъ въ долгъ товаръ, то у него и барыши получаютъ: а стань деньгами зря сорить, то хоть того болѣе ихъ раскидаешь.

— Я думаю, что у васъ торговцевъ здѣсь не любятъ. Навѣрно смотрятъ на насъ какъ на своихъ враговъ и считаютъ насъ кудакami-міроѣдами, которые высасываютъ изъ крестьянъ послѣдніе соки.

— Это ты толкуешь про нашихъ торговцевъ-то—Юркова и Синюшинныхъ? Что ты—Богъ съ тобой.—перекрестись. Они у насъ въ волости первые люди и каждый имъ, еще гдѣ себѣ, шанку снимаетъ.

— Навѣрно за то, что они, пользуясь вашей бѣднотой и темнотой, держатъ васъ въ своихъ рукахъ и пользуясь

вашимъ тяжелымъ положеніемъ, выжимаютъ изъ васъ послѣднія крохи?

— Ничуть не бывало. Отъ нихъ такъ я вотъ кромѣ хорошаго ничего не видѣлъ. Взять хоть для примѣра нашего Юркова—что онъ за кулакъ, за міроѣдъ такой? Я здѣсь живу весь свой вѣкъ и даже не слыхалъ такихъ словъ. У насъ только ему и названія Иванъ Васильевичъ. Да совсѣмъ намъ не-за-что и бранить его. Придетъ-ли какая нужда—къ кому обратиться? Бѣги къ Юркову, онъ тебя не оставитъ—выручитъ изъ бѣды.

— И за эту свою милость и обдеретъ тебя, какъ лишку—не мало наживетъ съ тебя.

— Кто же, баринъ, задаромъ-то работаетъ: вѣдь каждый ѣсть, пить хочетъ и Юрковъ тоже. Пусть онъ и наживаетъ. Намъ то дорого, что у него, въ случаѣ нужды, можно денегъ перехватить. Вотъ прошлымъ лѣтомъ у меня наладинадь. Что дѣлать? Безъ лошади я не крестьянинъ, а купить ее вскорѣ не на что. Я пошелъ къ Юркову съ поклономъ дать мнѣ денегъ на лошадь съ тѣмъ, что я зимой долгъ заработаю: изъ своего лѣса навожу ему бревенъ. Онъ до-словечка далъ мнѣ пятьдесятъ рублей—и сдѣлалъ меня съ лошадыю, а зимой-то я и уплатилъ ему свой долгъ лѣсомъ.

— Такъ онъ, я думаю и нажилъ съ тебя рублей двадцать пять. Ему такъ выгодно давать деньги, почему онъ охотно васъ и ссужаетъ.

— Не знаю я тамъ, сколько онъ нажилъ отъ моего лѣсу, а противъ людей, какъ онъ покупалъ лѣсъ на чистыя деньги, онъ взялъ съ меня лишнихъ много много рубля два. А эти два рубля для меня въ то время были дороже, чѣмъ теперь двадцать рублей. Мнѣ бы ни почемъ не сбиться на лошадь, а въ лѣто-то я пронаймовалъ не два рубля: худо—худо красненькихъ полторы, да самъ бы набѣгался въ поискахъ за лошадыю, да не во время

другое дѣло сдѣлалъ бы. Надо тебѣ начать—время, сѣять, а тебѣ никто лошади ни за какія деньги не даютъ, каждому дороже своя работа. Смотришь и упустишь время посѣва, весенній день дороже осенней недѣли, то у людей выспѣлъ хлѣбъ, а у тебя, за позднимъ посѣвомъ, его инеемъ прихватило, поэтому ты и не мало не досѣялъ хлѣба противъ людей то. Потомъ, люди въ хорошую погоду убрали свой хлѣбъ, а ты упустилъ время; между тѣмъ пошло ненастье—того гляди, что сгноишь и хлѣбъ-то. Да какъ въ крестьянствѣ брать у людей лошадей на каждый пустякъ и платить за нее деньги—не дѣло.

— У васъ вѣдь есть мірской капиталъ—оттуда можно получать ссуду.

— Есть-то онъ есть, да что толку-то въ немъ: весь онъ разобранъ по рукамъ, а ссуду иной держитъ лѣтъ по пяти, по шести, случись у тебя нужда—мірскаго капитала въ запасъ ни гроша. Если при недостаткѣ и пойдешь за нимъ въ правленіе, то только попусту въ ходѣхъ потеряешь время, не скоро его добьешься. Да и деньги, девятьсотъ рублей мірскаго капитала, больно не велики для нашей во-лости, насчитывающей болѣе тысячи ревизскихъ душъ. Далеко ли подернешь ихъ на нашу нужду?

— Неужели ужъ, въ случаѣ какого-либо несчастья, у васъ такъ—таки никого здѣсь нѣтъ, кто бы помогъ вамъ въ нуждѣ, или нѣтъ учрежденія, которое оказало бы помощь?

— Пожалуй, что, баринъ, нѣтъ. Посуди ты самъ, куда ткнешься? Всѣ почти только едва пронимаются своимъ, а у многихъ такъ еще нужда, то они бы и рады помочь—да нечѣмъ. У кого есть деньжонки, да такихъ мало, развѣ у кого одного и во всей-то деревнѣ заведется какая нибудь сотенка другая, то онъ бережетъ ее и никому не даетъ, потому что и дать нельзя: раздай деньги, а чуть у самого приключись какая нужда—нонѣ не скоро долги сберешь—

самъ бѣгай и торни изъ-за себя нужду. Слово пустыхъ не говоря, неправные крестьяне даютъ бѣднякамъ займы сѣмянъ—ржи, овса, ячменя, и ссужаютъ, при недостаткѣ, мукой, не получая за это ничего—не безъ добрыхъ людей—не даютъ они вовсе бѣдствовать своимъ сосѣдямъ, — но у самихъ-то не часто приводится въ запасъ хлѣба: иногда бы другіе и дали бы хлѣба на нужду, зная, что должники осенью съ благодарностью возвратили бы, да у самихъ его въ обрѣзъ—только для себя.

— Но нотомъ, зачѣмъ вы не сами вырабатываете масло. а черезъ своихъ торговцевъ, тѣмъ теряете много денегъ: всѣ тѣ барыши, которые торговцы получаютъ отъ производства масла, должны бы поступить къ вамъ. Вы сговорились бы всѣ сообща, завели бы у себя маслодѣльный заводъ, да сами бы и продавали черезъ довѣреннаго свое масло—вамъ тогда гораздо выгоднѣе было бы, чѣмъ теперь, продавая торговцамъ молоко.

— О, баринъ, этого у насъ почти никакъ невозможно. Посуди ты самъ по тому: вотъ этта Юрковъ сулилъ Макаровскимъ мужикамъ лишнихъ пять копѣекъ за нудъ молока если они на заводъ будутъ носить молоко на своихъ рукахъ, а не доставлять его черезъ возчика: это было бы для нихъ гораздо выгоднѣе, потому что пять копѣекъ съ нуда для нихъ расчетъ, да и Юркову имъ передать пятачекъ любѣ возчику не плати—да и молоко, доставленное на рукахъ самими хозяевами, куда—какъ лучше; по какъ ни мерекали, какъ ни толковали, сговориться между собою не могли: молока у большей части немного; а какъ одному хозяину изъ-за пустяковъ, изъ-за какихъ нибудь десяти фунтовъ таскаться съ молокомъ каждый день за двѣ версты, совсѣмъ не стоитъ; носить же сообща по перемѣнно, одному молоко двухъ или трехъ хозяевъ,—не могли, потому что всѣ мало довѣряютъ другъ другу. Да если самимъ работать масло, то деньги получишь только тогда, когда-то еще приготовятъ мас-

до, когда-то его свезутъ въ городъ, когда-то его продадутъ. Долга больно эта пѣсня. Деньги же иногда позарѣзъ нужны, какъ настанетъ срокъ платежа податей, то, гдѣ хочешь возьми да ихъ подай, а то живо въ казематку на два дня угадаешь, или продадутъ у тебя коровенку, или сѣновалишко, или амбаришко, да и другіе вѣдь у насъ есть расходы, гдѣ чистенько нужны деньги—и ждать ихъ отъ выручки за масло не приходится. Теперь же у торговцевъ каждый мѣсяцъ расчетъ, а какъ получилъ деньги, далъ старостѣ хоть часть ихъ въ уплату податей, вотъ онъ опять и ждетъ до слѣдующей получки. Да если и масло свое мы будемъ продавать, то барыша не больше получимъ, чѣмъ отъ молока, потому что торговцы иногда продаютъ масло въ долгъ и ждутъ деньги по полугоду и болѣе, почему имъ и даютъ за масло подороже, намъ же ждать денегъ, не придется: какъ понадобятся деньги, то и заплачешь, да дешевой цѣной продашь масло; потомъ и за хлопоты надо заплатить тому, кто будетъ завѣдывать заводомъ и продавать масло; да если, когда случится маслу дешевая цѣна, то торговцы могутъ изъ-за денегъ держать масло на рукахъ, выжидая, когда цѣна повысится, а намъ же ждать не придется: понадобятся деньги, то масло и дешевой цѣной сбудешь. Какъ ни раскинешь—все самимъ дѣлать масло не подойдетъ.

— Скажи мнѣ на милость: вѣдь маслодѣльные заводы вѣдь для васъ большое благодѣяніе—теперь не мало денегъ выручаете отъ молока, и у васъ во всякое время на нужду имѣется копѣечка, такъ что въ деньгахъ не приходится особенно нуждаться.

— Да, баринъ,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ хозяинъ,—были мы ранѣе сыты, а теперь, съ этими проклятыми маслодѣльными заводами, приходится намъ голодовать.

— Какъ такъ,—удивился Сергѣевъ.

— Очень просто. Ранѣе-то, какъ никакихъ заводовъ у насъ и въ поминѣ не было, то у каждого крестьянина

всякаго молока въ домѣ было довольно—его нигдѣ не носили. А какъ есть хлѣбъ и молоко—вотъ мы и сыты, потому что все кормиться говядиной намъ не приходится—она дорога, намъ не по карману. Когда молоко въ дому есть, то появится сметана, масло и творогъ. За обѣдомъ—то нахлебаются крупиныхъ щей со сметаной, картошки со скоромнымъ масломъ, прясного молока, или творогу, или личницы—вотъ и сыты; потомъ, какъ было масло, молоко и сметана, то бабы пекли хорошія пшеничныя налеушки съ крупою или съ творогомъ, которыя сами такъ и разваливаются—до чего они удачны да мягки, а масло съ нихъ такъ и течетъ; молока—же маленькимъ ребятишкамъ было довольно—пей, ѣшь его, сколько душа желаетъ.

Нынче, все это молоко тащатъ на заводъ, не оставляя себѣ даже ни одной кринки молока, иногда необходимой для грудного ребенка. Деньги издержать все на пустяки—на чай, на сахаръ, на бѣлую кислую муку, на скруту—вишь, больно баско стали всѣ ходить, холстинную одежду почти забросили, стали носить ситцевую, суконную, да казинетовую,—то дома—то ѣсть стало нечего.

Поработаютъ иные, придутъ домой—и обѣдать нечего. Поставятъ самоваръ, наполющутъ брюхо водой, поѣдятъ одного хлѣба съ солью или кислыхъ бѣлыхъ пироговъ, которые и около масла-то и не лежали, или поѣдятъ послѣ чаю обрату, принесенную съ завода—вотъ и весь обѣдъ, а это—не ѣда. Работа, особенно лѣтомъ, тяжелая, а какъ пища-то стала плохая, то мужики, да бабы стали плохіе работники: иные къ концу-то лѣта едва волочатъ ноги—у нихъ, неспоро подается впередъ работа... А сколько отъ этихъ заводовъ мретъ ребятишекъ—страсть.

Какъ родится ребенокъ, то его бѣдняки-то обратной и надуваютъ: у него пучить брюхо, да и только. Помаются, помаются, „сердешные“, да многіе, отъ такого худого житья на тотъ свѣтъ и отправляются.

— Зачѣмъ вы все молоко носите на заводъ: можно часть и оставлять для себя.

— Богатые, да прожиточные такъ и дѣлаютъ: какъ держать они по четыре, по пяти и болѣе дойныхъ коровъ, то у нихъ молока вездѣ хватить—и себѣ, и на заводъ; но такихъ то немного—у большей части двѣ, много три коровенки, а есть такіе, что при семи ртахъ имѣютъ одну коровенку; да и доятъ у насъ коровенки понемногу, и съ новотелу-то фунтовъ восемь, развѣ ужъ хорошая корова фунтовъ двѣнадцать дастъ—съ овсяницы, съ соломы, да съ воды немного коровы надоятъ, а у коровы молоко во рту. Потомъ вѣдь коровы неодинаково доятъ круглый годъ: одна отелилась, другая передоилась, или совсѣмъ не доить; а какъ отъ одной коровы, хоть и новотельной, молоко оставлять про себя, тогда совсѣмъ будетъ нечего носить на заводъ.

— Вы ужъ лучше совсѣмъ его не продавайте, если у кого нѣтъ его лишняго.

— Нужда-то, баринъ, чего не дѣлаетъ: бѣдняку приходится тащить на заводъ и послѣднюю кринку молока: на подати, на хлѣбъ и на другіе расходы надо деньги, а какъ взять ихъ—негдѣ, да и заплачешь, да послѣднюю каню молока продашь. Зло, большое зло у насъ отъ этихъ заводовъ, чтобы имъ ни дна, не покрывки.

— Все-таки я не понимаю, за что такъ особенно ты ругаешь заводы: ты самъ говоришь, что сильная нужда заставляетъ васъ продавать молоко и выручать изъ нихъ деньги, слѣдовательно, тутъ заводы не при чемъ.

— Да какъ бы заводовъ то не было, то покупѣе стали жить, поменьше на пустяки расходовать, раньше жили безъ заводовъ, да своими деньгами пронимались, а по крайней мѣрѣ, были бы сами сыты, да не морили бы съ голоду, или не окармливали бы обратной своихъ ребятишекъ.

— Вотъ хоть бы лѣсъ-то вы гоняли по рѣкѣ сами и

продавали бы прямо, не черезъ чужія руки, тѣмъ не лишали бы себя денегъ.

— Охъ, баринъ, какъ понадобятся кому деньги на подати, на хлѣбъ и на другіе расходы, то онъ и идетъ къ торговцу и проситъ его купить у него лѣску. Тотъ приторговываетъ и въ задатокъ ему даетъ деньгами и хлѣбомъ нерѣдко половину заработка—вотъ и сталъ житель нашъ мужикъ: и хлѣба онъ купилъ, и подати уплатилъ; а зимой, работая, заберетъ товаромъ и деньгами не только остальную плату, но нерѣдко еще останется у торговца и въ долгу. На другой годъ, смотришь, таже нужда, такъ она и затягиваетъ его изъ года въ годъ, да и долгъ приходится зарабатывать—поэтому и уходитъ нашъ лѣсокъ недорогою цѣной. Затѣмъ, если съ однимъ или съ двумя плотами лѣса тащиться на ярмарку въ городъ, да проживаться тамъ—совсѣмъ не стоитъ: разъ—проживешься тамъ,—уже какъ дѣло у рукъ не бывало, не знаешь куда съ лѣсомъ и сунуться, то лѣсокъ-то дешевой цѣной и уйдетъ: получишь за него меньше того, что дома за него давали.

По правдѣ тебѣ сказать—мы ужъ больно и темны-то; боимся мы съ своимъ умомъ куда и сунуться; да и нельзя: чуть кто сунется—попадетъ какъ куръ во щи, и отобьетъ даже у другого охоту впередъ вылѣзть со своимъ носомъ. Надо ужъ видно жить такъ, какъ было заведено нашими отцами!

— Вотъ это-то пожалуй правда, что темнота, да нужда забиваетъ васъ; но вести дѣло по-старому ужъ становится вамъ нельзя—надо хозяйство править поумнѣе, тогда и нужды увидите менѣе.

— Пожалуй, оно выходитъ такъ.

Ну, а внѣ-то торговли приносятъ ли вамъ пользу торговцы?

— Какъ не приносятъ, иногда даже и хорошее добро отъ нихъ видимъ. Такъ, къ примѣру тебѣ сказать: когда

Сименъ Синюшинъ женился, то на радостяхъ, что богатую да хорошую невѣсту бралъ, намъ угощенія цѣлую бочку—сороковку вина выкатилъ; нилъ каждый прямо изъ ковша, сколько хотѣлъ. И такъ хорошо мы тогда попиrowали, что такого иировства намъ послѣ даже вѣкъ не видать: одинъ даже совсѣмъ оиился и съ этого веселія въ селенія праведныя угадалъ, да троихъ едва откачали.

— Ну, братъ, это еще не велико его добро, что отъ его угощенія на тотъ свѣтъ одинъ отиравился, да еще трое туда мѣтили.

— По моему, такъ онъ тутъ нисколько не виновать—вольно имъ было такъ наниться. Больно ужъ солощи до вина-то и были рады готовому-то обожраться. Доберутся до вина, какъ коровы до барды, не могутъ отъ него и отстать ..

— Нѣтъ ли получше такого ихняго добра, — перебилъ Сергѣевъ.

— Не знаю, ужъ право, что тебѣ и сказать: но моему, такъ на что лучше этого... Развѣ то, что старикъ Синюшинъ, умирая, пожертвовалъ на украшеніе храма пятьсотъ рублей.

Ранѣе-то, у насъ худа была церковная ограда, мы и вздумали сдѣлать новую: навозили міромъ камня, надѣлали кирпичей, купили известки, желѣза и краски, наняли каменьщиковъ и сложили на эти деньги ограду, такъ что на ее даже любо теперь и самимъ посмотришь. А безъ пожертвованныхъ денегъ, намъ не шутка бы сбиться деньгами: приходъ небольшой, небогатый, а пятьсотъ рублей для бѣднаго прихода большая поддержка, почему и жертва его есть для насъ большое добро.

— Это хорошо. Еще что.

— Да вотъ еще Петръ Синюшинъ выхлопоталъ намъ земское училище. Сначала было мы не давали квартиры—думали что безъ училища ребята обойдутся, какъ и мы

обходились. Тогда Петръ Синюшинъ года три платилъ отъ себя за квартиру, за отопленіе, за освѣщеніе училища: наши ребята, одинъ по одному, да и стали забираться въ училище, такъ что ихъ ужъ на третій годъ стало въ училищѣ цѣлыхъ шестьдесятъ человѣкъ.

Посмотрѣли мы, посмотрѣли, да и видимъ, что отъ училища есть нашимъ ребятамъ не малая польза: вѣдь что-не-что ученаго нельзя сравнить съ темнымъ человѣкомъ. Мы тогда разсудили, что мы не ладно дѣлаемъ: нашимъ ребятамъ дѣлается польза, а одинъ чужой расходуетъ на нихъ деньги,—и порѣшили мы ужъ квартиру, отопленіе, освѣщеніе училища принять на себя. Теперь и благодаримъ Синюшина, что онъ завелъ у насъ училище.

— А Юрковъ хоть что-нибудь устроилъ у васъ полезное.

Онъ перво-на-перво много старался, чтобы у церкви хорошо пѣли—вишь, онъ часто ходитъ въ церковь и любить пѣніе, почему пѣвчимъ даетъ двадцать пять рублей въ годъ. Потомъ, онъ иногда, при недоброхотѣ, ссужаетъ храмы деньгами безъ всякихъ процентовъ—и это много значить. О Рождествѣ на свой счетъ устроилъ ребятишкамъ въ училищѣ елку. Сколько радости то было у ребятъ, да разговоровъ-то—даже ни прислушаешь...

Ты лучше сходи-ка самъ къ Юркову, да потолкуй съ нимъ то узнаешь, что онъ за человѣкъ. Вѣдь ничего худого въ немъ нѣтъ, другіе не лучше его. Да его и хорошіе люди не обѣгаютъ: слѣдователь, докторъ, акцизный и другіе никогда его не обѣзжаютъ и всегда съ почтеніемъ относятся къ нему, а свой земскій, священникъ, учитель, фельдшеръ даже вируютъ у него бываютъ и всегда довольны имъ. И ты, какъ къ нему сходишь, то кромѣ хорошаго ничего не увидишь.

— Зачѣмъ мнѣ идти къ нему, если я съ нимъ не знакомъ.

Здѣсь знакомятся болѣе просто: придутъ, или прїѣдутъ увидають, разговорятся между собою, вотъ и все знакомство. Тѣмъ болѣе къ нему и сходить есть предлогъ: купить какого-либо товарцу.

— И правду, повидать развѣ самого кулака-міроѣда, посмотрѣть, что онъ за человѣкъ на самомъ дѣлѣ,—мелькнуло у Сергѣева въ умѣ. И сказалъ онъ хозяину:

— Пожалуй, я къ нему схожу. Тебѣ спасибо за бесѣду.

— О, не стоитъ, батюшка, благодарить я радъ такому гостю; ты ужъ болѣе не спѣсивъ-то: самъ баринъ, а сидѣлъ и толковалъ со мной, словно со своимъ братомъ. Заходи и въ другой разъ—я радъ буду.

— Благодарю. Будетъ время такъ зайду.

— Смотри, заходи, заходи,—провожая за двери, говорилъ хозяинъ.

Х

Наотставѣ отъ деревни Блинова, спустившись къ рѣчкѣ, стоитъ обширный, двухъэтажный, деревянный домъ Юркова. Черезъ рѣчку перекинута плотина, гдѣ шумитъ, раскидывая брызги, мельница; рядомъ съ ней помѣщается ма-слодѣльный заводъ; по другую сторону дома въ низменномъ длинномъ строеніи находится мелочная лавка; сзади, дома тянутся дворъ, каретникъ, погребъ, дровяникъ и баня. Словомъ, вся торговля, все хозяйство у Юркова подъ руками, такъ что онъ можетъ вездѣ усмотрѣть своимъ хозяйскимъ глазомъ.

Надъ наряднымъ входомъ дома, къ рѣчкѣ, устроенъ обширный балконъ, куда Юрковъ со своей семьей выходитъ лѣтомъ пить чай. Теперь онъ занималъ весь домъ,—а земскій поселился въ другомъ его домѣ, стоявшемъ наотставѣ. Въ низу Юрковъ жилъ постоянно, а въ верху онъ принималъ особенно почетныхъ гостей.

Сергѣевъ подошелъ было сначала къ лавкѣ, — думалъ кунить табуку и папирось; но лавка была занерта. На лицѣ бѣгали ребятишки, чисто одѣтые, должно-быть дѣти Юркова. Сергѣевъ попросилъ одного изъ нихъ сходить за хозяиномъ лавки. Тотъ стремглавъ полетѣлъ домой. Вскорѣ вышелъ и самъ Юрковъ. Онъ былъ средняго роста, плотный, съ большой головой и съ быстрымъ взглядомъ, на немъ надѣтъ сѣрый пиджакъ и брюки въ заборъ въ русскіе сапоги.

Юрковъ вѣжливо поклонился Сергѣеву и спросилъ:

— Что вамъ угодно.

— Мнѣ-бы нужно табуку и гильзъ. Они у васъ есть?

— Какже, есть. Пожалуйста за мной въ лавку.

Въ лавкѣ былъ самый всевозможный товаръ, начиная отъ сиичекъ, табуку, мыла, гвоздей, веревокъ, тесемокъ и кончая мукой, чаемъ, сахаромъ, ситцами, платками, шальями. Что ни спроси—все къ вашимъ услугамъ.

— Много ли вамъ табуку и гильзъ?—спросилъ Юрковъ.

— Четверть табуку, да двѣ сотни гильзъ!

— Пожалуйста,—говорилъ Юрковъ, подавая товаръ.—Не угодно ли вамъ еще что?

— Нѣтъ, болѣе мнѣ ничего не надобно.

— Позвольте васъ спросить: откуда вы будете? Извините меня за нескромный вопросъ; но здѣсь въ глуши такъ мало пріѣзжающихъ, что каждый, вновь прибывшій, бросается прямо въ глаза и невольно интересуешься знать о немъ, что онъ за человѣкъ.

— Хоть и спросили—это ничего. Я самъ дальній, изъ Петербурга, пріѣхалъ сюда познакомиться съ жизнью мѣстныхъ обитателей.

— Такъ что-жъ, это дѣло хорошее: конечно, на мѣстѣ и видя жизнь своими глазами, вы ее лучше узнаете, чѣмъ черезъ вторыя руки—книги, которыя нерѣдко и ошибаются.

— Вотъ, это-то самое и заставило меня прїѣхать сюда.

— Не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ домъ—понить чайку, и я, можетъ-быть, буду полезенъ въ вашемъ дѣлѣ и кое-что сообщу о здѣшней жизни.

— Но не стѣсню-ли я васъ: навѣрно вы теперь заняты дѣломъ, а я отвлеку васъ отъ него.

— Пожалуйста, вы идите ко мнѣ безъ всякаго стѣсненія и будьте какъ дома. Здѣсь все одни и тѣ же люди, одни и тѣ же разговоры, такъ что они принадоѣдаютъ намъ, и всегда радъ поговорить со свѣжимъ человѣкомъ.

Сергѣевъ изъявилъ согласіе на любезное приглашеніе хозяина, и они по парадному крыльцу поднялись въ верхъ дома.

— Пожалуйста, проходите,—приглашалъ хозяинъ, когда гость раздѣлся въ прихожей.

Они вошли въ большую свѣтлую комнату, уставленную вѣнскими стульями; посрединѣ комнаты стоялъ длинный столъ, а надъ нимъ висѣла лампа—молнія, около стола, въ углу прижимался къ стѣнѣ высокій, хорошей работы буфетъ. Эта комната, повидимому, служила гостинной. Рядомъ съ ней находилось что-то, похожее на залу: налѣво отъ входа, передъ мягкимъ диваномъ стоялъ ломберный столъ съ изящной лампой на немъ; мягкіе стулья въ перемѣжку съ вѣнскими, большое зеркало довершали обстановку залы.

— Вотъ мое и жилище,—указывая рукой, говорилъ Юрковъ.—Пожалуйста, садитесь.

— Благодарю васъ. Да у васъ здѣсь очень хорошо и чисто,—замѣчалъ гость.

И дѣйствительно, послѣ грязныхъ деревенскихъ избъ, это помѣщеніе производило очень пріятное впечатлѣніе.

— Ничего, можно жить, нельзя въ томъ Бога гнѣвить. Вы посидите здѣсь, а я спущусь внизъ—распоряжусь на-счетъ самоварчика.

— Вы, пожалуйста, не беспокойтесь.

— Что вы—это не велико беспокойство. Мы съ вами за чайкомъ посидимъ и поговоримъ.

Вскорѣ шумѣвшій большой самоваръ внесъ самъ хозяинъ, а за нимъ, держа тарелки съ бѣлыми пирогами, шла его, еще молодая, жена.

Поздоровавшись съ гостемъ, она собрала на столъ стаканы съ серебрянными ложечками, вазу съ вареньемъ, сухари, налила чаю и стала отъ души потчевать гостя. Гость соблазнился видомъ бѣлой съ сыромъ налеушки и съ анкетитомъ закусилъ ее. Хозяева безпрестанно угощали его, говоря: „Кушайте, пожалуйста. Что же вы ничего не кушаете. Будьте какъ дома“.

Во время чая приходили нѣсколько покупателей и просили отпустить товаръ.

— Чѣмъ народу дожидаться, то ты, Маша, сходи въ лавку, отпусти имъ товаръ,—обратился къ женѣ хозяинъ, видя, что она налилась чаю и сидитъ изъ-за гостя.—Чай поразливаю и я, а гость навѣрно простить, что ты отлучишься въ лавку.

— Можетъ быть я задерживаю и васъ—то пожалуйста и вы, если вамъ не свободно, не сидите изъ-за меня здѣсь, а идите къ своему дѣлу.

— Полноте-ка, вы нисколько не задерживаете меня. Теперь, я совсѣмъ свободенъ, а съ покупателями поправится и жена. Когда я уѣзжаю—она и все одна торгуетъ; она у меня хорошая помощница.

— Позвольте васъ спросить: какъ идетъ у васъ торговля—поинтересовался гость.

— Ничего, слава Богу, подвигается помаленьку. Можно ей протнматься. Но только противъ прежняго куда какъ плоше, потому что народъ сталъ бѣднѣе и не такъ ужъ вѣренъ: казенка не мало отбила у насъ доходу, да и лѣсохранительный комитетъ подбиваетъ наши крылья; отъ ме-

лочной же торговли и отъ маслодѣльнаго завода богатъ не будешь—прокормишься съ семьей и ладно. Можно бы и эту торговлю вести какъ слѣдуетъ, но свой же братъ больно сбиваетъ цѣну на товаръ; иногда приходится продавать товаръ за то, что онъ себѣ стоитъ; или же нахлещутъ въ другой разъ на молоко такую цѣну, что при продажѣ масла случается, что за него предлагаютъ дешевле, чѣмъ себѣ стоитъ.

— Неужели и лѣсохранительный комитетъ подорвалъ вашу торговлю?

— Подорвалъ, да какъ еще и подорвалъ то. Прежде, какъ не было стѣсненія въ рубкѣ, то мужики, гдѣ высмотрятъ получше лѣсокъ, тамъ его и заготавливаютъ, а потомъ и продаютъ намъ же; часть денегъ забираютъ товаромъ,—такъ что мы получали пользу и отъ лѣсу, и отъ товару. Нынѣ же—ни той, ни другой; а тамъ—еще когда-то мужики размежуются, когда-то приведутъ въ порядокъ свои дачи; жди, когда это еще будетъ, чтобы можно было рубить дачи участками. Но и тогда пойдетъ дѣло не такъ хорошо: въ какой-нибудь шестидесятой или сороковой части дачи не добудешь столько денегъ, сколько получилъ бы, выбирая получше лѣсокъ изъ-всей дачи.

Да многіе еще изъ нашего брата изъ-за лѣсохранительнаго комитета и изъ-за своей опрометчивости налетѣли и получили большіе убытки. Нѣкоторые лѣсопромышленники купили въ разсрочку большія дачи, рассчитывая уплатить долгъ деньгами, вырученными отъ заготовокъ лѣса изъ общей площади дачъ, но на дѣлѣ-то вышло не то: изъ всей-то дачи рубить не даютъ, а изъ небольшой части ея немного получишь прибыли; а сильный спросъ на дачи, бывшій ранѣе въ виду быстрого повышенія цѣнъ, теперь, при ограниченіи рубки, уналь; дачи стали покупать неохотно, а время платежа денегъ наступаетъ, вскорѣ денегъ взять негдѣ, такъ что инымъ придется лишиться и самыхъ дачъ, потерявъ на томъ не мало убытку.

— Такъ вѣдь вы знали, что будетъ лѣсохранительный комитетъ, то зачѣмъ же такъ опрометчиво поступали.

— Хотя слухи объ этомъ носились, но увѣренно-то о его введеніи, никто не говорилъ.

Всѣ понадѣялись на авось... а тутъ лѣсохранительный комитетъ, какъ снѣгъ на голову.

— Вы ранѣе—то хорошо пользовались отъ лѣсного дѣла.

— Ничего, пожаловаться было нельзя—наживали хорошо, а особенно кто во время занимался скупкой и перепродажей дачъ. Такъ на примѣръ, семь лѣтъ тому назадъ я купилъ дачу въ триста десятинъ за тысячу рублей; черезъ два года я ее продалъ за десять тысячъ рублей, такъ что на тысячу рублей, въ теченіе двухъ лѣтъ я нажилъ, кромѣ всѣхъ расходовъ, вѣрныхъ восемь съ половиною тысячъ рублей.

Можно было во-время очень хорошо заниматься этимъ дѣломъ, пріобрѣтая на немъ огромные барыши, но только я самъ не обладалъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы покупать большія дачи и выжидать время, когда цѣны на нихъ повысятся, чтобы ихъ перепродать. Я приглашалъ Синюшихъ покупать сообща крупныя дачи; но они и словъ не подпустили. „Станемъ мы съ тобою связываться, самодовольно говорили они. У насъ хватить и своего капитала, если вздумаемъ покупать дачи“. А сами, вмѣсто того, гонялись за пустяшной мелочной торговлей, сбивая цѣны и переливая изъ пустого въ порожнее. Хотя и попадались намъ для покупки дачи по четыре и по пяти тысячъ десятинъ за двадцать, а потомъ уже за тридцать, за сорокъ тысячъ рублей—конечно это шаль не купля, что мы и сами хорошо сознавали, какъ опытные въ лѣсномъ дѣлѣ; что купи эти дачи, выдержи ихъ годовъ шесть, то получишь за каждую не двадцать—сорокъ тысячъ, а цѣлыхъ сто или двѣсти тысячъ рублей; а одному купить дачу и заплатить за нее сорокъ тысячъ рублей—совсѣмъ было не

по силамъ. И горько, и обидно было терять такое счастье, да ничего не подѣлаешь. Приходилось безучастно смотрѣть какъ наши крупные лѣсопромышленники—Гранитъ, Бѣляевъ, Гиршъ, Рыбкинъ, скупкой большихъ дачъ, тащили изъ-подъ нашего носу крупные куши, оставляя намъ одни крохи,—и горю своему ничѣмъ нельзя было помочь. Теперь, вотъ эта лѣсная горячка прошла: небось, и съ капиталомъ немного наживешь на лѣсномъ дѣлѣ, а особенно съ веденіемъ лѣсохранительнаго комитета и малаго спроса за границу лѣсныхъ матерьяловъ, отчего въ послѣднее время цѣны на нихъ до того унази, что и небольшіе лѣсопромышленники получали отъ заготовокъ въ прошломъ году тысячные убытки; почему съ лѣснымъ дѣломъ каждый ужъ сталъ поступать очень осторожно, не зарываясь въ покупебѣ лѣса.

— Но мнѣ думается, что нѣкоторые торговцы и теперь отъ торговли строятъ себѣ хорошіе капиталы...

— Опутывая темныхъ людей. Извините, что я досказалъ то, что вы думали и постѣснялись бы выразить, и что въѣлось въ плоть и въ кровь нашей печати, которая насъ кромѣ словъ—кулакъ, міроѣдъ, наукъ—иначе никакъ не честить... Будто мы не люди, а какіе-то изверги рода челоуѣческаго, поѣдающіе мужиковъ. Всего же обиднѣе то, что разные крупные торговые тузы, какъ Гранитъ, Гиршъ, Бѣляевъ, Рыбкинъ и другіе, хватающіе нерѣдко въ годъ сто-тысячные барыши и наживающіе миллионныя состоянія, благодаря своимъ ловкимъ операціямъ, въ родѣ лѣсного дѣла, считаются хорошими людьми и вездѣ приняты, какъ богачи; а если сотня нашего брата мелкихъ торговцевъ наживаетъ только то, что одинъ крупный воротила, и на эти деньги прокормится со своей многочисленной семьей, сохранивъ себѣ копѣечку на черный день, то онъ кулакъ, міроѣдъ, наукъ... И этотъ взглядъ на насъ печати усвоили интеллигентные читатели, которые о сельской жизни знаютъ по однимъ книжкамъ писателей; а писатели иногда обла-

даютъ такимъ даромъ всевѣдѣнія, что сами сидятъ въ столицѣ и перомъ рассказываютъ то, что дѣлается отъ нихъ за сотни, тысячи верстъ, гдѣ они иногда и проѣздомъ не бывали... Удивительные, вновь явленные пророки! Но по моему, прежде чѣмъ бросать грязь другимъ въ лицо, нужно оглянуться на себя: мы сами-то какую пользу приносимъ народу, или жизнь наша такъ ли безупречна, что можетъ служить примѣромъ другимъ?

Возьмите всѣхъ нашихъ издателей, редакторовъ, писателей, корреспондентовъ,— то они только на словахъ ворочаютъ горами на пользу народа; но посмотрите ихъ на дѣлѣ: много ли изъ нихъ найдется такихъ, чтобы, жертвуя, частью своихъ средствъ, и нравственно, и матерьяльно приносили пользу народу лишь единственно для блага народа, а не лично для себя? Я думаю, что такихъ нужно искать днемъ, да и то съ огнемъ; а каждый изъ нихъ заботится только о себѣ, какъ бы отъ изданій пріобрѣсти больше барыша, какъ бы подороже продать свой трудъ, какъ бы пріобрѣсти себѣ славу и такъ далѣе.

Или же возьмите для примѣра жизнь чиновниковъ нашего уѣзднаго города—уѣзднаго члена, предсѣдателя земской управы, врача, податного инспектора, казначея и другихъ.

Во время весенней ярмарки, гдѣ мнѣ приходилось по долгу жить въ ихъ городѣ, я присмотрѣлся къ ихъ жизни и скажу, что всѣ они только и добиваются того, чтобы получить прибавку жалованія, новышеніе, чины, наградныя, пособіе, пенсію, какъ бы воспользоваться отпускомъ... Однимъ словомъ, у каждаго одно о себѣ, а ничего о другихъ. Но мы напрасно свои личные интересы ставимъ отдѣльно отъ народныхъ, какъ будто, хотя бы низшій народъ и бѣдствовалъ, но мы безъ нихъ можемъ жить счастливо и богато.

Горькая ошибка каждаго изъ насъ! Тогда только мы можемъ быть спокойны, счастливы, богаты, сильны, тогда

только может процвѣтать у насъ наука, промышленность, искусство, когда будетъ благоустроенъ народъ, когда не будетъ онъ погрязать въ нуждѣ и въ темнотѣ, а когда избытокъ и нравственныхъ, и физическихъ, и матерьяльных силъ у него закипитъ ключемъ! Такъ напримѣръ, есть у народа достаточно хлѣба—онъ самъ сытъ и всѣмъ доволенъ; избытокъ же даетъ намъ возможность заботиться о немъ; обѣднѣй онъ—намъ ужъ взять хлѣба не только ему, но даже себѣ не откуда: мы не пахари. Поэтому мы и должны заботиться о своемъ фундаментѣ—о простомъ народѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, проченъ; иначе—если фундаментъ будетъ плохъ, то будь хоть того роскошнѣе и великолѣпнѣе построенное на немъ зданіе, должно разрушиться.

Но наша интеллигенція не остается безучастной зрительницей жизни простого народа: нынче, благодаря ей, открываются богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты, училища, народныя бесплатныя библіотеки, читальни, чайныя, столовыя, и вообще многое дѣлается для блага народа.

— Дѣлается-то, дѣлается, но только не на средства интеллигенціи, а на готовыя—казны, земства, города; а число частныхъ средствъ на народное благо, выбросивъ отсюда огромныя пожертвованія того же нашего брата кулаковъ міроѣдовъ, въ родѣ Солодовникова, Морозова, Третьякова, то много ли придется матерьяльныхъ средствъ нашей интеллигенціи на пользу народа? Между тѣмъ, благодаря тѣмъ же темнымъ и тупымъ кулакамъ-міроѣдамъ открыта у насъ масса полезныхъ учрежденій: училищъ, богадѣленъ, дѣтскихъ пріютовъ и пр.

Интеллигенція бы и рада матерьяльно помочь народу, но у нея не имѣется свободныхъ средствъ, чтобы можно было пожертвовать ихъ на народное благо; а если у кого имѣются лишніе капиталы, то отчего и не пожертвовать ихъ на полезное дѣло.

— У нашей интеллигенціи нѣтъ денегъ, да у нея никогда не будетъ, если она будетъ такъ жить—сорить деньгами. Я думаю, и у Солодовникова милліоны не съ неба свалились, или не огромное наследство онъ получилъ, а нажилъ благодаря своему уму, расчетливости, бережливости: онъ первоначально не проживалъ того заработка, который онъ получалъ; хотя въ началѣ заработокъ былъ, можетъ быть, скромный—какія нибудь сотни, но онъ считалъ достаточнымъ расходовать не весь годовоѣ доходъ, а часть его сберегалъ. По пословицѣ, какъ говорится, копѣйка рубль бережетъ, то свободныя сотни капитала стали складывать изъ себя съ доходами къ нимъ тысячи, а тысячи приобрѣтали десятки, сотни тысячъ, смотришь—у него и округлился милліонъ, который ужъ самъ за собой тянетъ деньги. Такъ капиталъ Солодовникова дошелъ до громадныхъ размѣровъ, что дало ему возможность, благодаря умному его распоряженію, много добра сдѣлать народу.

Возьмемъ жизнь нашихъ крупныхъ чиновниковъ уѣзднаго города: у нихъ не только получается экономія отъ тысячнаго, двухъ и трехъ тысячнаго годового жалованія, но нерѣдко, даже и при небольшой семьѣ, они живутъ кругомъ въ долгу, какъ въ шелку, а между тѣмъ, въ томъ же городѣ есть чиновники, получающіе въ годъ по триста, по четыреста рублей, которые сыты, обуты, одѣты, довольные живутъ съ семьями нерѣдко въ восемь человѣкъ и еще скапливаютъ себѣ денегъ на домикъ.

Сами они и ихъ ребята выглядятъ еще бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ у получающихъ огромныя жалованія. Поэтому, изъ сопоставленія жизни тѣхъ и другихъ чиновниковъ въ одномъ и томъ же городѣ и при одинаковыхъ условіяхъ жизни, видно, что чиновники, считающіе себя мѣстной интеллигенціей, могли бы изъ своихъ жалованій сберегать хорошую экономію, и если бы ихъ вѣдѣльное время составляло бы не одно вино и карты, то они могли бы при-

носить пользу бѣднякамъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

— Но, однако, эти же чиновники вносятъ членскіе взносы, тѣмъ жертвуя деньги на благое дѣло: богадѣльни, пріюты, училища и прочее.

— Ихняя сумма такъ ничтожна въ сравненіи съ жертвами кунцовъ, что о ней не стоитъ разговаривать, и даютъ на благое дѣло какіе-то ничтожные гроши и думаютъ, что долгъ свой они исполняютъ.

— Большая же часть и грошей своихъ не даютъ и пальцемъ своимъ не шевелитъ на пользу народа, успокаивая себя тѣмъ, что у насъ есть государство, земство, городъ, благотворительныя учрежденія, на обязанности которыхъ лежитъ помочь въ нуждѣ народу. Не подумаютъ они, что при всемъ благомъ и добромъ своимъ желаніи помочь въ нуждѣ народу и улучшить его жизнь, ни государство, ни земство, ни городъ, не въ состояніи одни достигнуть своей цѣли, если близко стоящіе люди къ народу будутъ оставаться въ сторонѣ и не будутъ принимать отъ души никакого участія, клонящагося ко благу народа. Если бы народъ былъ на подобіе куколъ, которыхъ бы можно было раздѣлить, на примѣръ, хотя на пять разрядовъ: одни пронимаются своимъ, другіе—живутъ въ довольствѣ, третьи—имѣютъ избытокъ, четвертые—нуждаются и пятые—сильно бѣдствуютъ; и если бы количество ихъ было извѣстно, то упрежденіямъ тогда легко бы справляться съ народными бѣдствіями: они видѣли бы количество имѣющихъ нужду и количество имѣющихъ въ рукахъ средствъ и отчисляло бы отъ однихъ къ другимъ извѣстную сумму—и тѣмъ дѣлу конецъ. Но въ жизни-то выходитъ не такъ: ни одного человѣка нельзя подвести, чтобы онъ безусловно походилъ на другого, и между ними всегда будетъ разница какъ по внѣшнему виду, такъ по уму, по характеру, по матерьяльному положенію, по труду, по образу жизни, по взглядамъ... Поэтому, мы при

дѣланіи добра должны изучать жизнь каждаго человѣка, и только освоившись что-не-что съ его положеніемъ и убѣдившись въ его трудѣ, должны, не откладывая въ долгій ящикъ, помочь его горю... И не та есть истинная нужда, которая громко о себѣ кричитъ, а та, которая въ тиши гнететъ человѣка, давитъ его своими цѣпкими лапами, заставляетъ его втихомолку жестоко мучиться и страдать, потому что всякій человѣкъ, въ комъ еще есть хоть искра личнаго достоинства, считаетъ для себя униженіемъ протягивать руку о помощи, и до послѣднихъ силъ своихъ борется со своимъ врагомъ, нуждою, нерѣдко изнемогая, падая подъ ея ударами, но съ покойнымъ сознаніемъ, что онъ боролся съ нуждой покамѣстъ могъ, а не стало силъ, ужъ на то не его воля. Вотъ такихъ-то бѣдняковъ намъ нужно искать, чтобы имъ въ трудную минуту протянуть руку помощи и вывести ихъ изъ бѣдственнаго положенія. И тогда только пойдетъ истинная помощь народу. А то всѣ ваши богадѣльни, пріюты и другія благотворительныя учрежденія, въ сравненіи со всею народной нуждой, приносятъ ничтожную долю помощи.

— Опять же я съ вами не совсѣмъ согласенъ: такъ именующая себя „уѣзднойинтеллигенціей“, если нематерьяльно, то своимъ трудомъ приноситъ пользу народу; въ вашемъ городѣ, гдѣ я проѣздомъ останавливался на нѣкоторое время, есть двѣ публичныя бібліотеки—земская и бесплатная народная—читальня, чайная попечительства о народной трезвости, двѣ богадѣльни, дѣтскій пріютъ, бесплатная столовая при городскомъ училищѣ, столярная мастерская, мужское и женское городское училище, церковно-приходская школа, есть нѣсколько обществъ, члены которыхъ безвозмездно, но только изъ-за хорошихъ порывовъ для блага народа, участвуютъ и трудятся въ этихъ обществахъ: въ благотворительномъ, въ трезвости, въ попечительствѣ о народной трезвости, вольной пожарной дружинѣ.

— Еще добавьте ужъ въ обществѣ—птичье, которое существовало съ чѣмъ-то безъ году недѣлю и теперь каждый членъ самъ по себѣ, со своими курами, индюками и другими пернатыми его двора обитателями, составляетъ самостоятельное общество. Бѣда-то и есть въ томъ, что въ городѣ-то жителей всего, какъ говорится, полтора чело-вѣка, а чуть-ли не до десятка разныхъ обществъ. Гдѣ ни посмотришь—вездѣ только члены обществъ, не кому въ го-родѣ приносить и пользу, не считая самимъ себѣ. Еще бы ничего, какъ бы общества, имѣя въ виду одну цѣль—на-родное благо, шли бы рука объ руку, то доброе бы дѣло двигалось впередъ. Но бѣда-то въ томъ: гдѣ ни посмо-тришь—вездѣ рознь. Всѣ стали ужъ очень умны: предсѣ-датель и члены одного общества считаютъ себя умнѣе чѣмъ предсѣдатель и члены другого общества, а послѣдніе въ свою очередь такъ—первыхъ, и думаютъ, что они только въ состояніи руководить народнымъ благомъ,—почему и происходитъ между обществами рознь. вмѣсто того, чтобы въ благомъ дѣлѣ помогать другъ другу, каждое общество часто даже вредитъ другому—и ни въ какомъ обществѣ ничего хорошаго и не выходитъ.

Да какимъ же добрымъ примѣромъ могутъ служить сами члены этихъ обществъ, если я зналъ одного изъ нихъ та-кого, состоявшаго даже секретаремъ въ обществѣ трезвости, который однажды, возвращаясь съ никника большою почто-вою дорогою, свалился отъ лишняго употребленія вина врагомъ и гонителемъ котораго онъ состоитъ въ обществѣ, и долго лежалъ на грудѣ песку въ безчувственномъ поло-женіи, служа примѣромъ для возвращавшихся съ полевыхъ работъ крестьянъ. Вѣроятно, крестьяне вынесли отъ этого себѣ такое поученіе: общество трезвости учить только ихъ не пить вина, какъ человѣческаго зла, для самихъ же чле-новъ вино есть другъ, въ объятіяхъ котораго теперь по-коится секретарь общества.

Главное же, больше всего портят все хорошее самые начинатели и руководители обществъ: обыкновенно они бываютъ, сравнительно съ другими членами, образованные люди, нахватавшіеся верховъ. Они думаютъ, что своимъ умомъ, образованіемъ и знаніемъ теоріи жизни, могутъ одни только измѣнить жизнь и поворотить ее къ лучшему и пренебрежительно относятся къ мнѣніямъ людей, хотя и неособенно просвѣщенныхъ, но практическихъ и опытныхъ. Но извѣстнымъ отраслямъ житейской мудрости; пренебрегать же ихъ практичностью никогда не слѣдуетъ, такъ какъ ихъ, хотя и немногое знаніе, но оно, какъ основанное на опытѣ, хотя первобытно и требуетъ еще совершенства, но оно прочно и приложимо для настоящей жизни, тогда какъ теорія безъ практики нерѣдко составляетъ одни мыльные пузыри. Только опытность настоящей жизни въ связи съ мудрой и основательной теоріей могутъ, идя рука объ руку, развить жизнь къ лучшему, иначе—одно безъ другого почти находится на точкѣ замерзанія: одна практика остается всегда при прежнемъ положеніи, основываясь только на прежнихъ опытахъ, нисколько не двигаясь впередъ, а теорія безъ практики не примѣнима.

— Пожалуй, что въ этомъ и я согласенъ съ вами.

— Наши-то руководители обществъ смотрятъ на дѣло не такъ: они пренебрегаютъ мнѣніями не совсѣмъ образованныхъ, но людей дѣла; и хотя тѣ иногда ионадаютъ въ члены обществъ, но видя, что они приняты только для счета, что руководители обществъ ни во-что считаютъ ихъ мнѣнія, что нерѣдко они съ презрѣніемъ относятся къ нимъ, то мало просвѣщенные не хотятъ быть руководителямъ въ тягость... и члены изъ общества постепенно улетучиваются. Остаются нерѣдко въ обществѣ: предсѣдатель, секретарь или дѣлопроизводитель и два, три руководителя общества, которые, наконецъ, и сами между собою

перессорятся... и общество совсѣмъ распадается, и руководители остаются при печальномъ интересѣ.

Да какъ я посмотрю: вступая председателемъ, или секретаремъ или членомъ въ общество, каждый, большею частью, руководится не тѣмъ добромъ, для котораго онъ долженъ вступить въ общество, а своимъ личнымъ честолюбіемъ, что онъ будетъ членомъ общества, что онъ будетъ давать обществу своего ума и что всѣ, развѣся уши, будутъ слушать его, какъ умнаго человѣка, что объ немъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, будутъ все говорить, что онъ восторгомъ наполнится, когда будутъ смотрѣть на него, какъ на выдающагося человѣка; нѣкоторые считаютъ только за честь быть въ обществѣ—посидѣть, хлопая глазами, съ хорошими людьми; часть рассчитываетъ получить за трудъ по обществу приличное вознагражденіе, которое для нихъ будетъ не лишнимъ, а есть и такіе, что не постыжнутся стянуть у общества кусочекъ, который плохо лежитъ.

— Однако вы хоть не отрицаете пользы отъ учрежденія бесплатной народной библіотеки?

— Но только отъ нея получается не та польза, какую она могла приносить на самомъ дѣлѣ. Сначала былъ библіотекаремъ очень ужъ ученый, который хотѣлъ черезчуръ ужъ скоро просвѣтить читателей и всучивалъ имъ по возможности книги серьезнаго содержанія, какъ напрымѣръ деревенскимъ грамотѣямъ, едва разбравшимъ книги, давалъ „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго и „Отцы и дѣти“ Тургенева. Читатели по необходимости возьмутъ по рекомендаціи книги и принесутъ ихъ домой, но большею частью повертятъ ихъ въ рукахъ, да и отнесутъ обратно; а если у кого изъ нихъ и хватитъ терпѣнія прочитать эти книги, то пользы немногимъ больше пріобрѣтеть: эти книги не по его развитію. Нужно давать полезныя книги такъ, чтобы онѣ были понятны читателю и составляли бы

для него интересъ, а тамъ —уже со временемъ, когда читатели что-не что разовьются, тогда можно давать имъ и болѣе полезныя. Послѣ ученаго поступилъ библіотекаремъ, который въ литературѣ и ткнуть не зналъ, который веденіе своего дѣла считалъ достаточнымъ тѣмъ, что выдавалъ книги, да получалъ ихъ обратно... и пошли въ ходъ воздушныя книги, какъ напримѣръ „Путешествіе на луну“, „Всадникъ безъ головы“ и другія. Скажите, пожалуйста, много ли читатели отъ этихъ книгъ пріобрѣтутъ пользы? Я думаю, что эти книги составятъ одно пустое провозженіе времени.

— Хотя и малая польза, да отъ нашей интеллигенціи есть, а отъ вашего брата, что-то и этого не видно; поэтому интеллигенція стоитъ гораздо выше васъ.

— Еще бы и не быть отъ интеллигенціи пользы: они и получаютъ-то образованіе не наше—въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ я напримѣръ кончилъ, это еще хорошо, а многіе изъ насъ поучатся въ сельскомъ училищѣ, а не то зиму на дому писать да читать—вотъ и все наше образованіе. А для просвѣщенія нашей интеллигенціи существуютъ гимназіи, реальныя училища, институты, университеты и другія училища, гдѣ казной, городомъ, земствомъ затрачиваются огромныя суммы, да и родители не мало расходуютъ на образованіе своихъ благородныхъ дѣтей,—то такимъ воспитанникамъ и стыдно быть не умнѣе и не полезнѣе для народа насъ, для которыхъ часто, ни городъ, ни общество не расходуютъ ни одного гроша. Во всякомъ случаѣ, государство, земство, городъ, затрачивая на народное образованіе громадныя суммы, имѣютъ въ виду, что затраченный капиталъ они не пускаютъ на вѣтеръ, а надѣются, что впослѣдствіи, полезный трудъ отъ ихъ воспитанниковъ оправдаетъ расходъ на нихъ. Но посмотрите въ жизни: окончивъ высшія училища, многіе ли, за исключеніемъ небольшого числа истинныхъ труженниковъ,

отъ души желающихъ народнаго блага, оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды?

Скажите на милость: чѣмъ же они лучше насъ, и за что они презираютъ, грязнятъ насъ, темныхъ людей?

Или за то, что мы хотимъ иногда такъ жить, какъ они живутъ: имѣя подъ руками средства, приобретаемъ себѣ хорошую квартиру, хорошій столъ, одѣваемся въ приличное платье и стараемся дѣтямъ дать образованіе? Всего этого домогаются они, почему же намъ возбраняется? Или за то, что у насъ есть капиталы, которые приносятъ намъ доходъ? Но интеллигенціи не унято имѣть капиталы, и по моему, они пользы не больше дѣлаютъ, что ведя роскошную жизнь, направленную для личнаго счастья, проживаютъ весь, иногда очень хорошій свой доходъ и нерѣдко остаются нашему брату, кулакамъ-міроѣдамъ, даже должными, и нѣкоторые нисколько не стѣсняются, если при удобномъ случаѣ отвилънуть отъ уплаты намъ долга. Или что мы приобретаемъ съ небогатыхъ крестьянъ тысячи двѣ рублей въ годъ дохода, тѣмъ мы и виноваты? Какъ я ужъ говорилъ—предсѣдатель унравы вѣдь не стѣсняется получать съ тѣхъ же крестьянъ, иногда за два, за три часа работы въ день, двѣ тысячи рублей въ годъ—и онъ правъ, а мы нѣтъ?

Если мы, за свой трудъ, гдѣ затрачивается капиталъ при рискѣ имъ, такъ что случается у насъ, что иногда вмѣсто вознагражденія за трудъ, даже теряемъ часть своего собственнаго капитала; если мы никогда не знаемъ отдыха—съ утра до вечера трудимся, такъ какъ который день мы не поработаемъ, то намъ въ тотъ день жалованіе не идетъ; если мы постоянно заботимся, рѣдко зная, что такое есть покой—того и смотри, чтобы что ни сгорѣло, чтобы воры что ни украли, чтобы что ни потонуло, чтобы кто ни обманулъ, и если за все это получимъ въ годъ тысячу, двѣ—рублей,—то мы—кулаки-міроѣды! Затѣмъ, мы вѣдь съ мужиковъ силой не деремъ эти деньги.

Если они видятъ, что необходимый для нихъ товаръ выгоднѣе купить у меня, то они идутъ ко мнѣ, а если они находятъ, что для нихъ полезнѣе приобрести товаръ въ другой лавкѣ, то его добрая воля—туда онъ можетъ и обратиться. Если же по нуждѣ своей бѣднякамъ приходится сбывать необходимыя для нихъ молоко, ленъ, скотину... то виноваты въ этомъ не торговцы, что у нашихъ мужиковъ такая бѣдность. Торговцамъ не исправить ее, да многого и спрашивать съ насъ, какъ съ темныхъ людей, нельзя у насъ есть много образованныхъ людей, которые, кромѣ словъ своихъ, никогда не перейдутъ къ дѣлу и не помогутъ бѣднякамъ, то намъ, темнымъ и непросвѣщеннымъ людямъ, если мы не помогаемъ народу, и Богъ проститъ.

Пусть наши передовые люди, считающіе себя нашими учителями и указывающіе наши недостатки, подадутъ примѣръ помощи народу не только на словахъ, но и на дѣлѣ, я надѣюсь, что наши торговцы не останутся въ сторонѣ, откликнутся на призывъ добра, какъ и всегда отзывались... и тогда помощь народу будетъ двигаться впередъ; а теперь немного пользы отъ того, что мы только грязнимъ другъ друга—отъ этого мы не лучше бываемъ: грязь не дастъ чистоты... Извините меня, можетъ быть что лишнее наговорилъ вамъ, но я отъ лица торговцевъ рас-плачивался съ интеллигенціей даже еще не той монетой, которой отъ нихъ торговцы получали... Не угодно ли вамъ пройти и посмотрѣть хозяйство?

— Если у васъ есть свободное время, то, пожалуйста, покажите его: это для меня очень интересно.

Юрковъ показалъ свой маслосѣльный заводъ, мельницу, садикъ, гдѣ устроена босѣдка и стояли двѣ колоды со-пчелами, поля съ озимымъ и яровымъ хлѣбомъ и заливные луга. Вездѣ видно было устройство заботливаго опытнаго хозяина.

— Вотъ все это я приобрѣлъ, — указывая рукой, гово-

риль Юрковъ,—благодаря своему уму, труду, бережливости—не пропивалъ, не прогуливалъ нажитыхъ денегъ—и опытности. Что ни возьми въ моемъ хозяйствѣ — домъ, скотину, мельницу, маслодѣльный заводъ, лавку, пашни и пожни—все составляетъ существенную и необходимую принадлежность нашей жизни, и я, какъ хозяинъ, какъ распорядитель этого имѣнія, не бросившій на вѣтеръ капиталъ, добытый тяжелымъ трудомъ, думаю, что упорнымъ трудомъ своимъ съ утра до вечера являюсь полезнымъ не только для себя и для своей семьи, которая есенію держится на мнѣ и которая не можетъ надѣяться ни на какія пенсіи и пособія, а только рассчитываетъ просуществовать безбѣдно, благодаря своему хозяину, но трудъ мой полезенъ и для общества, такъ какъ, если бы отъ меня окружающіе видѣли себѣ вредъ, то не имѣли бы со мной общенія и никакого дѣла, потому что никто себѣ не врагъ. А что же касается исправленія нужды народа, то сдѣлайте полезный примѣръ вы, умные люди, которые на то и существуютъ, чтобы выдумывать что-нибудь полезное и примѣнять его къ жизни, которое на самомъ дѣлѣ улучшило бы ее, тогда и я всегда въ такомъ дѣлѣ приму участіе.

Между тѣмъ они уже возвратились изъ обзора хозяйства Юркова и любезно распрощались другъ съ другомъ.

„Ну и Юрко... сказалъ про себя Сергѣевъ. „А пожалуй, есть въ его словахъ и правда“.

Евгеній Мазенинъ.

Евгеній Мазепинъ.

II.

ЗЕМСКІЙ ФЕЛЬДШЕРЪ.

ПОВѢСТЬ.

Издание А. Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан. № 71—6.

1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Декабря 1904 г.

Земскій фельдшеръ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ Гридинскую земскую лечебницу въ концѣ сентября пріѣхалъ новый фельдшеръ—Николай Даниловичъ Стуловъ, котораго звали больше просто Даниловичемъ, такъ и мы будемъ его звать.

Даниловичъ былъ совсѣмъ еще молодой — лѣтъ девятнадцати, сухощавый, небольшого роста, съ выдающимся впередъ длиннымъ подбородкомъ, доказывающимъ самолюбиваго человѣка. Онъ еще только весною нынѣшняго года кончилъ фельдшерскую школу и теперь на первое прибылъ мѣсто.

Навстрѣчу ему вышелъ сторожъ.

— Дома Васильевъ? — спросилъ Даниловичъ сторожа. Васильевъ—товарищъ Даниловичу по школѣ, поступившій на мѣсто лѣтомъ, сразу по окончаніи школы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ сторожъ. — Онъ ушелъ. Вамъ на что его?

— Я къ вамъ назначенъ фельдшеромъ.

— Такъ проходите къ нему въ комнату. Ключъ онъ оставилъ у меня—я вамъ отопру. Вы посидите—онъ скоро придетъ.

По узкой лѣстницѣ они поднялись въ мезонинъ и вошли въ квартиру Васильева. Она состояла изъ трехъ комнатъ:

прихожей—кухни, передней и спальни. Въ передней мебели было—столъ да два стула.

— Не угодно-ли я вамъ поставлю самоварчикъ,—предложилъ сторожъ.

— Пожалуй, онъ не мѣшаетъ.

Погода была холодная, а Даниловичъ ѣхалъ въ легонькомъ ватномъ пальтишкѣ, то онъ прозябъ и радъ чайкомъ согрѣться.

Покамѣстъ сторожъ возился съ самоваромъ, онъ, отъ нечего дѣлать, пошелъ осматривать лечебницу.

Лечебница помѣщалась въ деревянномъ, одноэтажномъ, съ двумя мезонинами, домѣ по шести оконъ съ каждой стороны. Широкимъ теплымъ коридоромъ, въ одномъ концѣ котораго было парадное крыльцо, а въ другомъ — черное, домъ раздѣлялся на двѣ половины.

На лѣвой сторонѣ отъ параднаго входа, въ двухъ комнатахъ, на девяти кроватяхъ помѣщались больные, а третья—служила операционной; на правой — пріемная — аптека, а рядомъ съ ней кухня и квартира сторожа и кухарки. Прихожей служилъ коридоръ; изъ него вела лѣстница въ мезонины; въ другомъ мезонинѣ жила новивальная бабка.

Когда Даниловичъ возвратился въ квартиру фельдшера, то самоваръ уже былъ на столѣ, посуда собрана.

— Ты зачѣмъ заварилъ чаю, у меня вѣдь есть свой, — сказалъ онъ сторожу, замѣтивъ, что чай заваренъ.

— Покушайте вы моего-то.

— Такъ ты тогда садись со мною пить чай.

— Покорно благодарю—я сейчасъ только пилъ.

— Ну, чай на чай—ничего, побои на побои вѣдь худото. Ты ужъ чаю-то больно много положилъ, мнѣ всего не пспить—онъ также останется, да и мпѣ пить съ тобою веселѣе. Давай садись.

Вскорѣ вошелъ Васильевъ и дружески привѣтствовалъ товарища, протягивая ему толстую руку.

— О, Даниловичъ ужъ пріѣхалъ, — съ радостью говорилъ онъ. — Вотъ какое счастье — намъ пришлось обоимъ вмѣстѣ служить.

— Да, дѣйствительно, ладить, такъ по изладить, — поздоровавшись, отвѣчалъ Даниловичъ, — мы вмѣстѣ учились въ фельдшерской школѣ, вмѣстѣ ее кончили и вмѣстѣ служить пришлось.

Ну, какъ ты здѣсь привыкаешь?

— Ничего. Теперь сталъ привыкать, а сначала, такъ, братъ, показалось не больно весело. Въдѣ у насъ въ школѣ-то было очень хорошо, а здѣсь, далеко не то: выйти почти некуда, одному, да еще съ больными — надоѣдаетъ. Ладно, что ты пріѣхалъ — вдвоемъ будетъ веселѣе. Жить ты оставайся у меня, мѣста намъ обоимъ хватить, а квартирныя три рубля останутся у тебя въ карманѣ — они тебѣ не помѣшаютъ.

— Отиравляясь сюда, я и думалъ у тебя поселиться, но, смотри, съ тѣмъ условіемъ, чтобы квартирныя деньги дѣлить пополамъ.

— Объ этомъ не толкуй — сдѣлаемся. Пищу миѣ готовить сторожика, а ей ужъ ладить все равно: что для одного, то для двоихъ.

— Такъ ты говоришь, что не больно добро здѣсь?

— Не совсѣмъ-то, парень. Когда я учился въ школѣ, то только и мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе ее кончить, да опредѣлиться на мѣсто — самостоятельно пожить — по-блаженствовать, а оказывается въ школѣ намъ было куда какъ лучше: поили, кормили, одѣвали, обували хорошо; никакой заботы, кромѣ уроковъ, не было, въ свободное время то и дѣло заводили пѣсни, танцы, а когда завернется въ карманѣ двугривенный, то сходишь въ театръ; да и такъ пройтись по губернскому городу, а особенно съ барышнями, куда какъ веселѣе, чѣмъ здѣсь одному, да еще по лѣсу.

На должности, братъ, заботы побольше, работы довольно, каникулъ никакихъ нѣтъ, скука—однимъ словомъ, незавидное житіе.

— Приѣмъ-то больныхъ у васъ въ какіе часы?

— По росписанію: утромъ — съ десяти до часу, вечеромъ — съ четырехъ до шести, а трудно-больныхъ принимаемъ во всякое время.

— Дежурство у васъ здѣсь учреждено?

— Какое-то дежурство выдумалъ. Здѣсь одному фельдшеру приходится очень часто путешествовать по участку, то другого, оставшагося при лечебницѣ, какъ угодно считай: хоть дежурнымъ, хоть нѣтъ.

— Участокъ здѣсь великъ?

— Порядочный: въ одну сторону верстъ пятьдесятъ будетъ, а въ другую едва-ли не болѣе, пятнадцать училищъ въ немъ; ихъ нужно посѣтить, во время ученія, каждый мѣсяцъ, да нерѣдко таскаютъ къ больнымъ; всего хуже мы съ тобой попали сюда на самый разгаръ эpidемій—осны и скарлатины—еще чаще приходится выѣзжать въ участокъ.

— Отъ скарлатины и осны и умираетъ больныхъ порядочно?

— Есть. Въ одной деревнѣ, пока я ночевалъ, умерло двое; эpidеміи въ трехъ дальнихъ волостяхъ; больно ужъ много хлопотъ съ ними—хоть не выѣзжай изъ участка.

— Можетъ быть, эpidеміи и скоро прекратятся—тогда посвободнѣе будетъ. Здѣсь сходить-то хоть кому-нибудь можно?

— Не больно, братъ, здѣсь разгуляешься, когда и выпадетъ свободное время; хотя народу живетъ довольно, но онъ самый разнокалиберный, сторонится другъ друга, такъ что едва-ли подойдутъ они къ намъ: земскій пожилой—мы ему не пара; одинъ попъ ничего, да старикъ, а другой—какой-то нелюдимъ—самъ, никуда не ходитъ, да у себя немного угоститъ; дьяконъ и два псаломщика славные

ребята, но они для кармана невыгодны, старшина — ровно блаженной памяти о. Августинъ, а писарь и поневоля его сынъ; еще на придачу двѣ старухи — вотъ и вся наша публика.

— Ты на гармоніи хорошо играешь, а я кое-что умѣю на скрипкѣ, то мы съ тобой заведемъ: одинъ — гармонію, а другой — скрипку и станемъ на нихъ играть. Вотъ и будетъ намъ весело.

— Это дѣло. Но соловья баснями не кормятъ — ты навѣрно „ѣсти“ хочешь. Давай-ка поужинаемъ, а потомъ ляжемъ спать.

Послѣ ужина наши фельдшера легли на одну кровать, долго еще разговаривали другъ съ другомъ, но сонъ взялъ свое — они заснули.

II.

На другой день Даниловичъ пришелъ въ пріемную. Здѣсь была уже повивальная бабка и оснопрививательница, помогавшія при пріемѣ больныхъ. Вскорѣ явился врачъ, уже пожилой и толстый изъ себя.

Начался пріемъ. Даниловичъ записывалъ больныхъ въ книгу, врачъ осматривалъ и назначалъ лѣкарства, Васильевъ и повивальная бабка приготовляли лѣкарства и помогали врачу при пріемѣ, а оснопрививательница дѣлала перевязки.

Больные были все большею частью съ самыми обыкновенными болѣзнями: экземой, чесомъ, сифилисомъ, кашлемъ, поносомъ, запоромъ, лихорадкой, ранами...

Въ какихъ-нибудь три часа врачъ отпустилъ сорокъ больныхъ. Послѣ пріема онъ осмотрѣлъ больныхъ, находящихся при лечебницѣ и ушелъ домой, а наши фельдшера поднялись къ себѣ въ квартиру.

На другой день врачъ послалъ Даниловича на мѣсто

эпидеміи скарлатины, въ деревню, находившуюся отъ лечебницы въ тридцати восьми верстахъ.

Даниловичъ, посоветовавшись съ Васильевымъ, какихъ нужно взять въ дорогу лѣкарствъ, уложилъ ихъ въ дорожный ящикъ, взялъ пироговъ и поѣхалъ въ путь на парѣ земскихъ. Хотя фельдшеру полагается одна лошадь, но сами содержатели станцій обыкновенно возятъ на парѣ: скорѣе лошади возвратятся домой, да двумъ лошадямъ легче везти чѣмъ одной.

Дорога была проселочная, грязь стояла по колѣно: гдѣ—индѣ настланный жердникъ весь избить, онъ усиливалъ и безъ того чувствительные толчки въ тряскомъ тарantasѣ. Вечеромъ сдѣлалась такая темнота, что лошади едва разбирали дорогу. Выѣхавъ въ два часа дня, Даниловичъ едва только къ десяти часамъ вечера дотащился до деревни, гдѣ была эпидемія.

Десятскій поставилъ ему самоваръ. Даниловичъ попросилъ у него яицъ, сварилъ ихъ въ самоварѣ и ими и пирогами поужиналъ.

Хозяйка постлала на лавкѣ шубу, и Даниловичъ, положивъ подъ голову брюки и пиджакъ и окутавшись своимъ пальтишкомъ, легъ на шубу; но во всю ночь онъ просналъ не болѣе двухъ часовъ: блохи не давали ему покою, тревожа его не столько своими укусами, сколько бѣготней потѣлу; да въ избѣ, полной народу, было и жарко и душно. что еще болѣе отгоняло сонъ.

Какъ только стало свѣтать, онъ попилъ чаю и отправился по больнымъ, которые были въ трехъ домахъ.

Онъ вошелъ въ небольшую избушку. Печка еще топилась; дымъ спирало вѣтромъ и онъ стлался почти до полу, такъ что хозяйка пріотворила двери въ холодныя сѣни. Щурясь отъ ѣдкаго дыму, Даниловичъ прошелъ впередъ. Передъ печкой на лавкѣ онъ едва разглядѣлъ лежавшаго: подъ овчиннымъ одѣяломъ исхудалаго больного—молодого

нарня. Внимательно осмотрѣвъ его, онъ убѣдился, что нарень боленъ скарлатиной.

— Нѣтъ-ли у васъ другого помѣщенія лучше этого,—спросилъ онъ хозяйку, повидимому мать больного. — Тутъ вѣдь ему плохо поправляться.

— Только у насъ и есть одна эта изба, — отвѣчала хозяйка, — и дѣвать его больше совсѣмъ некуда.

Даниловичъ далъ лѣкарства, объяснилъ какъ его употреблять, пошелъ въ другую избу; но здѣсь ужъ больной умеръ.

Въ третьей избѣ, у дверей онъ увидѣлъ двоихъ больныхъ—мальчика лѣтъ двѣнадцати и дѣвочку лѣтъ восьми, лежавшихъ рядомъ на соломѣ и накрытыхъ разнымъ тряпьемъ.

Въ избѣ была страшная грязь; стѣны прокопченны дымомъ; около печки стояла вонючая деревянная лохань, а изъ подъ пола пахло навозомъ и тамъ безпрестанно блеяли овцы и телята. Холстинное толстое бѣлье на дѣтяхъ все было въ грязи.

— Чѣмъ вы ихъ кормите,—спросилъ Даниловичъ, видя дѣтей ужъ сильно истощенными.

— Что сами ѣдимъ, то и имъ даемъ: горохъ, крупяныя щи и картошку.

— Вы имъ давайте постоянно прясного молока.

— Да, батюшка, у насъ его нѣтъ — у насъ одна коровенка, да и та не доить.

— Такъ ты купи у сосѣдей.

— Купить-то не на что. Развѣ ужъ для больныхъ-то ребятокъ попросить у сосѣдей, добрые люди дадутъ; да ребятишкамъ-то не много и надо — ничего почти они не ѣдятъ; но поди по постнымъ-то днямъ имъ грѣхъ молока-то давать.

— Здоровымъ—грѣхъ, больнымъ—не грѣхъ,—объяснилъ Даниловичъ.—Ты спроси у своего священника—онъ это же скажетъ.

— Ну, ладно, когда стану ихъ я кормить молокомъ— пусть они поправляются, а то всё ужъ измаялись „сердешные“, съ мѣста не встають другую недѣлю, меня-то они измучили: мужика у меня нѣтъ, ребятъ четверо—все малъ-мала меньше, и старшему-то двѣнадцать лѣтъ, а младшему еще три года о „вешномъ“ Николниѣ днѣ минуло; только было сталъ подростать помощникъ, старшій-то сынъ, какъ заболѣлъ, того смотри что номреть — придется мнѣ съ ребятинками еще одной долго „маяться“. Вотъ и дома-то съ ребятами и со скотиной и въ полъ—одна, а теперь еще ребята больные—надо руки съ ними; сидѣть дома не приходится: надо на гумно идти — хлѣбъ молотить... и оставляешь ихъ, бѣдняжекъ, подолгу однихъ, — говорила съ нлачѣмъ баба.

Съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ Даниловичъ изъ избы. Чужое горе было ему какъ будто своимъ. Онъ видѣлъ нужду, горе бабы и ея дѣтей, но не въ силахъ былъ имъ помочь.

Когда онъ возвратился къ десятскому, то въ избѣ сидѣло много больныхъ, набѣжавшихъ изъ этой и окрестныхъ деревень; они рады случаю обратиться за помощью къ фельдшеру, пріѣхавшему къ нимъ.

Даниловичъ отпустилъ имъ изъ взятыхъ съ собою лѣкарствъ, надавалъ имъ рецептовъ, предупредивъ при этомъ, чтобы они за лѣкарствами обратились въ лечебницу, такъ какъ ихъ съ собой у него нѣтъ, и навѣстилъ еще больныхъ двухъ сосѣднихъ деревень.

Нѣкоторые изъ больныхъ такъ и остались съ одними рецептами: за дальностью разстоянія они не пошли въ лечебницу за лѣкарствами.

Даниловичъ домой пріѣхалъ уже передъ утромъ; тотчасъ же легъ спать и проснулся въ одиннадцать часовъ дня.

— У насъ такъ поздно не ходять на службу,—съ такими словами встрѣтилъ его врачъ.

— Я изъ участка прїѣхалъ уже утромъ,—оправдывался Даниловичъ.

— Но все-таки, предупреждаю васъ, на слѣдующее время вы должны быть на службѣ поаккуратнѣе.

Горько и обидно сдѣлалось на душѣ у Даниловича: онъ мучился въ дорогѣ и съ больными, почти не смыкая глазъ, болѣе полуторныхъ сутокъ, и за то, что послѣ такой работы, онъ, для восстановленія своихъ силъ, выпался, ему дѣлають замѣчаніе!

— Ну, какъ тебѣ понравился первый выѣздъ къ больнымъ,—съ добродушной усмѣшкой спросилъ его Васильевъ послѣ пріема больныхъ.

— Самъ бывалъ нѣсколько разъ, такъ лучше меня знаешь—что и спрашиваешь,—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ ему Даниловичъ.

— Ты, братъ, не сердись—надо привыкать ко всему: какъ здѣсь надъ каждымъ пустякомъ разстраиваться, то и не жить.

А ты смотри на все похладнокровнѣе—тогда лучше будетъ.

— Мнѣ кажется, что врачъ совсѣмъ безъ сердца: я почти не спалъ подъ рядъ цѣлыхъ двѣ ночи; утромъ только немного соснулъ—и онъ мнѣ сдѣлалъ выговоръ, что я не своевременно явился на службу. Вѣдь это совсѣмъ безчеловѣчно!

— Въ общемъ, онъ хорошій человекъ—вѣжливый съ нами, всегда застунается за насъ, но только его проклятая аккуратность портитъ всегда: что хошь для него дѣлай, а въ назначенные часы на службу явись. Ну, хоть и сказалъ—не велика важность, за то же промететь.

— Самъ-то онъ часто выѣзжаетъ на эпидеміи?

— Вотъ я служу три мѣсяца и во все это время онъ бывалъ тамъ одинъ разъ.

— Его больные часто увозятъ къ себѣ?

— При мнѣ такъ не случалось ни одного раза. На одной лошади, поданной отъ больного, онъ не поѣдетъ, а какъ платить ему прогоны за пару лошадей въ ту и другую сторону, то для крестьянина дорого стоитъ—они и предпочитаютъ увозить на своей лошаdkѣ насъ.

— Хорошимъ довѣріемъ пользуется здѣсь врачъ?

— Не особеннымъ.. Если бы онъ былъ русскій, то, можетъ быть, побольше довѣряли бы ему, а то ему, какъ еврею, не очень довѣряютъ; многіе, при возможности, обращаются ко мнѣ.

— Онъ не сердится на это.

— И очень иногда сердится; но я не виноватъ, что больные больше вѣрятъ мнѣ, чѣмъ ему, и я не въ правѣ отказать больному, если онъ проситъ меня полѣчить его; если больной не желаетъ обращаться къ врачу, то не оставлять же его безъ помощи.

— Операций много дѣлаетъ врачъ?

— Какое много: если нѣкоторые больные избѣгаютъ лѣчиться у него отъ легкихъ болѣзней, то тѣмъ болѣе не довѣрятъ ему сдѣлать у себя операцію. Такъ какъ другихъ операций приходится мало дѣлать, то онъ налегаетъ на чирьи: ни одного чирья не пропуститъ, чтобы не разрѣзать его; а я даю пластыря и за тоже чирьи скоро проходятъ, и больные довольнѣе—они операціи не очень любятъ.

— Кто больничнымъ хозяйствомъ завѣдуетъ?

— Это все лежитъ на моей обязанности, а врачъ только сдѣлаетъ хорошій нагоняй, если замѣтитъ гдѣ какую-либо неисправность. Самъ же онъ только и знаетъ: посидѣть въ лечебницѣ съ десяти до часу дня, а когда больныхъ мало, то и ранѣе, остальное же все дѣло лежитъ на нашихъ плечахъ.

III.

Вскорѣ врачъ бросилъ свой участокъ на произволъ судьбы, а самъ, получая ранѣе полторы тысячи въ годъ жалованья, перешелъ въ городъ на девятьсотъ рублей.

Исправленіе должности врача, управа поручила сосѣднему Дроздову, жившему отъ Гридинской лечебницы въ ста верстахъ.

Этотъ врачъ былъ еще совсѣмъ молодой, русскій, чловѣкъ доброй души, хотя вспыльчивый, но не надолго; со своими молодыми фельдшерами онъ обращался по-дружески.

Но для него достаточно было дѣла въ своемъ участкѣ, поэтому въ Гридинскую лечебницу онъ прїѣзжалъ на два или на три дня въ мѣсяцъ. Вся работа врача всецѣло лежала на фельдшерахъ.

Они принимали приходящихъ больныхъ, лечили лежавшихъ въ лечебницѣ, наблюдали за хозяйственной частью, за порядкомъ, составляли отчеты, ѣздили въ участокъ, гдѣ особенно, при эндеміяхъ, имъ часто приходилось бывать. Во все время ихъ жизни безъ врача, одинъ фельдшеръ путешествовалъ съ недѣлю по участку, а другому по горло было дѣла въ лечебницѣ; возвращался изъ участка одинъ, ему на смѣну ѣхалъ другой. Въ участкѣ приходилось жить большею частью на одномъ сухоядеіи — молоко было у многихъ кислое и пахло дымомъ, а остального, кромѣ яицъ, въ деревнѣ нечего достать.

Управа болѣе полугода не могла нанять врача: несмотря на неоднократныя публікаціи, желающихъ занять мѣсто, не являлось, тѣмъ болѣе, что управѣ хотѣлось имѣть врача по происхожденію русскаго; а нѣкоторые, пообѣщавшись поступить на службу, потомъ отказывались — находили болѣе лучшее мѣсто.

Но наши ребята не унывали, славно обходились и безъ врача — они чувствовали себя даже свободнѣе, а Дроздова

пріѣзжавшаго къ нимъ ненадолго, они ждали какъ дорогого гостя и по душѣ бесѣдовали съ нимъ.

Несмотря на молодые годы, фельдшера пользовались и довѣріемъ: къ нимъ не только обращались одни крестьяне, но даже охотно шли за помощью священники, діаконъ исаломщики, учителя и торговцы.

Но Даниловичъ отъ природы былъ самолюбивый, настойчивый, и изъ-за своего характера нажилъ себѣ непріятности.

Недалеко отъ лечебницы жилъ богатый торговецъ Наживинъ, содержавшій въ окрестности безъ чего-то двадцать кабаковъ. Онъ поставлялъ для лечебницы мясо. Въ Великій ность, когда уже стояло тепло, послалъ въ лечебницу цѣлыя полтуши мяса, которое сохранить долго свѣжимъ было трудно. Даниловичъ взялъ только половину посланнаго мяса, а остальную возвратилъ обратно. Торговца это задѣло за живое—онъ сталъ ждать случая, чтобы отомстить фельдшеру.

Во время пріѣзда врачъ Дроздовъ прописалъ ему рецептъ, съ этимъ рецептомъ посланный Наживина пришелъ въ лечебницу, гдѣ находился одинъ Даниловичъ.

Онъ только что возвратился изъ пріемной послѣ занятій и теперь обѣдалъ. Посмотрѣвъ на рецептъ и видя, что отпускъ лѣкарства не срочный, онъ сказалъ посланному, чтобы онъ приходилъ за лѣкарствомъ въ назначенные часы, то есть въ пятомъ часу вечера.

Этотъ отвѣтъ посланный передалъ Наживину, котораго окончательно взбѣсило.

Одна за другой полетѣли врачу жалобы на Даниловича съ предупрежденіемъ, что если врачъ ничего не сдѣлаетъ, то онъ пожалуется на него земской управѣ, а если и управа не уважитъ его прошенія, то станетъ на него жаловаться губернатору.

Но врачъ всѣми мѣрами защищалъ Даниловича. Онъ даже, встрѣтившись съ Наживинымъ, спорилъ съ нимъ по этому поводу.

— Даже совсѣмъ нетерпимый у насъ фельдшеръ Даниловичъ,—началъ со злобой Наживинъ. Онъ мальчишка, а дѣлаетъ все по своему. Посылаю я къ нему за лѣкарствомъ—онъ не хочетъ и отпустить.

— У меня на рецентѣ не было помѣчено, что отпускъ лѣкарства срочный, почему фельдшеръ и могъ не въ назначенные часы не отпустить лѣкарства,—возразилъ врачъ.

— Для меня-то онъ во всякомъ случаѣ долженъ сдѣлать исключеніе.

— Если для васъ дѣлать исключеніе, то для священниковъ, учителей тѣмъ болѣе; да и другіе торговцы и крестьяне не грѣшнѣе васъ, чтобы что для васъ было сдѣлать можно, а имъ нельзя.

— Пріемныхъ вашихъ часовъ, установленныхъ вами же, я знать не хочу; у насъ есть правила службы врачей и фельдшеровъ, по которымъ фельдшеръ обязанъ принимать больныхъ и отпускать лѣкарство во всякое время, то онъ и долженъ исполнять эти правила.

— Но правила существуютъ для всѣхъ фельдшеровъ, а условія жизни ихъ неодинаковы. Такъ, на примѣръ, въ этомъ случаѣ: врача уже четыре мѣсяца, какъ въ участкѣ совсѣмъ нѣтъ, другой фельдшеръ уѣхалъ по училищамъ на недѣлю, оставшійся дома и обязанъ быть на службѣ одинъ всю недѣлю, работать за троихъ, не зная себѣ ни отдыха, ни покою? И предъявлять въ такое время къ человѣку требованія, хотя основанныя на правилахъ, но убивающія и нравственно, и физически, его совсѣмъ не справедливо.

— Если онъ взялся за гужъ, то не говори, что не дюжъ.

— Положимъ, что управа многое сдѣлаетъ только то, что переведетъ Даниловича въ другой пунктъ, боясь, чтобы при новыхъ выборахъ вы, какъ гласный, не положили бы шаръ на лѣво предсѣдателью и членамъ, но это нисколько не придаетъ вамъ чести: вы, взрослый мужчина, пользующійся въ округѣ уваженіемъ, связались бороться съ ма-

ленькимъ человѣкомъ, еще неопытнымъ въ жизни, котораго съѣсти больно нетрудно. Я бы на вашемъ мѣстѣ, если бы и видѣлъ за нимъ какія неправильности, то только объ нихъ сказалъ бы ему или мнѣ, не какъ фельдшеру или врачу, какъ своему знакомому: если бы ваши слова были правда, то онъ самъ бы созналъ, или я разъяснилъ бы ему, что онъ поступилъ неправильно. И вотъ, это бы съ вашей стороны было хорошо и противъ этого я ничего бы не имѣлъ.

Пока мѣстъ Дроздовъ исправлялъ должность врача въ ихъ участкѣ, всѣ происки Наживина оставались тщетными; но вскорѣ пріѣхалъ новый врачъ, который, какъ и всякій вновь поступающій служака, принялся горячо за дѣло, то прошеніемъ Наживина произвелъ дознаніе и представилъ его на врачебно-санитарный совѣтъ.

На врачебно-санитарномъ совѣтѣ вышелъ горячій споръ. Врачъ Дроздовъ предложилъ совѣту: во избѣжаніе другихъ непріятностей фельдшеру отъ Наживина, лучше его убрать отъ лихого человѣка; онъ же согласенъ взять его къ себѣ на самостоятельный пунктъ, гдѣ мѣсто для фельдшера будетъ еще лучше. Врачебно-санитарный совѣтъ, найдя всѣ жалобы Наживина неосновательными, Даниловича перевелъ въ предложенный врачомъ Дроздовымъ Красиоборскій участокъ.

Даниловичъ, совсѣмъ не ожидая себѣ перевода, получивъ отъ управы бумагу, прибылъ въ пунктъ черезъ недѣлю противъ назначеннаго управой срока. Управа потребовала отъ него объясненіе о причинѣ неприбытія къ сроку на мѣсто и въ наказаніе ему, за просроченное время не выдала жалованія.

Врачу Дроздову за исправленіе участка въ теченіе семи мѣсяцевъ земское собраніе дало вознагражденія триста рублей, фельдшерамъ-же, несмотря, что къ пріѣзду врача и эпидеміи прекратились даже и спасибо не сказало, а Данило-

вичъ въ награду еще, помимо желанія, былъ переведенъ въ другой пунктъ.

VI.

Красноборскій фельдшерскій пунктъ находился въ двухъ, этажномъ домѣ, стоящемъ одиноко—далеко отъ ближайшей деревни. Въ низу дома помѣщается волостное правленіе, а въ верху—впереди живетъ писарь съ семьей, задъ занятъ пунктомъ.

По парадному крыльцу, подымаясь на верхъ дома, входите въ длинный коридоръ. По лѣвую сторону отъ дверей отведена фельдшеру просторная комната, а въ концѣ коридора находится прихожая, гдѣ виситъ рукомойникъ, да около стѣны, стоитъ подвижная длинная лавка, въ прихожей—три двери: однѣ ведутъ по черному крыльцу на улицу, другія—по коридору въ комнату фельдшера, а третьи—въ пріемную, почти всю занятую тупорной работы бурыми шканами съ лѣкарствами въ нихъ, и длиннымъ по серединѣ комнаты столомъ, на которомъ находились вѣсы и гири; у окна ютился небольшой столикъ съ толстой книгой на немъ для записыванія больныхъ.

Изъ руководствъ для фельдшера оказалась одна только фармакопѣя изданія 1880 года; медицинскихъ инструментовъ было пустяки, даже не имѣлось пульверизатора для обеззараживанія комнатъ.

Вотъ въ такомъ-то помѣщеніи, при такихъ-то пособіяхъ отъ участковаго врача, въ сорока шести верстахъ, Даниловичъ сталъ лечить больныхъ трехъ волостей, насчитывающихъ до пятнадцати тысячъ жителей и находившихся отъ него на разстояніи: въ одну сторону двадцати трехъ, а въ другую—тридцати верстъ. Первое время, опредѣленіе серьезныхъ болѣзней ставило нашего фельдшера совсѣмъ втупикъ и посовѣтоваться было не съ кѣмъ; если бы при

пунктѣ имѣлись медицинскія книги, то можно бы справиться въ нихъ, а на бѣду и ихъ-то нѣтъ. Видя, что безъ пособій плохое леченіе, онъ на другой же мѣсяцъ выписалъ книгъ по медицинѣ на свои пятнадцать рублей.

„Ну, теперь хоть будетъ немного полегче, думалъ онъ: у меня есть подъ руками хорошіе учителя, съ которыми можно посоветоваться“.

Жизнь при Красноборскомъ пунктѣ была для Даниловича очень невеселая. Кромѣ правленія сходить больше некуда: мужики въ будни заняты, а въ воскресные и праздничные дни идти къ нимъ некогда—постоянно прибывали больные, да и до деревни далеко; а церковь же, гдѣ для фельдшера есть всегда подходящій народъ—священникъ, причтъ и торговцы—находилась въ пяти верстахъ,—и подумаешь, да отдумаешь туда сходить.

При такой скучной и однообразной жизни, Даниловичъ ужъ служить въ Красноборскомъ пунктѣ скоро пять лѣтъ. Сегодня онъ проснулся въ семь часовъ утра. Сторожиха, босоногая, въ красной юбкѣ пожилая баба, принесла на столъ самоваръ. Даниловичъ заварилъ чай и сталъ читать книгу, чтобы убить до пріема больныхъ время. Около девяти часовъ утра онъ видѣлъ въ окно, что къ дому подходят больные и подъѣзжаютъ на телѣгахъ „одноколкахъ“—простой деревянный ящикъ, лежащій на оси, на которую вдѣты два колеса; на одноколкахъ обыкновенно возятъ наземъ: онѣ очень тѣсны—аршинъ ширины и два длины, задъ у нихъ ниже, а передъ выше.

— Въ десятомъ часу Даниловичъ пошелъ принимать больныхъ. Въ пріемной уже находилась повивальная бабка, помогавшая ему при пріемѣ больныхъ. Она служитъ бабкой давно; а такъ какъ своей практики у нея было мало, не болѣе въ годъ двадцати пяти пріемовъ дѣтей у роженицъ, то она помогала фельдшеру; аптечное дѣло и перевязки на практикѣ узнала хорошо; фельдшеръ только осматривалъ

больныхъ и назначалъ лѣкарства, а бабка отпускала ихъ и дѣлала перевязки. При своемъ двѣнадцатирублевомъ жалованіи въ мѣсяцъ, она была очень полезна для пункта, гдѣ одному фельдшеру при восьми тысячахъ больныхъ въ годъ и при частыхъ выѣздахъ въ участокъ трудно было управиться.

Въ пріемную вошла молодая баба съ ребенкомъ.

— Сама больна, или ребенокъ, — спрашиваетъ ее фельдшеръ.

— Ребенокъ, — отвѣчаетъ баба.

— Какъ его зовутъ?

— Петькой.

— По отчеству?

— Ивановъ.

— Фамилія?

— Не знаю.

— Какъ тебѣ-то самой фамилія?

— Не знаю.

— А мужу?

— Тоже не знаю. Мужа-то все по отцу Никитенкомъ кличутъ: Никитенокъ, да Никитенокъ, а больше никакъ я не слыхала... погоди, парень, немного: вотъ я сейчасъ у бабы изъ нашей деревни спрошу — она сидитъ здѣсь въ прихожей и можетъ, быть, знаетъ нашу фамилію.

Баба заглянула въ прихожую и спрашиваетъ:

— Федосья, ты не знаешь ли, какъ моему мужику фамилья?

— Гурьевъ, — отвѣчаетъ ей изъ прихожей женскій голосъ.

— Слышь ты — Гурьевъ, — обращается баба къ фельдшеру. — Ты такъ и запиши. Вишь ты, дѣло — то какое — живу замужемъ четыре года и не слыхала какъ мужу фамилья, удивлялась сама надъ собою баба.

— Сколько ребенку лѣтъ? — спрашиваетъ далѣе фельдшеръ.

— Другой годъ минулъ.

— Чѣмъ онъ боленъ?

— У него поносъ.

— Я дамъ тебѣ лѣкарства и ты его давай ребенку по три капли три раза въ день утромъ, днемъ и вечеромъ.

— А чѣмъ ты его кормишь—то?

— Що сами ѣдимъ, то и ему даемъ: обрату, капусту, рѣдьку...

— Этого нельзя ему давать. Ты корми его молокомъ— иначе и капли ему не помогутъ.

— Ладно, когда ужъ не все молоко буду на заводъ таскать, а кринку ему стану оставлять.

Баба отправилась. Вошелъ мужикъ, едва передвигая ногами.

— У тебя что? Опять съ ногами?—говоритъ фельдшеръ, видя мужика съ ревматизмомъ уже во второй разъ обращающагося къ нему за помощью.

— Да.

— Ну, какъ, мазь помогаетъ тебѣ?

— Что-то худо она помогаетъ—пользы мало вижу отъ нея, ты дай чегонибудь другого.

— На что тебѣ лучше этой мази, три ноги хорошенько ею: у тебя боль и пройдетъ.

— Я и то ноги тру каждый день до красна, да что-то нѣтъ легче. Какъ ляжешь спать, то еще болѣе заноютъ ноги; долго вертишься съ боку на бокъ—не можешь заснуть, а днемъ немножко и „иріотпускаетъ“.

— Чѣмъ ты занимаешься-то

— Колодцы рою.

— Навѣрно, иногда приходится стоять въ водѣ.

— Какже, безъ этого не обойтись. Въ другой разъ по часу и болѣе стоишь по колѣно въ водѣ, сапоги дыроватые, текутъ, да не убережешься—за голенище вода попадаетъ.

— Тебѣ ужъ надо бросить этотъ промыселъ, а то трудно

тебѣ поправиться, ты еще хуже усилишь свою болѣзнь, никакія тебѣ лѣкарства не помогутъ.

— Да конкой-то колодцевъ я и кормлю всю семью, восемь человѣкъ. Хлѣба на годъ не хватаетъ, да какъ заработка—то не будетъ, то вѣдь я и семья сѣрымъ волкомъ завоемъ.

— Ты бы нашелъ какой—нибудь другой промыселъ, гдѣ бы ноги были въ теплѣ.

— Какой?—добродушно спросилъ мужикъ.

Фельдшеръ не нашелся посоветовать больному мужику занятъе, гдѣ бы онъ могъ на заработкѣ содержать семью въ восемь человѣкъ и гдѣ бы ноги были въ теплѣ.

Въ пріемную вошла толстая старуха и сказала:

— У меня, батюшка, ноги ноютъ. Вотъ я эгта сѣно косила, а на покосѣ-то у насъ больно водняно; я въ водѣ—то долго босая пробыла; какъ повернулась—у меня лишь закружилось все въ глазахъ, то я свалилась, да и не могу встать-то. Кое-какъ, то поднялась; а ноги у меня ровно деревянныя—совсѣмъ худо ворочаются. Стою да охаю—что хощь со мной дѣлай, не могу грести.

Сестра и давай ругать меня: „Вишь, валень—не охота работать, такъ стоять, да охаетъ“. Больно ужъ обидно мнѣ стало: какъ у нея у самой спина ныла, такъ, „небось“, сюда къ вамъ приходила, и я не по одинъ день ей мазью спину растирала—и хорошо, а мнѣ такъ не вѣрится. Я ей и говорю: „Ты сама ходила къ фельдшеру“ и стало легче, то и я туда пойду—Она мнѣ въ отвѣтъ: „Возьми постнаго масла, да натри ноги—все пройдетъ! Хоть постнаго масла я и купила, но тереть ноги имъ не буду. Сама-то она лѣкарствомъ вылѣчилась, то и я имъ полѣчусь. Милостивый господинъ фельдшеръ, ты ужъ меня вылѣчи, какъ мою сестру вылѣчилъ.

Фельдшеръ, осмотрѣвъ ноги, велѣлъ бабкѣ приготовить для старухи мазь, самъ сталъ осматривать мальчика лѣтъ девяти

и его еще молодую мать, больных глазами трахомой. Осмотрѣвъ ихъ, фельдшеръ съ сердцемъ сказалъ бабѣ:

— Что же ты долго не приходила съ мальчикомъ? Въ прошлый разъ вѣдь я тебѣ наказывалъ, чтобы ты непременно являлась съ нимъ въ недѣлю два раза, а ты вотъ не бывала цѣлыхъ двѣ недѣли. Такъ будете лечиться, то вѣкъ вамъ не поправится; хоть бы ты пожалѣла сына: смотри, ужъ у него на одномъ глазу бѣльмо набило, останется онъ на всю жизнь уродомъ и будетъ жаловаться, что онъ страдаетъ изъ-за тебя.

— Ходить—то сюда далеко—цѣлыхъ девять верстъ, да и недосугъ—работы много.

— Такъ я тебѣ тогда же говорилъ, что если ты не будешь ходить сюда, то отпавъ его къ врачу въ лечебницу: тамъ его примутъ, будутъ кормить, поить, каждый день лечить, тогда онъ скорѣе поправится.

— Нѣтъ, мы ужъ здѣсь лучше полечимся—но крайней мѣрѣ дома.

— Если здѣсь станете лечиться, то нужно чаще сюда ходить.

Баба съ парнишкомъ и старуха вышли въ прихожую.

— Худа здоровьемъ въ дѣвкахъ была, „пощо“ и замужъ выходила,—говорила старуха бабѣ больной глазами—На сѣмена не гожа была, такъ не надо бы замужъ выходить; не вышла бы, такъ „парнишко—то вѣкъ и не мучился“.

— Въ дѣвкахъ—то я вѣдь была здорова.

— Какое ужъ здорова. У васъ вся семья глазами скудается. Говори ужъ то, что въ дѣвкахъ-то вы больно бойки, всѣмъ вамъ замужъ охота, и не разберутъ, гожи или нѣтъ на сѣмена. А нарядятся о праздниѣ въ красный сарафанъ, да и пойдутъ всѣ пѣсни пѣть и плясать:

Руки въ бокъ,
Во весь вздохъ,
Веселись моя душа!

Какъ выйдетъ иная замужъ—напоротки-то и отпустить: сама-то вѣкъ мучится, да и ребята изъ-за нея страдаютъ.

Фельдшеръ же спрашивалъ молодого парня, у котораго глубокая рана зіяла на лбу и все лицо и рубашка были въ крови:

— Какъ это ты себѣ такъ лобъ раскрылъ?

— Сегодня у насъ праздникъ,—отвѣчалъ парень,—мы съ ребятами напились, да и разодрались; одинъ въ дракѣ-то меня по лбу камнемъ и хватилъ; у меня изо лба, какъ изъ-зарѣзаннаго барана, похлестала кровь. Сгоряча же я еще долго махался, но потомъ ужъ стало турить меня—голова въ круги пошла и я отправился сюда.

Фельдшеръ, изслѣдовавъ рану, сказалъ:

— Здорово же тебя ударили даже кость проломили, такъ она и вдавилась. Ты будешь жаловаться?

— Нѣтъ, не буду: не стоитъ по судамъ таскаться. Вотъ какъ поправляюсь, да онъ, кто ударилъ, мнѣ подъ руку попадетъ, то я его не хуже уважу, а мнѣ, больше чѣмъ ему не будетъ.

Во время перевязки, парень, несмотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, нѣсколько разъ внадалъ въ обморокъ.

— Смотри, каждый день на перевязку ходи,—наказывалъ ему фельдшеръ, тяжелой работы не дѣлай—тогда скорѣе поправишься.

Парень съ разбитымъ черенкомъ, пѣшкомъ, прийдя въ пунктъ пѣшкомъ пошелъ въ свою деревню, находившуюся въ одной верстѣ отъ пункта.

На перевязку онъ ходилъ каждый день; не только былъ на ногахъ, но даже работалъ, а черезъ три недѣли совершенно поправился и пересталъ посѣщать пунктъ.

Въ пріемную привела мать сына лѣтъ десяти съ вывихнутой въ локтѣ рукой.

— Какъ онъ это вывихнулъ себѣ руку?—спросилъ фельдшеръ.

— Бѣжалъ онъ вмѣстѣ съ ребятами, отвѣчала баба,— его подоиннули, онъ свалился, и вывихнулъ руку.

Фельдшеру не приходилось не только выправлять локтевые вывихи, но даже видѣть какъ они выправляются. Но однако-же, осмотрѣвъ внимательно у мальчика руку, онъ при помощи бабки, сталъ выправлять и хотя послѣ долгихъ опытовъ, но руку исправилъ.

Затѣмъ, подходили больные съ чесомъ, сифилисомъ, экземой, трахомой и съ другими наружными и внутренними болѣзнями. Всего ихъ набралось тридцать четыре человѣка; фельдшеру пришлось пробыть въ пріемной до трехъ часовъ вечера.

V.

Только что уснѣлъ онъ пообѣдать, какъ вкатывается въ его комнату молодая баба съ раскрытой грудью и обнаженными руками.

О, о, обварила вся, полѣчи меня,—со стономъ отъ мучительной боли говорила баба.

Даниловичъ тотчасъ же отправился съ ней въ пріемную и сталъ перевязывать раны.

— Захотѣла я около полудня чайку попить и скипятила самоваръ,—разсказывала баба.—Свекра-то у меня не было дома. Я боялась чтобы онъ не увидалъ меня что я днемъ во второй разъ пью чай, самоваръ—то я потащила въ мезонинъ, первая-то ступень лѣстницы была высока—лѣстница-то еще не совсѣмъ устроена, то къ ней и поставленъ не большой чурбашикъ, чтобы съ него понадаться на лѣстницу; несу я самоваръ, а онъ такъ ключемъ и кипитъ; какъ только я встала на чурбашикъ, возьми онъ, да и подвернись подо мной—я и полетѣла съ самоваромъ навзничъ—кипятокъ-то и полился на меня... О, о, какъ саднѣетъ—даже терпѣнія нѣтъ... Пришлось ѣхать сюда на те-

лѣтъ двадцать одну версту; меня дорогой даже изъ памяти выкидывало не знаю какъ, и доѣхала досюда.

Покамѣсть Даниловичъ перевязывалъ ее, подошло двое больныхъ—старуха и мужикъ.

У старухи была давно поранена нога, она ее не лѣчила и нога сильно разболѣлась.

— Ты, что долго не приходила лѣчиться,—сказалъ ей Даниловичъ.

— Вишь ты, родимый, мнѣ было некогда: у неvěстки есть маленькіе ребята—я съ ними возжусь, когда она уходитъ на работу; какъ порѣзала я ногу, то тогда же хотѣла идти сюда; но неvěстка стала просить меня: „Погоди маленько—вотъ я поправлюсь съ работой, то ты сходишь, а теперь ребятъ-то мнѣ оставить не съ кѣмъ“. Я ходила, да ходила—болѣзнь-то совсѣмъ и запустила. Вотъ ужъ мнѣ другой годъ на „седьмой“ десятокъ пошелъ, и я сроду ни чѣмъ не баловала, а на старости лѣтъ пришлось изъ-за ноги къ фельдшеру обратиться. Да идти то сюда было далеко—пятнадцать верстъ—едва я дотащилась.

— Тебѣ надо, бабушка, въ ближней деревнѣ пожить потому что придется на перевязку ходить сюда.

— Я и поживу. У меня въ этой деревнѣ родни много, да все и ближняя; даже есть два брата, ты навѣрно ихъ знаешь: Титко, да Заяцъ Кривой.

— Какъ не знать—знаю.

— Вотъ они самые и есть мнѣ братьевья—я у нихъ и побуду.

Послѣ старухи пришелъ съ желтымъ лицомъ мужикъ. Объяснивъ свою болѣзнь, мужикъ началъ:

— Приходится мнѣ страдать изъ-за своего сосѣда. Косилъ я на пожнѣ; лѣто нынче дождливое, и на пожнѣ было водняно. Въ первую ночь я пошелъ спать къ сосѣду въ избушку, до дому-то идти далеко—верстъ десять будетъ; въ избушкѣ—то полу нѣту, а изъ земли даже мѣстами выжи-

мается вода, то я взялъ у сосѣда изъ стога сухого сѣна и подослалъ подъ себя. Пришелъ сосѣдъ, увидалъ, что на его сѣнѣ я сплю, разбудилъ меня, выругалъ, сѣно изъ избушки выкидалъ. Я говорю ему: „Что ты, шальной, ругаешься—какъ мое сѣно просохнетъ, то я сколько взялъ на подстилку, тебѣ принесу“. И всего-то было взято съ какую нибудь ношу. Но онъ сѣна не далъ. И пришлось спать на голой сырой землѣ. На другой же день у меня заболѣла голова, а теперь ужъ работать не могу, работникъ-то я въ семьѣ почти одинъ—хворать то бы некогда, да ничего не подѣлаешь.

— Ты бы хоть своей травы постлалъ—все бы лучше было.

— Какое ужъ лучше—траву мы только съ бабой скосили, да прямо въ воду—ее хоть выжми—благодать была бы одна. Неужели бы я для своего здоровья пожалѣлъ бы сѣна, вѣдь никто себѣ не врагъ.

Больной потихоньку побрелъ изъ пріемной, а за нимъ направился фельдшеръ. Навстрѣчу ему идетъ мужичекъ и, низко кланяясь, говоритъ.

— Я къ вашей милости.

— Что надо?

— Я за тобой пріѣхалъ. У меня парнишка лазилъ на дерево, да оборвался, упалъ на огородъ, прокололъ насквозь коломъ себѣ въ паху ногу, такъ и повисъ. Хорошо, что скоро увидалъ я, снялъ его съ кола, принесъ домой, кой-какъ унялъ кровь, завязалъ ногу, да и за тобой. Везти его самого сюда—боялся: какъ да ногу будетъ тревожить, да онъ изойдетъ кровью. То ты сдѣлай милость—поѣдемъ со мной.

— Ты изъ какой деревни?

— Изъ Ивановской.

— Ого, далеко же до васъ ѣхать!

— Да верстъ двадцать хорошихъ будетъ.

— Подожди немного. Я сейчасъ стану собираться.

— Ладно.

Вскорѣ Даниловичъ со своей корзиночкой, гдѣ помѣщались лѣкарства, тащился на лошадеѣ мужика, запряженной въ „душегубку“, въ родѣ двухколесной коляски, какія дѣти возятъ на себѣ. Тощая лошадка, уже пробѣжавшая двадцать слишкомъ верстъ, едва волокла ихъ³ ступью и везла до дому сѣдоковъ, при всемъ своемъ стараніи, пять часовъ, такъ что только къ полночи они пріѣхали къ больному.

Даниловичъ занялся больнымъ, а хозяинъ поставилъ самоваръ. За чаемъ хозяинъ и хозяйка отъ всего усердія угощали Даниловича черными пшеничными пирогами, испеченными изъ своей муки и отъ души благодарили, что онъ послушался, пріѣхалъ къ нимъ; даже унимали его остаться ночевать; но Даниловичъ, зная по опыту каковы ночлеги въ деревняхъ, попросилъ хозяина отвезти его обратно. Хозяинъ часовъ въ семь утра доставилъ его домой. Даниловичъ тотчасъ же легъ и крѣпко уснулъ.

Утромъ еще часовъ съ восьми, стали собираться больные. Они то и дѣло хлопали дверями прихожей, находившейся рядомъ со спальней фельдшера, и безпрестанно тотъ или другой спрашивали у прислуги, дома ли фельдшеръ, долго ли онъ проснитъ, нельзя ли его разбудить. А нѣкоторые даже ругались и нарочно громко говорили, чтобы проснулся фельдшеръ и услыхалъ: „Да чего намъ ждать его! Ужъ скоро полдень, а онъ все-жъ еще спитъ. Не велико благородіе—могъ бы пораньше встать. Мы люди рабочіе—намъ прохлаждаться здѣсь некогда“.

Эти слова долетали до Даниловича и больно кололи его сердце: онъ проработалъ почти сутки, не смыкая глазъ,—спитъ какихъ-нибудь четыре часа, и за это его оскорбляютъ.

Онъ всталъ и, наскоро напившись чаю, вышелъ къ больнымъ.

Такая жизнь тянулась изо-дня въ день, изъ-года въ годъ. Когда же Даниловичу ужъ больно соскучится, то онъ

ѣздилъ на почку къ своему пріятелю — землевладѣльцу Лугову, жившему отъ него въ пяти верстахъ. Тамъ его принимали какъ родного; въ его семьѣ онъ чувствовалъ какъ въ кругу своихъ близкихъ родныхъ; съ ними онъ отдыхалъ душой. Нерѣдко хозяинъ привозилъ и отвозилъ его на своей лошади.

Весною у Лугова заболѣло скарлатиной двое старшихъ дѣтей, а всего дѣтей у него было пятеро. Луговъ и его жена ужъ очень любили дѣтей, и болѣзнь двоихъ дѣтей имъ была за бѣду: они боялись, чтобы дѣти не умерли и не заразили остальныхъ.

Къ больнымъ дѣтямъ они пригласили Даниловича, который, каждый день, три недѣли выѣзжалъ къ нимъ: послѣ пріема онъ къ ночи отправлялся къ Лугову, а утромъ пріѣзжалъ домой.

Дѣти были сильно больны; по неотступной просьбѣ родителей, Даниловичъ не рѣдко оставался у Лугова до полудня: онъ наблюдалъ за больными и обеззараживалъ комнаты.

За неимѣніемъ пульверизатора интересно производилось обеззараживаніе комнатъ: Даниловичъ надѣвалъ бѣлый фартукъ, лилъ въ воду карболовку, бралъ чистый вѣникъ и, расхаживая по комнатамъ, размахивалъ направо и налево вѣникомъ, обмакивая его въ разведенную карболовку.

Все время, съ утра и до полудня, Даниловичъ былъ неспокоенъ; онъ зналъ, что его дома ждутъ съ нетерпѣніемъ десятки больныхъ, а онъ занятъ двумя больными, да жалко было не утѣшить находящихся въ горести своихъ добрыхъ знакомыхъ. Въ полдень онъ съ облегченнымъ сердцемъ ѣхалъ домой и тотчасъ-же, по пріѣздѣ, принималъ больныхъ.

Нѣкоторые крестьяне были недовольны, что имъ подолгу приходится дожидаться фельдшера, жаловались земскому, что фельдшеръ только и проживаетъ, что у Лугова; когда ни придешь къ нему — его все дома нѣтъ. Земскій, недовольный Даниловичемъ, что тотъ во все время своей службы

не бывалъ у него и не поздравляетъ его съ праздниками— почему-то его сторонится, передавалъ о жалобахъ крестьянъ врачу и предупреждалъ того, что если у фельдшера будутъ еще такія упущенія по службѣ и если ни врачъ, ни управа не примутъ никакихъ мѣръ, чтобы фельдшеръ былъ исправенъ по службѣ, то онъ будетъ жаловаться губернатору.

Врачъ, хотя и находился съ Даниловичемъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но вынужденъ былъ предупредить его, что на него есть жалобы со стороны земскаго начальника, и что если эти жалобы будутъ повторяться, то можетъ онъ получить непріятности.

Кромѣ того, крайняя отъ пункта, самая большая въ участкѣ волость, вздумала просить земское собраніе открыть въ ихъ волости самостоятельный пунктъ, такъ какъ обращаться за помощью въ Красноборскій пунктъ, имъ далеко; въ виду такого своего ходатайства, отказалась давать деньги на отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги для Красноборскаго пункта. Извѣщеніе объ этомъ Даниловичъ получилъ отъ старшины уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и половину расходовъ на эти надобности ему пришлось въ теченіе года урывать изъ своего скромнаго жалованія—двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ.

Онъ обращался черезъ врача въ земскую управу съ просьбой выдать ему деньги на эти потребности. Управа почти черезъ полгода отвѣтила ему, что отопленіе, освѣщеніе и прислуга даются тремя волостями, которыя пользуются пунктомъ, поэтому фельдшеръ долженъ съ нихъ получить деньги.

Дѣлать нечего — пришлось обратиться къ земскому съ просьбой о понужденіи волости выдать деньги на отопленіе, освѣщеніе и прислугу. Земскій приказалъ волостному сходу ассигновать просимыя фельдшеромъ деньги. Даниловичъ израсходованныя свои собственныя деньги шестьдесятъ рублей, получилъ съ волости уже черезъ годъ.

Не было у Даниловича такого времени, чтобы онъ чувствовалъ себя свободнымъ и могъ бы на волѣ отдохнуть. Уйдетъ ли онъ лѣтомъ за рыбой, чтобы успокоиться отъ всѣхъ волненій и чтобы нособратъся съ мыслями,—но только закинетъ удочки, какъ явится у него неотвязная дума: „вотъ я занимаюсь пустяками, а меня дома, можетъ быть, ждутся больные, и пѣкоторымъ изъ нихъ необходимо сейчасъ же оказать помощь“. Даниловичъ складывалъ удочки и тащился домой—большею частью, больные уже ждутъ его.

Всѣ несчастя, всѣ стоны больныхъ тяжело отзывались на душѣ его и усиливали еще болѣе угнетенное, лишенное почти всякихъ радостей, при однообразной деревенской жизни, настроеніе.

VI.

Въ Красноборскомъ фельдшерскомъ пунктѣ Даниловичъ служить подъ рядъ четырнадцать лѣтъ. Онъ уже женился, имѣетъ пятеро дѣтей. Его, какъ хорошаго фельдшера, перевели въ больницу, находящуюся въ уѣздномъ городѣ.

Здѣсь, какъ въ мѣстѣ обитанія земскаго начальства, куда можетъ скорѣе всего нагрянуть губернское начальство, больница образцово устроена на земскій счетъ. Она находится на краю города; состоитъ изъ главнаго зданія, барака для остро-заразныхъ больныхъ, кухни, бани съ прачечной, дезинфекціонной нечи, усыпальницы, ледника съ погребомъ, сарая для склада кроватей и другихъ вещей. Всѣ эти зданія занимаютъ площадь съ полдесятины и обрѣжены заборами. При больницѣ находится тонолевый садикъ.

Обширное главное зданіе состоитъ изъ двухъ этажей, окрашено въ бурюю краску. Широкая небольшая лѣстница ведетъ въ нижній этажъ. Первая отъ дверей комната—прихожая, уставленная деревянными, со синими, желтыми диванчиками; прихожую пересѣкаетъ съ двумя окнами на концахъ свѣтлый коридоръ проходящій вдоль дома. На-

право отъ прихожей, дверь изъ коридора ведетъ въ пріемную, просторную комнату съ длиннымъ передъ окнами столомъ и уставленную шканами съ медицинскими книгами и инструментами.

Черная, висѣвшая на стѣнѣ доска объявляла, что въ больницѣ пятьдесятъ четыре кровати и свободныхъ мѣстъ нѣтъ. Рядомъ съ пріемной находилась дежурная со входомъ изъ пріемной и ванная, куда дверь вела изъ коридора.

Въ противоположной сторонѣ была комната для служащихъ, влѣво отъ нея арестантская, а остальные комнаты устроены для больныхъ женщинъ.

Посрединѣ дома, широкая лѣстница съ мягкимъ ковромъ ведетъ вверхъ, гдѣ находятся часовня, комната для конвоя, пять палатъ для больныхъ, одна изъ нихъ для привилегированнаго сословія.

Огромныя окна прекрасно освѣщали комнаты; хорошо выкрашенный полъ былъ чистъ, а оштукатуренныя стѣны такъ и блестѣли.

Недалеко отъ больницы, въ новомъ обширномъ зданіи помѣщалась земская аптека, подъ управленіемъ провизора. При аптекѣ были два помощника и два ученика.

Лѣченіе всѣхъ больныхъ и отпускъ изъ аптеки лѣкарствъ жителямъ своего уѣзда были безплатные.

О благоустройствѣ больницы лучше можно судить изъ тѣхъ отзывовъ, какіе дали почетные посѣтители въ книгѣ больницы.

Губернскій врачебный инспекторъ при врачебной ревизіи нашелъ: „больница своимъ прекраснымъ образцовымъ устройствомъ и чистотою, строгимъ порядкомъ и весьма удовлетворительнымъ заботливымъ содержаніемъ больныхъ, производитъ самое пріятное впечатлѣніе и составляетъ отрадное явленіе въ санитарномъ отношеніи, свидѣтельствующее о понеченіи земства о народномъ здоровіи и глубокой его въ этомъ дѣлѣ опытности. Лѣченіе больныхъ про-

изводится вполне соответственно научнымъ требованіямъ и съ истинно-гуманнымъ раченіемъ“.

Начальникъ же губерніи замѣтилъ, что онъ, „посѣтивъ больницу, нашелъ въ ней образцовую чистоту“.

При больницѣ состояли: врачъ, три фельдшера, фельдшерица, смотритель, двѣ оснопрививательницы, двѣ сидѣлки и кухарка.

Врачемъ уже давно служить Стопъ. Къ какой національности принадлежитъ — неизвѣстно. Предсѣдатель земской управы хотѣлъ зачислить его на государственную службу, но сколько справокъ ни собирали о его происхожденіи, а положительныхъ свѣдѣній достать не могли, и зачисленіе оставили въ сторонѣ. Одинъ мѣщанинъ опредѣлилъ его происхожденіе такъ: „Врачъ Стопъ изъ еврея въ жида перекрестился“, и всѣ порѣшили, что должно быть такъ.

Врачъ Стопъ уже былъ пожилой, небольшого роста, съ умными, грустными, темными глазами, и очень живой. Въ душѣ онъ былъ прекрасный человѣкъ, отзывчивый на все доброе; если бы не его безпокойный странный характеръ, онъ былъ бы образцовый врачъ.

Въ первое время, принертый къ стѣнѣ нуждой, Стопъ передъ предсѣдателемъ земской управы, важнымъ генераломъ, вынужденъ былъ волей-не-волей играть роль вполне подчиненнаго. Понадобится ли генералу исполнить пустячное порученіе въ его усадьбѣ, находившейся отъ города въ верстахъ шестидесяти... и готовый къ услугамъ врачъ Стопъ, покинувъ больницу и больныхъ на фельдшеровъ, скачетъ на земскихъ въ усадьбу и возвращается награжденный: „благодарю“. Смѣнился грозный генералъ, пріосмотрѣлся нашъ Стопъ—и въ больницѣ онъ сталъ полнымъ распорядителемъ, незнающимъ надъ собой почти никакого контроля, и разсорившись какъ-то съ молодымъ предсѣдателемъ, даже повернулся къ нему спиной и поклонился.

Самъ по себѣ дѣятельный былъ Стопъ и любитель му-

зыки. На какихъ только инструментахъ онъ ни переигралъ— даже не пересчитаешь. Кунить флейту и въ свободное время, не умолкая, свистить на ней, услаждая своей игрой гостей, которые кое-какъ вырвавшись отъ его угощенія, не оглядываясь, бѣжали, заткнувъ уши, на улицу, гдѣ еще долго своимъ свистомъ догоняла ихъ флейта.

Проходилъ ныль и у самого Стона, смотришь ужъ на флейтѣ его сынишка катается верхомъ, а самъ Стопъ теперь пилить съ усердіемъ на скрипкѣ. Онъ даже устроилъ изъ любителей въ городѣ свой музыкальный хоръ и почти ему одному обязаны всѣ инструменты своимъ существованіемъ. Между тѣмъ, какъ ранѣе содержаніе наемныхъ пріѣзжихъ музыкантовъ стоило въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ пятьсотъ рублей, а теперь, за эти деньги играли свои музыканты ничѣмъ не хуже круглый годъ.

Пріемъ больныхъ въ больницѣ врачомъ былъ днемъ съ десяти до двухъ, а вечеромъ, хотя не всегда, съ шести до восьми, а въ остальное время принималъ дежурный фельдшеръ; дежурство фельдшерами ведется аккуратно: фельдшеръ дежурилъ цѣлые сутки, а въ слѣдующій день былъ свободенъ.

Между больными у Стона не было различія: богатые-ли, бѣдные-ли, старые-ли, молодые-ли—для него равны и одинаково внимательно, онъ относился ко всѣмъ, а если что не понравится ему, то иногда очень рѣзко скажетъ всякому, не стѣсняясь его положеніемъ.

Каждый день онъ обходилъ больныхъ, справляясь о ихъ здоровьѣ и довольны ли нищей и уходомъ за ними, почти ни одной палаты онъ не пропуститъ, чтобы не поговорить, не пошутить съ кѣмъ-нибудь изъ больныхъ. Больные, въ то время, когда онъ долженъ прибыть, съ нетерпѣніемъ его ждутъ: послѣ его шутокъ они оживали, поднимался у нихъ духъ лучше, чѣмъ отъ лѣкарствъ.

При пріемѣ же больныхъ Стопъ терпѣть не могъ, чтобы

больные просили у него того или другого лѣкарства, и изъ-за своего вспыльчиваго характера, иногда оскорблялъ ихъ.

Такъ, пришла въ больницу словоохотливая деревенская баба, которая объяснила врачу, что у нея за болѣзнь и просила дать ей „рыкательныхъ капель“, потому что она слышала, что эти капли хорошо помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней. Врачъ былъ занятъ другой больной и просилъ бабу замолчать: когда очередь дойдетъ до нея, то онъ осмотритъ ее и назначить лѣкарство, но баба не унималась, продолжая объяснять пользу отъ „рыкательныхъ капель“. Стопъ подошелъ къ ней и сказалъ: „у меня есть вѣрное средство вылѣчить тебя. Раскрывай ротъ“. Баба послушалась. Онъ вложилъ въ ротъ ей поперекъ палку и велѣлъ держать ее до тѣхъ норъ, пока онъ не скажетъ, а самъ опять занялся больной. Баба стоитъ, не шевелится, съ палкой въ зубахъ.

Находившіеся въ больницѣ фельдшера и сплѣлки не могли стерпѣть — стали смѣяться. Баба смекнула, что смѣются надъ ней, бросила палку и, заругавшись, выбѣжала изъ больницы.

Связавшись какъ-то съ фотографіей, Стопъ не могъ съ ней разстаться: пластинки даже натащилъ въ больницу; то и дѣло отлучался отъ больныхъ, наблюдая за пластинками, чѣмъ задерживалъ больныхъ.

Въ больницѣ у него по году и по два жили человѣка по два хроническихъ больныхъ, понравившихся ему; держалъ онъ ихъ болѣе не для леченія, а изъ-за жалости — вмѣсто богадѣльщиковъ, хотя иногда приходилось отказывать за недостаткомъ въ пріемѣ больныхъ, требующихъ серьезнаго больничнаго леченія. Какъ врачъ, Стопъ навѣрно и самъ сознавалъ, что въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ не совсѣмъ правильно, но природная доброта заглушала это чувство: онъ больныхъ считалъ своими людьми и даже нѣкоторымъ безпріютнымъ подыскивалъ по выходѣ изъ больницы занятіе.

Одного безбородата богадѣльщика онъ изъ больницы переселилъ въ предбанникъ, гдѣ тотъ занялся починкой гармоній. Стопъ держалъ его вмѣсто шута.

Въ больницу приходили иногда изъ любопытства обозрѣвать его знакомые мѣстные интеллигенты—мужчины и женщины.

Когда же они обходили все, то Стопъ обращался къ нимъ:

— Теперь пойдѣте въ баню: тамъ у меня есть очень интересный больной—я вамъ его покажу; но только вы съ нимъ будьте поосторожнѣе—у него не хватаетъ въ головѣ одного винтика.

Гости направлялись къ банѣ, отворяли двери и одинъ за другимъ съ робостью входили въ предбанникъ. Стопъ мигалъ больному, который зналъ въ чемъ дѣло: схватывалъ полѣно, и грозно выпрямляясь своимъ большимъ ростомъ, неистово кричалъ, угрожая полѣномъ:

— Я вамъ задамъ! Что вы тутъ по банямъ бродите!

Мужчины и женщины, потерявъ всю свою солидность, въ ужасѣ, кое-какъ бѣгомъ, не оглядываясь, выбирались изъ бани. Когда же Стопъ разъяснялъ имъ, что это онъ устроилъ имъ въ шутку, то они до слезъ хохотали вмѣстѣ съ нимъ.

Хотя городскимъ врачомъ числился уѣздный врачъ, получая за то жалованіе отъ города, но такъ какъ половину года онъ путешествовалъ по уѣзду, то горожане большею частью приглашали Стопа. И къ богатымъ, и къ бѣднымъ онъ охотно шелъ на домъ безъ всякаго вознагражденія за визиты. Онъ даже оскорблялся, если кто предлагалъ ему за лѣченіе деньги или подарокъ.

„Вѣдь я не даромъ служу, а получаю за свой трудъ жалованіе“, обыкновенно говорилъ онъ, и ни на какіе доводы больного, взять деньги за визитъ, не соглашался.

Однажды мѣстный купецъ послалъ ему въ подарокъ нѣ-

лый возъ товару, но Стопъ, несмотря, что иногда нуждался въ деньгахъ, товаръ отослалъ обратно; а какъ-то другой пріѣзжій кунецъ подалъ ему за леченіе своего брата сто рублей, то Стопъ, зная, что для богача ничего не стоятъ эти деньги, взялъ ихъ съ тѣмъ условіемъ, что онъ на нихъ при больницѣ устроить цвѣтникъ. И въ то же лѣто передъ больницей былъ разбитъ цвѣтникъ.

Несмотря на свою неутомимую дѣятельность и внимательность къ службѣ, разъ Стопъ допустилъ ошибку, которая много надѣлала ему непріятностей и хлопотъ.

Какъ-то заболѣлъ лѣсничій въ городѣ и пригласилъ Стопа. Стопъ ходилъ къ нему изо-дня въ день недѣли двѣ. Сначала онъ опредѣлилъ у лѣсничаго корь, а потомъ убѣдился, что онъ боленъ сливной осной, и, боясь заразить свою семью, сталъ верхнюю одежду оставлять въ сѣняхъ. Между тѣмъ, навѣрно по своей разсѣянности, кромѣ дезинфекціи карболовкой, никакихъ мѣръ, въ предупрежденіе зараженія другихъ, имѣвшихъ общеніе съ больнымъ, не принималъ, между тѣмъ, къ больному ходила прислуга, письмоводитель, который давалъ ему для подписи бумаги и рассылалъ ихъ повсюду.

Умеръ больной. Сейчасъ же, по распоряженію Стопа, были приняты мѣры, чтобы не заразились другіе: къ дому былъ поставленъ городской, который, кромѣ необходимыхъ лицъ, никого къ умершему не пускалъ; вещи умершаго сожгли и комнаты усиленно дезинфекцировали. Но было уже поздно.

Черезъ недѣлю послѣ смерти лѣсничаго пришелъ въ больницу его письмоводитель и жаловался на боль въ горлѣ, объясняя ее простудой, такъ какъ онъ ходилъ въ катанникахъ, а было сыро, то онъ промочилъ ноги. Стопъ не зналъ, что онъ служилъ письмоводителемъ у лѣсничаго, внимательно осмотрѣлъ его и дѣйствительно нашелъ болѣзнь отъ простуды; смазалъ больному въ горлѣ лянисомъ

и отпустилъ его домой, предупредивъ, чтобы онъ пришелъ черезъ два дня. Больной явился въ назначенное время и сказалъ, что ему стало гораздо легче. Стопъ вторично смазалъ въ горлѣ лянисомъ и отпустилъ его домой. Больной, чувствуя себя почти совсѣмъ поправившимся отъ болѣзни, сталъ гулять по улицамъ города. Между тѣмъ, на лицѣ его стали появляться пузырьки; прохожіе подозрительно по-сматривали на него. Больной, думая, что это простуда вы-сыпала на лицо, пришелъ въ больницу подлѣчиться отъ пу-зырьковъ. Тогда только Стопъ опредѣлилъ, что онъ боленъ вѣтряной оспой, и оставилъ его въ больницѣ. Черезъ не-дѣлю больной совсѣмъ поправился; но не успѣлъ онъ выйти изъ больницы, какъ туда поступилъ больной оспой его то-варищъ. И оспа пошла писать свое дѣло: въ городѣ пере-болѣло человѣкъ двадцать, изъ которыхъ двое умерло, да человѣкъ пять остались на всю жизнь съ изрытыми лицами.

Со служащими—фельдшерами, оспопрививательницами, сидѣлками, сторожами—Стопъ обращался попросту: если кто изъ нихъ провинится передъ нимъ, или найдетъ гдѣ какую несправность, то проберетъ ихъ, хотя бы въ это время были и посторонніе, но тѣмъ дѣло кончалось; въ случаѣ же нужды всегда заступался за нихъ.

Служащіе, несмотря на его крутой нравъ, его любили. И какъ его не любить, что если во время его многолѣтней службы, подолгу жили при немъ такіе фельдшера, которыхъ держать могъ одинъ только Стопъ. Такъ, напримѣръ, онъ нѣсколько лѣтъ терпѣлъ ротнаго фельдшера, жалѣя его семью, который и въ медиципѣ ничего не понималъ, да еще былъ пьяница. Стопъ какъ-то подавалъ на берегу рѣки помощь утонувшему и тутъ же на его глазахъ стоялъ этотъ фельдшеръ пьяный и не только не подсоблялъ врачу въ оказаніи помощи, но даже не въ состояніи былъ выговорить слова, что, конечно, крайне пзобидило врача; но онъ, когда уходилъ домой, только фельдшеру замѣтилъ: „хотя бы ты,
9

нанившись, не лѣзъ на глаза-то — не такъ обидно было бы“.

Другой фельдшеръ былъ старичокъ, усердно поработавшій земству около тридцати лѣтъ, то ему, за прежніе труды, дѣлали по службѣ льготы. Фельдшерницѣ же, какъ барыниѣ, тоже дѣлалось снисхожденіе, то вся тяжесть фельдшерскаго труда въ больницѣ, а главное по городу, ложилась больше на фельдшера, получавшаго отъ города десять рублей въ мѣсяцъ жалованія и на Даниловича.

Уѣздные горожане, или боятся больницы, или какъ будто считаютъ за позоръ сходить туда. Они, особенно зажиточные, изъ-за каждаго пустяка, приглашаютъ на домъ фельдшера или врача. Если кто изъ нихъ заболѣетъ серьезно, то врачу или фельдшеру приходится посѣщать его на дому каждый день, а при опасныхъ случаяхъ, даже не однажды. Городскому фельдшеру было иногда совсѣмъ не по силамъ, то горожане одинъ по одному стали приглашать Даниловича, ввѣрились ему и часто таскали къ больнымъ, такъ что и въ городѣ ему свободнаго времени было мало.

У большей же части, больныхъ посѣщали фельдшера безплатно, хотя иногда приходилось бывать у нихъ, при серьезныхъ случаяхъ, по два, даже по три раза въ день, но вездѣ получали они самое радушное угощеніе: чай, закуску, а у нѣкоторыхъ и водку.

Даниловичъ сначала вынивать водки наотрѣзъ отказывался, но потомъ началъ пробовать сладенькую—она понравилась ему, онъ сталъ и порядочно потягать ее; а отъ сладенькой къ простой водкѣ переходъ больно невеликъ, то Даниловичъ привыкъ и къ горькой водкѣ,—въ кампаньи, для веселья, вынивалъ ее; но все-таки, границъ умѣренности не переходилъ.

Хотя дѣла у Даниловича было много, но жизнь у него была хорошая: жалованіе получалъ онъ съ двумя прибавками, черезъ каждые первые два пятилѣтія службы, четыре-

ста рублей въ годъ, да иногда больные платили ему за визиты, то, при недорогой жизни въ уѣздномъ городѣ, онъ не нуждался въ деньгахъ; горожане, за его внимательное и ласковое обращеніе любили и уважали его; у него было хорошее знакомство; праздничное свободное время онъ со знакомыми проводилъ весело; иногда посѣщалъ спектакли; съ фельдшерами у него было дружно, а главное, врачъ былъ имъ доволенъ; отъ врача, кромѣ хорошаго, онъ ничего не видѣлъ. Однимъ словомъ, жить было можно, но на бѣду его у врача Стона вышла непріятная исторія, изъ-за которой ему пришлось уйти со службы.

VII.

Въ больницу пришла барыня—жена чиновника земской управы, невѣдомо откуда въ городъ пріѣхавшаго, считающаго себя образованнымъ человѣкомъ, свысока смотрѣвшаго на своихъ коллегъ, чиновниковъ, какъ по его мнѣнію, еще недоучекъ. Барыня пригласила Стона къ больному своему сыну. Стопъ съ ней, хотя какъ съ близкой знакомой, позволилъ совсѣмъ неумѣстную шутку: онъ взялъ что-то въ родѣ мѣшка и, надѣвая его ей на голову, сказалъ:

— Вы не по модѣ носите шляпки, а въ Петербургѣ вотъ какая пошла на нихъ мода.

Барыня оскорбилась.

— Я не шутки шутить пришла сюда къ вамъ, а приглашать оказать помощь больному сыну,—проговорила она и, расплакавшись, вышла изъ больницы и рассказала объ этомъ своему мужу. Тотъ, какъ имѣющій рыцарскій характеръ, рѣшился тотчасъ же своимъ судомъ смочь, по его убѣжденію, позоръ, нанесенный его супругѣ,—пришелъ въ больницу и, ничего не говоря, ударилъ Стона по щекѣ.

Стопъ вскипятился и хотѣлъ дать ему сдачи, но его оттащили и заверли въ дежурную комнату. Стопъ, не долго

думая, растворилъ окно, выпрыгнулъ въ него и погнался въ больничномъ фартукѣ за своимъ оскорбителемъ. Его увидали свои служащіе и погнались, чтобы остановить его. Стопъ бѣжитъ и кричитъ: „держи его“! И проходившій навстрѣчу имъ, знакомый Стопу плотникъ задержалъ чиновника. Стопъ подбѣжалъ къ чиновнику, далъ ему кулакомъ въ зубы и сказалъ: „семью твою заставлятъ бѣдствовать я не хочу, а теперь мы съ тобой въ расчетѣ“. И самъ спокойно отправился принимать остальныхъ больныхъ.

Управа, вскорѣ же, этого чиновника отказала отъ мѣста, и хотѣла тотчасъ же уволить Стопа, но за него нашлось много заступниковъ, которые находили несправедливымъ—врача, прослужившаго земству усердно пятнадцать лѣтъ, уволить со службы за первый же поступокъ.

По приглашенію земской управы былъ созванъ врачебно-санитарный совѣтъ при управѣ, куда явились: предводитель дворянства, предсѣдатель и членъ земской управы, бывшій членъ управы, уѣздный и ветеринарный врачъ, четыре земскихъ врача и мѣстный купецъ—членъ врачебно-санитарнаго совѣта.

Предсѣдатель управы заявилъ, что совѣтъ созванъ для того, чтобы выслушать мнѣніе отдѣльныхъ членовъ совѣта о врачѣ Стопѣ, какъ о человѣкѣ и врачѣ.

Земскій врачъ Крамянкъ высказалъ, что мнѣніе, какъ о человѣкѣ, не подлежитъ обсужденію совѣта, а какъ врачъ, онъ очень внимательный и сердечный.

Купецъ заявилъ, что предсѣдатель не основательно ставить вопросы, а долженъ заранѣе сообщить факты, на основаніи которыхъ управа предполагаетъ уволить врача Стопа.

Заявленіе это вызвало оживленныя пренія, во время которыхъ членъ управы сказалъ, что факты, извѣстныя управѣ, составляютъ канцелярскую тайну.

Второй и третій земскій врачъ и купецъ отнеслись о Стопѣ, какъ о человѣкѣ прекрасномъ, принесшемъ массу

пользы своему земству въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, а четвертый врачъ—что онъ, лично какъ человѣка и врача не знаетъ, но слухи о Стопѣ, какъ о прекрасномъ человѣкѣ—врачѣ, распространены далеко, даже за предѣлы нашей губерніи.

Уѣздный врачъ имѣлъ массу личныхъ и товарищескихъ столкновеній со Стономъ; относительно личныхъ столкновеній онъ считаетъ себя правымъ, а относительно товарищескихъ столкновеній не считаетъ возможнымъ высказаться въ врачебно-санитарномъ совѣтѣ, такъ какъ разборъ этихъ столкновеній можетъ подлежать не врачебному совѣту, а товарищескому суду. Что касается Стона, какъ земскаго врача, то приходится сказать о немъ, какъ много хорошаго, такъ много и дурного.

Ветеринарный врачъ ничего опредѣленнаго не можетъ сказать о Стопѣ, какъ о врачѣ, но какъ о человѣкѣ, можно сказать, что ранѣе онъ имѣлъ много личныхъ столкновеній со Стономъ, и эти столкновения прекратились съ тѣхъ поръ, какъ онъ прекратилъ свои отношенія со Стономъ.

Предводитель дворянства заявилъ, что онъ съ грустью долженъ сознаться, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ земскихъ врачей, считая Стона, какъ человѣка, дурнымъ, а земскимъ врачомъ онъ могъ бы быть хорошимъ и подчасъ бываетъ идеальнымъ врачомъ.

Бывшій членъ управы высказалъ, что про Стона, какъ земскаго врача, онъ ничего дурного сказать не можетъ, а какъ человѣкъ, онъ неспокойный.

Членъ управы, служившій въ настоящее время, утверждаетъ, что къ Стопу многіе больные перестали обращаться потому, что не знаютъ, въ какую минуту понадутся: иной разъ онъ область человѣка ни за что, ни про что, а другой разъ выгонитъ вонъ; иногда издѣвается надъ больными, какъ было съ женою чиновника, когда она обратилась по поводу больного ребенка и оставляетъ иногда больныхъ

безъ медицинской помощи, какъ это было съ ребенкомъ этой же чиновницы. Какъ члену управы, ему приходилось видѣть массу произвола, изъ-за которыхъ онъ ранѣе имѣлъ бесѣду съ земскими врачами на санитарномъ совѣтѣ. Какъ человѣка, онъ Стопа не уважаетъ и считаетъ его способнымъ на многое дурное.

Члены совѣта, державшіе сторону Стопа, обратились словесно съ просьбой къ управѣ высказать на врачебномъ совѣтѣ тѣ обвиненія, которыя имѣются въ управѣ противъ Стопа, на основаніи которыхъ председатель нашелъ нужнымъ предложить предыдущіе вопросы.

Председатель отвѣтилъ, что рядъ фактовъ, дошедшихъ до свѣдѣнія управы, несовмѣстныхъ съ занимаемой Стопомъ должностью земскаго врача, будетъ разсматриваться въ составѣ управы вмѣстѣ съ высказанными мнѣніями членовъ врачебно-санитарнаго совѣта.

Въ слѣдующемъ засѣданіи врачебно-санитарнаго совѣта председатель возбудилъ вопросъ о замѣщеніи вакансіи врача того участка, гдѣ состоялъ станъ и спросилъ, угодно ли выбрать врача изъ мѣстныхъ земскихъ врачей или пригласить новаго. Товарищи высказались о желаніи предоставить вакансію врачу Крамнику. Тотъ заявилъ, что онъ подчиняется постановленію врачебнаго совѣта. И врачомъ при больницѣ былъ назначенъ Крамникъ.

Немедленно управа послала Стопу въ больницу бумагу о его увольненіи. Стопъ ея не принялъ. Ему вторично принесъ сторожъ управы и настаивалъ принять ее. Стопъ сказалъ ему, что если онъ будетъ съ нимъ еще разговаривать, то онъ прикажетъ гнать его изъ больницы въ шею. Съ большимъ трудомъ, уже посланный изъ управы чиновникъ вручилъ Стопу бумагу.

Больно и прискорбно было Стопу читать ее; по своему убѣжденію, онъ считалъ себя правымъ, а ему, за всѣ пятнадцатилѣтніе труды земству, предлагаютъ выбираться съ

мѣста на всѣ четыре стороны. Въ сердцѣ, онъ сталъ грозить своимъ врачамъ, что онъ отомститъ имъ своимъ судомъ. Тѣ, зная его горячій характеръ, пострусели, такъ что уѣздный врачъ, покамѣстъ Стопъ былъ еще въ городѣ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ запершись и, имѣя на всякій случай револьверъ, чтобы можно было оборониться отъ Стопа.

Но Стопъ только понугалъ своихъ враговъ; онъ вскорѣ подыскалъ еще лучшее мѣсто и преспокойно укатилъ изъ города.

VII.

Сталъ новый врачъ — появились въ больницѣ и новые порядки. Врачъ требовалъ отъ всѣхъ служащихъ и больныхъ дисциплины, чтобы все совершалось по часамъ какъ-будто заведенная машина; а они привыкли не къ механическому, а къ сердечному отношенію Стопа, смотрѣвшаго на служащихъ какъ на людей, иногда обремененныхъ непосильнымъ трудомъ, а на больныхъ, какъ несчастныхъ, угнетенныхъ духомъ людей, почему и облегченіе ихъ и безъ того нерадостнаго положенія, по временамъ не мѣшало, — поэтому всѣ не взлюбили Крамника.

Фельдшера, чувствуя надъ собой сухой начальническій надзоръ врача, который не входилъ въ ихъ душевное положеніе и не рассчитывалъ въ состояніи ли они выполнить возложенный трудъ, становившійся имъ иногда не по силамъ, а требовалъ отъ нихъ по временамъ, чтобы они работали день и ночь, — видя, что врачъ спрашиваетъ съ нихъ то, что они не въ состояніи выполнить, за каждый пустякъ дѣлаетъ имъ въ вѣжливой формѣ выговоръ, стали поверхностно относиться къ службѣ—имъ все равно получать отъ врача выговоръ; городской фельдшеръ и Даниловичъ съ горя даже стали часто понирывать.

Сторожа и сидѣлки за фельдшерами, тоже стали небрежны къ службѣ—и въ больницѣ пошелъ новый порядокъ:

фельдшера невнимательно относились къ больнымъ и неаккуратно производили ихъ лѣченіе; прежде, напримѣръ, каждый день перевязки больнымъ дѣлалъ дежурный фельдшеръ, а теперь, эту обязанность возложили на сидѣлокъ; въ комнатахъ было нечисто—развелось много блохъ, клоповъ и таракановъ.

Больные, чувствуя надъ собой не прежнее теплое попеченіе врача, заботливо ухаживавшаго за ними, а какое-то механическое исполненіе приказаній новаго врача, какъ будто они были ему подневольные, не влюбились его; но выходъ врача изъ палатъ больныхъ, вслѣдъ за нимъ раздавалась иногда не очень скромная брань. Не только мужики, но даже болѣе образованные горожане, ронтали на него.

Въ больницѣ находился больной съ воспаленіемъ легкихъ. Когда онъ сталъ поправляться, то къ нему помѣстили двухъ больныхъ. Зная по-латыни, онъ по карточкамъ, висѣвшимъ надъ ихъ головами, прочелъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ сифилитикъ, а далѣе—мальчикъ, лѣтъ десяти, которому только что сдѣлана операція. Это его сильно возмутило. Онъ только и думалъ, какъ бы не заразиться отъ сифилитика; и безъ того болѣзненно разстроенные его нервы, теперь совсѣмъ не давали ему покоя, волнуя его и угнетая и безъ того ослабѣвшій его духъ; не только больному но и здоровому имѣть койку рядомъ съ сифилитикомъ—не совсѣмъ пріятно. „А мальчикъ еще скорѣе моего можетъ заразиться,—думалъ онъ,—къ ранамъ скорѣе пристаешь эта болѣзнь“. И нашъ больной ни одного часу не былъ спокоенъ и боязнь, и злоба на врача душили его; не могъ онъ выносить этой обстановки и, едва еще держась на ногахъ, выписался изъ больницы.

Многіе горожане оставались подолгу безъ всякой помощи: къ Крамнику, какъ еврею, избѣгали обращаться, уѣзднаго врача часто не было въ городѣ, Даниловичъ отъ разныхъ непріятностей по службѣ, нерѣдко сталъ нониро-

вывать, а городской фельдшеръ немного отставалъ отъ него, да и не въ силахъ былъ вездѣ посигѣвать.

Врачъ жаловался на Даниловича, что онъ сильно пьянствуетъ и просилъ управу, его отъ себя убрать. Даниловича перевели на самостоятельный фельдшерскій участокъ.

Онъ уложилъ свои пожитки и семейю потащился на земскихъ лошадяхъ на новое мѣсто — верстъ за двѣсти отъ города.

Хотя помѣщеніе для пункта было хорошее, но самое мѣсто совсѣмъ глухое, выйти некуда, такъ что нашъ Даниловичъ со скуки сталъ еще чаще записывать.

Понадетъ ли онъ въ участокъ, запируетъ тамъ и живетъ дня по два, по три, иногда и болѣе, а между тѣмъ его ждутъ при пунктѣ цѣлые десятки больныхъ, притащившихся за пять, десять и двадцать верстъ; только напрасно потерявъ время, къ вечеру обратно плетутся домой. А если когда онъ возвратится домой, то на другой день долго лежитъ съ похмѣлья и выйдетъ къ больнымъ уже часа въ три дня.

Въ обращеніи съ больными онъ сталъ раздражительнымъ. Какъ-то торговецъ, находившійся въ саженьяхъ полутора отъ пункта, пригласилъ его къ больной дочери. Даниловичъ, бывшій навеселѣ, велѣлъ посланному передать торговцу, что онъ нездоровъ, придти не можетъ и просить послать за нимъ лошадь. Торговецъ увидалъ пару лошадей, возвращавшихся изъ-подъ почты и послалъ ее за Даниловичемъ; къ пункту съ шумомъ подкатила пара. Даниловичъ принялъ это за насмѣшку со стороны торговца, оскорбился и къ нему не поѣхалъ. Торговецъ вынужденъ былъ послать за врачомъ, который жилъ отъ него въ пятидесяти верстахъ.

Интересно лѣчилъ Даниловичъ своего знакомаго отъ запоя. Знакомый жилъ отъ Даниловича въ шести верстахъ и приглашалъ его къ себѣ на домъ. Даниловичъ живетъ у

больного сутки, посѣщая пунктъ утромъ для отпуска больныхъ, живетъ другія—самъ крѣпится, да и больного предостерегаетъ, чтобы онъ, по возможности, воздерживался отъ водки, тогда скорѣе поправится; но наконецъ должно у Даниловича всякое терпѣніе и онъ уже больному самъ заговаривалъ, что, для здоровья, не мѣшаетъ по рюмочкѣ выпить. Тотъ, конечно, чему былъ и радъ. И выпивъ рюмку, говорилъ:

— Ну, Даниловичъ, сейчасъ ты меня почти совсѣмъ поправилъ, а какъ выпить по другой, тогда вся болѣзнь пройдетъ.

— И правда, парень, пропустимъ и другую, — соглашался Даниловичъ, — но только, смотри, съ тѣмъ, чтобы больше—ни-ни.

Но трудно имъ обоимъ было удерживаться, если ужъ зашумѣло въ головѣ—и стали они выпивать рюмку за рюмкой—вся болѣзнь у больного прошла и стало у нихъ веселье. Жена больного, видя, что ужъ отъ Даниловича не помощь — мужъ скорѣе одинъ поправится, отправляла его домой, а мужу не давала вина,—тотъ, хотя и помучившись послѣ заноя, выздоравливалъ.

Мы уже теперь видимъ не прежняго бодрого неугомаго Даниловича, а уже преждевременно потерявшаго свои силы хилого, физически и нравственно разслабленнаго старика; хотя ему не было еще сорока пяти лѣтъ, но онъ сгорбился, лишился зубовъ, посѣдѣлъ и былъ такъ тощъ, что въ чемъ только держалась его душа.

Участкомъ Даниловича завѣдывалъ молодой врачъ, какъ съ годъ окончившій университетъ. Самолюбивый Даниловичъ считалъ себя практичнымъ и прекрасно знающимъ свое дѣло; на врача смотрѣлъ какъ на незнайку, почти ни во-что ставилъ его, почему врачъ и не могъ быть доволенъ имъ, не прочь былъ отъ него избавиться, тѣмъ болѣе, что на Даниловича нерѣдко поступали къ нему жалобы. Но

управа, цѣня почти двадцатинятилѣтнюю службу фельдшера, держала Даниловича, но предупреждая его, что если онъ не исправится, то управа его уволить. Даниловичъ же гордился прежнею своею службою и надѣялся, что земство продержитъ его долго, не оставитъ безъ куска хлѣба.

Въ послѣднее время онъ сдѣлался очень подозрительнымъ: даже до ближайшей деревни, хотя тамъ народъ былъ очень смирный, никого зря пальцемъ не тронетъ, не ходилъ съ пустыми руками, а носилъ подъ верхней одеждой на ремнѣ револьверъ и кинжалъ.

IX.

Сегодня Даниловичъ трезвый, сидитъ подъ окномъ и читаетъ газету. Вдругъ, раздался колокольчикъ, и кто-то на парѣ подѣхалъ къ дому. Даниловичъ вышелъ въ прихожую и, увидавъ врача Дроздова, съ радостью сказалъ:

— А, Николай Ивановичъ. Здравствуй. Какими это судьбами.

— Здравствуй, Даниловичъ,—говорилъ Дроздовъ. Мнѣ управа дала мѣсячный отпускъ,—я и поѣхалъ домой. Дорога идетъ около васъ—то я и завернулъ провѣдать тебя.

— Спасибо, большое тебѣ спасибо, — съ чувствомъ говорилъ Даниловичъ.—Ты вотъ не забылъ меня даже заѣхалъ навѣстить.

— Нельзя и забывать стараго сослуживца: мы вѣдь съ тобой, Даниловичъ, все время дружно жили.

— Да, Николай Ивановичъ, такъ бы жить и всѣмъ фельдшерамъ съ врачами, то дай имъ Богъ. Но вотъ что: соловья баснями не кормятъ. Ты скажи: чего тебѣ больше охота—чаю или ѣсть.

— Пожалуй, что чаю не хуже.

— Ну, ладно, тогда. Анна, поставь самоваръ,—сказалъ онъ прислугѣ.

— Та тотчасъ же согрѣла самоваръ и принесла на столъ.

— Каково ты, Даниловичъ, поживаешь? — спросилъ Дроздовъ.

— Ничего. Только вотъ все у меня здоровье-то плохое. Того гляди, что на тотъ свѣтъ отправимся.

— Полно-ка ты это говорить. Еще такой молодой, а собираешься умирать. У тебя ребята малы, а ихъ много— надо пожить, ихъ поднять. Ты и для семьи надобенъ, да и земству еще полезенъ.

Да, былъ, Николай Ивановичъ, когда-то конь, да онъ ужъ ѣзженъ. Поработалъ я земству слишкомъ двадцать лѣтъ, а теперь ужъ сталъ никуда негоденъ: пора мнѣ на тотъ свѣтъ убираться—другому, со свѣжими силами, мѣсто дать: больные, старики въ земствѣ не служаки; ребятъ же, Богъ, да добрые люди не оставятъ.

— Какой ты старикъ. Всего какихъ-нибудь съ небольшимъ сорокъ лѣтъ и ты считаешь себя старикомъ.

— Другой и въ семьдесятъ лѣтъ меня поздоровѣе будетъ, а я и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ выгляжу развалиной—ничего, братъ, противъ этого не подѣлаешь.

— На скринкѣ-то ты и нынче играешь, — желая перевести на другой тяжелый для Даниловича разговоръ, спросилъ Дроздовъ.

— Какже. Одна-то она мнѣ осталась утѣха. Въ минуты тоски возьмешь ее, вѣрную подругу жизни и сыграешь печальную, хватающую за душу пѣсню, такъ что слезы навернутся на глаза... И какъ-то легче сдѣлается на сердцѣ.

— Ты хоть бы сыгралъ, но только повеселѣе.

— Не только я для тебя сыграю, но даже съ Мишей подъ скрипку спою. Выборъ же пѣсни — предоставь мнѣ: обыкновенно, я пою то, что мнѣ правится. Миша, иди сюда,—сказалъ онъ двѣнадцатилѣтнему сыну.—Мы съ тобой споемъ „Сумракъ вечерній падъ на поля“.

Взялъ Даниловичъ скрипку, настроилъ ее и сталъ играть

на ней, поди́вая своимъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ, а свѣжій чистый голосъ сына, вмѣстѣ со звуками скрипки переливался какъ серебряный колокольчикъ и съ чувствомъ ясно выводилъ слова тоскливой пѣсни:

„Сумракъ вечерній ужъ палъ на поля,
Въ тихой прохладѣ заснула земля.
Добрая ночь! Тихій покой.
Божій покровъ надъ заснувшей землей...“

Слушая печальную, выливающуюся изъ наболѣвшей души пѣсню, тяжело было Дроздову смотре́ть на Даниловича, разбитаго жизнью, въ сорокъ лѣтъ выглядѣвшаго уже старикомъ, унаваго духомъ, а рядомъ съ нимъ видѣть свѣжаго здороваго его сына съ любовью смотре́вшаго на міръ и исполненнаго самыхъ свѣтлыхъ надеждъ впереди своей жизни. Куча ребятишекъ, одинъ другого меньше, еще болѣе усиливала и безъ того печальное настроеніе духа.

Когда замерли послѣдніе звуки пѣсни, то всѣ долго молчали подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ.

— Тебя спрашиваютъ больные, — обратилась къ Даниловичу его жена.

— Ладно. Я не надолго тебя оставляю одного, — сказалъ онъ Дроздову: — я схожу, отищу больныхъ и сейчасъ же вернусь.

— Идите, идите. Изъ-за меня здѣсь не сидите — я и безъ васъ здѣсь побуду.

— Какъ вы, Марья Ивановна, поживаете? — спросилъ Дроздовъ жену Даниловича. — Нынче хоть поменьше Даниловичъ исниваетъ.

— Ужъ лучше бы и не говорить про мое житье, — махнувъ рукою, сказала Марья Ивановна. — Совсѣмъ рѣдко онъ отстаетъ нить. Прежде хотъ были запои: попьетъ съ мѣсяцъ, а тамъ, съ полгода, съ годъ, каили въ ротъ не беретъ; теперь же — какъ вздумаетъ или подойдетъ случай, такъ и напьется.

— Хоть пьяный-то онъ спокоенъ, никакихъ грубостей не позволяетъ съ вами?

— Пьяный - то рѣдко кто бываетъ уменъ, а про моего Даниловича и говорить нечего. Все-то ему неладно: и сдѣлаешь-то—неладно, и ступишь-то—неладно, и скажешь-то—неладно. Право, ума не могу приложить, какъ примѣниться къ нему. Пьяный иногда день и ночь не даетъ всей семьѣ покою: все что-нибудь да ерундить. Хоть отступайся отъ житья.

— Пуще жаль ребятишекъ-то: вѣдь семеро ихъ—легко сказать; одинъ ужъ учится въ городскомъ училищѣ, да и другой туда посиѣваетъ; а самъ на черный день не сбережетъ копѣйки — ихъ проииваетъ. Деньги иногда нужны ребятамъ на сани, а онъ возьметъ да ихъ и проиветъ. Ребятишкамъ приходится бѣгать въ дыроватыхъ саножонкахъ. Лѣтомъ они бѣгаютъ босикомъ — тепло имъ, весною же да осенью въ дыроватыхъ-то саножонкахъ вѣдь имъ холодно; того гляди, что простудятся,—тогда майся съ ними, больными-то. Мнѣ и то съ такой-то обузой достается: надо ихъ накормить, обмыть.

Ты бережешь каждую копѣйку, боишься попусту израсходовать ее, а у него зря рубли летятъ. Хоть бы нилъ-то одинъ—то ничего, не такъ бы много проиилъ онъ, а то наведетъ каманью — мужиковъ, да и пируетъ съ ними иногда цѣлую ночь: только, смотришь, летятъ бутылка за бутылкой; еще, ты сама не спи, за гостями ходи: то и дѣло подогрѣвай самоваръ, приготовляй закуску; да и ребятамъ-то нѣтъ покою—говоръ, крикъ, пѣсни не дадутъ имъ заснуть.

— Вы бы трезвому поговорили, что такъ жить тяжело, что онъ отравляетъ жизнь семьи и что изъ-за его пьянства всѣмъ вамъ приходится бѣдствовать.

— Охъ,—тяжело простонала Марья Ивановна,—говорено ему было, все говорено, да неймется. Прежде хоть немного

слушался меня; самъ сознаеть, что онъ поступаетъ неладно, дастъ себѣ зарокъ ни капли не пить: его самого-то пьянство мучить—на другой день онъ не находитъ нигдѣ себѣ мѣста. Такъ нѣтъ, все это ему войдется: потерпѣть не долго, все забудеть, да и опять и запьетъ...

Теперь, такъ и сказать ему ничего нельзя: если станешь что говорить, то кидается на меня драться; какъ-то онъ бросился на меня съ кулаками и я хотѣла бѣжать, а онъ схватилъ револьверъ, навелъ на меня и кричитъ: „У меня не убѣжишь—револьверъ догонитъ тебя“! Ноги у меня такъ и подсѣклись—я не смѣла бѣжать.

— Ужъ лучше вамъ молчать, чѣмъ принимать побои. Можетъ-быть онъ самъ образумится.

— Когда молчишь, опять ему неладно. „Что ты на меня сердишься-то: ходишь, ровно языкъ прикусила“, начнетъ онъ. Или: „Ты, какъ дура: по цѣлымъ днямъ не можешь выдумать ни одного слова“. Вотъ, тутъ какъ хочешь, такъ и живи.

— Да, дѣйствительно, тяжелая у васъ жизнь.

— На что ужъ хуже, мнѣ жаль не только своихъ ребятъ, но и больныхъ: иногда по цѣлымъ днямъ ждутъ его напрасну: онъ—или пьянствуетъ, или лежитъ съ похмѣлья.

Многіе изъ нихъ жалуются врачу. Въ послѣдній прїездъ врачъ мнѣ сказалъ: „Только жалѣя васъ и дѣтей, я держу Даниловича, а то давно бы я отступился отъ него“. Я отвѣтила ему: — Если ужъ сколько можете подержите его, а тамъ ужъ воля ваша. Мнѣ ужъ и самой жаль больныхъ: ходятъ, ходятъ они—не могутъ добиться отъ него никакой помощи—въ чужѣ даже страдаешь за нихъ. Если ужъ онъ не перемѣнитъ, то и уволить его—дѣлать нечего,—хоть больные не такъ будутъ бѣдствовать; а если онъ расквититъ всю семью, то онъ намъ свой: мнѣ—мужъ, а дѣтямъ—отецъ“. Не знаю, долго ли еще врачъ побьется съ нимъ.

Послѣ каждаго запоя, онъ въправду или нѣтъ, захвораетъ; позонетъ священника, исповѣдается, дѣтей благословляетъ, со всѣми прощается и говоритъ, что онъ скоро умретъ. Пройдетъ немного времени, онъ ко мнѣ и обращается: „Мама, поди для здоровья не мѣшаешь рюмочку пропустить“. Мнѣ не хочется его разстраивать: думаю, можетъ-быть онъ и на самомъ дѣлѣ такъ сильно боленъ, что не встанетъ съ постели и говорю:—Ты про себя больше знаешь. Если хочешь, то я подамъ.—„Давай-ка принеси“. Выньетъ рюмочку, за ней другую... къ ночи опять ужъ пьянъ.

Здоровье-то, это вѣрно, у него совсѣмъ худо. Въ одно время онъ хотѣлъ лѣчиться: взялъ отпускъ на два мѣсяца и поѣхалъ въ Москву; но, получивъ въ городѣ за два мѣсяца жалованіе, тамъ заперевалъ, и погулявши съ мѣсяцъ, воротился домой. Тѣмъ и кончилось его лѣченіе. Отъ всего жалованія онъ привезъ домой только пятнадцать рублей—тутъ какъ хочешь расходишь деньги, содержи на нихъ семью два мѣсяца. Вдобавокъ, когда онъ ѣхалъ обратно, погода стояла дождливая—его промочило даже до нитки; я все думала, что онъ, вмѣсто облегченія отъ болѣзни, со своею поѣздкой отправится на тотъ свѣтъ.

Ума не приложу, что это сдѣлалось съ нимъ: вѣдь пятнадцать слишкомъ лѣтъ онъ не бралъ въ ротъ ни капли вина и на службѣ былъ ужъ очень усерденъ, такъ что всѣ хвалили его и говорили: „Славный у насъ фельдшеръ Даниловичъ: хорошо лѣчитъ, да и обращается съ нами какъ со своимъ братомъ“. А теперь нѣтъ и похожаго на прежняго Даниловича.

Х.

Вскорѣ вернулся Даниловичъ съ гостемъ, съ мѣстнымъ, уже пожилымъ, землевладѣльцемъ Иваномъ Ивановичемъ, котораго и отрекомендовалъ Дроздову.

Даниловичъ всегда любилъ потолковать о медицинѣ, и теперь завелъ о ней рѣчь:

— Вамъ врачамъ, Николай Ивановичъ, такъ славное житье: отработалъ извѣстные часы — и кончено, а мы фельдшера, должны цѣлые дни находиться на службѣ. Когда и дѣла нѣтъ, отлучиться отъ пункта нельзя: фельдшеръ обязанъ всегда, и днемъ, и ночью, принимать больныхъ.

— Правила-то одни и тѣ же, что для фельдшеровъ, то и для врачей,—возразилъ Дроздовъ,—меня могутъ пригласить къ больному во всякое время, и я долженъ идти.

— Могутъ, да не зовутъ. Все какъ-то нашего брата больно таскаютъ. Еще говорятъ, что фельдшера вредны, что ихъ нужно замѣнить врачами. Никогда нашимъ земствамъ не обойтись безъ фельдшеровъ.

— Это почему?

— Потому что, даже въ врачебномъ участкѣ, врачи не могутъ обойтись безъ двухъ, безъ трехъ фельдшеровъ, то при самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктахъ они никогда ихъ не замѣняютъ. Тутъ нужны работники, а врачи у насъ бѣлоручки.

— Если бы захотѣли, то фельдшеровъ замѣнили бы сидѣлками: они бы при врачѣ были бы ему хорошими помощниками, не хуже фельдшеровъ.

— А кто бы сталъ отпускать лѣкарства по вашимъ рецептамъ?

— Тѣ же сидѣлки. Ихъ нужно сначала къ этому готовить: дать кой-какія познанія по фармаціи.

— А впоследствии, какъ образованнымъ, дать такое же жалованіе какъ и фельдшерамъ, двадцать или двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Затѣмъ, если при лечебницѣ перебышетъ среднимъ числомъ тридцать человѣкъ въ день, а васъ съ утра увезутъ къ больному, требующему немедленной помощи, верстъ за сорокъ въ грязную дорогу, гдѣ вы потеряете цѣлая сутки—и тридцать человѣкъ у васъ дол-

жны остаться безъ помощи? Между тѣмъ, теперь ни одинъ не уйдетъ безъ леченія единственно лишь потому, что врачъ въ отлучкѣ, а обратится за помощью къ фельдшеру, оставшемуся вмѣсто врача.

— Нужно имѣть себѣ помощника-врача.

— И платить ему полторы тысячи рублей жалованія, то есть въ пять разъ больше, чѣмъ фельдшеру. Да и то у васъ пользы будетъ меньше, чѣмъ, если станете служить, не говоря ужъ съ пятью фельдшерами, какъ ихъ можно содержать на одномъ жалованіи вашего помощника-врача, но даже съ двумя фельдшерами.

За вами, или помощникомъ вашимъ пріѣдутъ на одной лошаdkѣ и попросятъ васъ ѣхать верстъ за пятьдесятъ къ тяжело-больному на таратайкѣ-душегубкѣ, то вы не согласитесь тащиться по грязной дорогѣ по три, по четыре версты въ часъ, а фельдшеръ до слова ѣдетъ.

По правиламъ, да вы и сами требуете, чтобы вамъ подавали на ру въ приличномъ экипажѣ, а у мужика одна лошаdенка, таратайку же выпросилъ у сосѣда—своей нѣтъ; платить же вамъ прогоны въ ту и другую сторону шесть рублей, мужикъ не согласится: у него въ карманѣ рѣdко заводится лишній рубль, а шестью рублями онъ уплатить подать за одну половину года.

„И хорошъ дохтуръ, — скажетъ онъ самъ съ собою, — да онъ намъ не по карману—придется обойтись безъ него“.

— Если кто пригласитъ врача, то, во всякомъ случаѣ, отъ него больше пользы, чѣмъ отъ фельдшера, хотя бы врачъ посѣтилъ больного одинъ разъ, а фельдшеръ—нѣсколько.

— Не вы бы это говорили и не я бы васъ слушалъ, — безнадежно махнувъ рукою, сказалъ Даниловичъ, — позвать бы сюда покойнаго самого Захарьина къ больному нашему мужику, наиримѣръ, съ воспаленіемъ легкихъ, да и заставить бы его лечить на дому мужика, то онъ, право, пользы

немногимъ больше сдѣлалъ бы больному, чѣмъ фельдшеръ.

Можетъ ли врачъ вылечить этого больного своими каплями и своими микстурами, если зимнимъ утромъ больной лежитъ въ дыму около дверей, которыя отворены въ холодныя сѣни, почему больного пронизываетъ холодъ до костей, да въ теченіе дня двери безпрестанно, входя, выходя изъ избы, отворяются; нотомъ, какой долженъ быть въ избѣ воздухъ, если подъ поломъ стоитъ скотъ, откуда навозъ на лантяхъ приносится въ избу, если полъ моется въ годъ разъ, много два и то, собственно говоря, его не моютъ, а грязь киняткомъ отшпариваютъ, вмѣстѣ со снѣгомъ отскребываютъ лопатами и выбрасываютъ на улицу; въ избѣ кричатъ ребятишки; вмѣстѣ съ блеющими подъ поломъ овцами и телятами не даютъ покою больному, который нравственно разстраивается каждымъ пустякомъ; больной питается чернымъ хлѣбомъ, кружнкой, рѣдкой, калустой и обратной. Я думаю, что будь хоть того лучше врачъ, но онъ тутъ много больному не поможетъ во время своего единственнаго посѣщенія, а въ другой разъ за нимъ, на примѣръ, верстъ за тридцать, за сорокъ не только не поѣдутъ, но не всегда пошлютъ и за лѣкарствомъ.

— Тоже и отъ вашего брата больные немного пользы получаютъ: ротные, большею частью, ни уха, ни рыла не понимаютъ, а нѣкоторые иногда осматриваютъ больныхъ навеселѣ. Вообще рѣдко кто изъ фельдшеровъ относится съ усердіемъ къ своей службѣ.

— Ну, братъ, не все мы пьяницы; на примѣръ, я болѣе пятнадцати лѣтъ вѣрой и правдой земству служилъ и вина ни капли въ ротъ не бралъ. Вы сами любите водку не хуже насъ.

— Хотъ и любимъ иногда выпить, но по службѣ-то все-таки поаккуратнѣе; а вы, какъ запьете, такъ и запрете—остановится у васъ всякое дѣло.

— Хорошо это вамъ говорить; попробовали бы вы пожить на фельдшерскомъ пунктѣ, то, когда и не хотѣли бы, да поневолѣ выннли.

— Если бы поставить на самостоятельный пунктъ вмѣсто фельдшера врача, то у него дѣло пошло гораздо лучше.

— Чѣмъ же это лучше?

— Врачу больше довѣряютъ, чѣмъ фельдшеру; слѣдовательно, большому количеству больныхъ онъ будетъ оказывать помощь.

— Это зависитъ отъ того—какой врачъ, какой и фельдшеръ. Есть врачи такіе, что фельдшеру со школьнымъ образованіемъ и опытному болѣе довѣряютъ, чѣмъ имъ. Возьми для примѣра хоть фельдшера Павлова, служащаго въ нашемъ уѣздѣ: у него, по послѣднему отчету, за первую половину прошлаго года было шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ два больныхъ, тогда какъ у врача, завѣдующаго его участкомъ и имѣющаго двухъ помощниковъ—фельдшеровъ, было въ это же время при его лечебницѣ только пять тысячъ восемьсотъ семьдесятъ семь больныхъ; да еще въ это же число вошли больные, принятые фельдшерами, которые обыкновенно разъѣзжаютъ по участку, лечатъ больныхъ и осматриваютъ учениковъ въ училищахъ; при лечебницѣ же только восемь кроватей и на нихъ перебывало сто сорокъ больныхъ.

— Можетъ быть, населенія больше въ участкѣ фельдшера Павлова, чѣмъ у его врача?

— Вотъ напередъ—больше. Въ участкѣ врача девять волостей, а у фельдшера три и размѣромъ волости почти одинаковы, такъ что населеніемъ участокъ врача втрое больше чѣмъ фельдшера.

Если бы населеніе не видѣло пользы отъ леченія фельдшеромъ, то въ теченіе полугода болѣе шести тысячъ человекъ не обратились бы къ нему за помощью, не стали бы попусту, въ ходѣхъ, въ ожиданіи пріема и отпуса лѣ-

карствъ, терять время, которымъ мужики очень дорожатъ.

На дѣлѣ и выходитъ, что фельдшеръ, получающій за многолѣтнюю службу со всѣми прибавками четыреста рублей въ годъ, приноситъ иногда пользы не меньше чѣмъ врачъ съ окладомъ жалованія тысячу пятьсотъ рублей, да въ придачу труды и жалованіе двухъ фельдшеровъ.

— Если врачи получаютъ болѣе вознагражденія за свой трудъ, то они выигрываютъ экономію въ отпускѣ лѣкарствъ, такъ какъ фельдшера много ихъ непронзводительно тратятъ.

— Возьмите-ка отчетъ управы и посмотрите: вы тамъ увидите, что расходъ на лѣкарства въ теченіе полугода выразился такъ: у фельдшера Павлова — шестьсотъ тридцать два рубля, а въ лечебницѣ у его врача тысячу сто четыре рубля—гдѣ же тутъ экономія?

— Словъ не говоря, нельзя отымать чести отъ нѣкоторыхъ трудолюбивыхъ, трезвыхъ фельдшеровъ, что они для населенія полезны, но нужно для сравненія брать не частные случаи, а судить въ общемъ какъ врачей, такъ и фельдшеровъ, тогда можно сказать болѣе правильно.

— Ужъ не знаю, чья тутъ возьметъ, а только вы въ матерьяльномъ отношеніи обставлены гораздо лучше насъ и обладаете по медицинѣ полными правами, тогда какъ мы, подавая помощь больному, даже въ случаѣ необходимости, не можемъ дать, безъ позволенія врача, спльнодѣйствующихъ лѣкарствъ; бываетъ, что эти лѣкарства нужны сейчасъ больному, но не бѣжать же, за разрѣшеніемъ, къ врачу, находящемуся за сорокъ верстъ. По настоящему, фельдшеръ не можетъ пошевелиться безъ разрѣшенія врача, а между тѣмъ, врачъ, живущій за сорокъ за пятьдесятъ верстъ, посѣтитъ ли нункетъ и семь разъ въ годъ. Населеніе трехъ волостей въ тысячъ двадцать ввѣряется на самостоятельное леченіе тому же фельдшеру, у котораго больныхъ бываетъ тысячъ до десяти въ годъ.

— Мнѣ кажется, какъ я наблюдалъ во время многолѣтней своей службы, ни одинъ почти врачъ не стѣсняетъ фельдшеровъ на самостоятельныхъ пунктахъ ни въ чемъ: составленный фельдшеромъ каталогъ, какія бы тамъ ни были помѣщены лѣкарства, начиная отъ самыхъ легкихъ и кончая сильнодѣйствующими—мышьякомъ, стрихниномъ, врачъ подписываетъ безпрекословно; леченіе сильнодѣйствующими лѣкарствами производится фельдшерами вполне самостоятельно; во всемъ остальномъ — мало вы найдете такихъ врачей, которые злоупотребляли бы властью и угнетали бы подчиненныхъ имъ фельдшеровъ; напротивъ, врачъ старается помочь своему фельдшеру въ его, иногда тяжеломъ положеніи и защищаетъ его отъ разныхъ со стороны нападокъ. Что же касается самихъ фельдшеровъ—то многіе изъ нихъ забываются, зазнаются довѣріемъ населенія, ни во-что ставятъ какъ-ни-какъ своего начальника—врача, случается что грубятъ ему, — то такихъ фельдшеровъ встрѣчается чаще, чѣмъ врачей, грубо обращающихся съ ними.

— Конечно, ужъ надо сознаться и правду сказать: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ни одинъ начальникъ такъ сердечно не относится къ своему подчиненному, какъ врачъ къ фельдшеру; почти всѣ участковые фельдшера ждутъ и принимаютъ своихъ врачей не какъ грозное начальство, придирающееся къ каждому пустяку, а какъ дорогихъ гостей: въ дружеской бесѣдѣ съ ними объ интересующихъ обоихъ вопросахъ, они пріятно проводятъ время; но все-таки, эти, хотя и воздушныя узы, связывающія дѣйствія по рукамъ и по ногамъ, сильно нравственно тяготятъ фельдшера.

Такъ, напримѣръ, у меня былъ такой случай: недавно меня пригласили въ деревню, находящуюся недалеко отъ пункта, къ больному парню, у котораго былъ распороть животъ такъ, что внутренности вышли наружу. Единственный исходъ для излеченія больного былъ: вправить вну-

тренности и зашить животъ, чего я, какъ фельдшеръ, по правиламъ сдѣлать не могъ. Если отправить парня къ врачу, находящемуся отъ него въ сорока верстахъ, то онъ долженъ дорогою умереть. Я зашилъ ему животъ, рискуя за это заплатить наказаніемъ — и парень выздоровѣлъ. Даже разъ зашилъ животъ лошади, свалившейся на зубья бороны — и она поправилась.

Если сама жизнь требуетъ, чтобы фельдшера были самостоятельными лицами въ лѣченіи больныхъ и лично отвѣчающими за свои дѣйствія, если уже на практикѣ фельдшера полноправные лѣкари, и если, при окончаніи ими фельдшерскихъ школъ, свѣдующія и опытія въ медицинѣ лица, въ числѣ которыхъ даже находится начальникъ всѣхъ врачей и фельдшеровъ губерніи — врачебный инспекторъ, удостовѣряются въ познаніяхъ ихъ, выдаютъ имъ въ томъ свидѣтельства, — то зачѣмъ же существуетъ огражденіе правъ фельдшеровъ, если эти права жизни давно разрушены. Нужно создавать такія права фельдшерамъ, которыя требуются настоящею жизнью; нужно, чтобы разъ положенныя для фельдшеровъ права, какъ для нихъ необходимыя, существовали не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, чтобы они постоянно не нарушались бы, а исполнялись бы.

Теперь, врачъ, разрѣшивъ выписать фельдшеру изъ земской аптеки сильнодѣйствующія лѣкарства, въ случаѣ, если больному причинится отъ нихъ вредъ, то отвѣчаетъ и врачъ, почему онъ дозволилъ фельдшеру имѣть такія лѣкарства, а на самомъ дѣлѣ, врачъ разрѣшалъ имѣть эти лѣкарства потому, что они при лѣченіи необходимы. Врачъ, имѣя подъ руками лѣчебницу съ приходящими больными, иногда съ девяти волостей, не въ силахъ слѣдить за каждымъ шагомъ лѣченія ввѣреннаго его надзору фельдшера, находящагося отъ него иногда въ пятидесяти верстахъ. И стоять въ этомъ положеніи, я думаю, каждому врачу не очень пріятно.

— Конечно. Я и многіе врачи, противъ самостоятельнаго лѣченія фельдшерами, ничего не имѣли бы: для насъ эта обуза и въ сторону. Намъ достаточно наблюденія за дѣйствіями фельдшеровъ.

— Серьезныхъ же больныхъ всегда фельдшеръ пошлетъ къ врачу, потому что, находясь при лечебницѣ, больной скорѣе поправится, чѣмъ посѣщая пунктъ за пятнадцать, за двадцать пять верстъ.

— Во всякомъ случаѣ, фельдшеръ не будетъ дѣлать больному операцію: онъ на то не имѣетъ права и незнакомъ съ этимъ дѣломъ.

— И вашъ братъ немного дѣлаетъ операцій. Одна почти разница съ фельдшерами, что врачи, для показанія въ отчетахъ большаго числа операцій, всегда чирьи разрѣзываютъ, а фельдшера вылѣчиваютъ ихъ прикладываніемъ вытяжного пластыря; а на серьезныя операціи рѣдко соглашаются наши крестьяне: они еще не привыкли къ нимъ, всякихъ разрѣзовъ боятся; да и земскіе врачи еще не настолько зарекомендовали себя хорошими хирургами, что операціи сходятъ у нихъ всегда благополучно.

— А сколько врачи изъ слѣпыхъ дѣлаютъ зрячихъ, снимая съ глазъ катарактъ—это вы не принимаете въ расчетъ?

— Глазами каждый дорожитъ еще болѣе чѣмъ другимъ, поэтому, больной только въ крайнихъ случаяхъ соглашается на операцію, а покамѣстъ, что-не-что онъ видитъ, избѣгаетъ операціи.

Еще вы говорите, что безъ фельдшеровъ можете обойтись,—онякъ началъ Даниловичъ сильно нападать на врачей,—а сами то и дѣло, безъ всякаго разрѣшенія, отлучаетесь изъ участка по своимъ надобностямъ на педѣлю и болѣе; обязанность врача и свою править тотъ же фельдшеръ.

Да я какъ посмотрю, вы, земскіе врачи, хотя живете

среди народа, но единственно лишь потому, что земство вамъ платитъ приличное жалованіе, какое въ городѣ не получишь, и вы все-таки, находясь въ деревнѣ, смотрите изъ нея вонъ; при первой же возможности, а особенно, кто, при экономіи, скопнтъ себѣ денежку, удираетъ въ городъ, гдѣ жизнь куда—какъ веселѣе.

Вы хотите фельдшеровъ замѣнить врачами, а между тѣмъ, теперь на должность врача съ полутора тысячнымъ жалованіемъ не можно найти въ деревню врача; такъ, на-примѣръ, наше же земство, несмотря на неоднократныя публикаціи, въ теченіи болѣе полугода не могло вызвать ни одного врача, не будь бы фельдшеровъ, тогда васъ и съ собаками не скоро сыскалъ-бы,—то сотни тысячъ больныхъ во время пріисканія врачей должны оставаться безъ всякой помощи.

Первое время вы кричите, что мы, не жалѣя силъ своихъ, служимъ народу, а послѣ, какъ попробуете годъ или два на тяжелой службѣ, полной всякихъ лишеній и въ глуши безъ всякого общества, то трудовая, полезная для народа жизнь земскаго врача, покажется вамъ, избалованнымъ городской жизнью, куда-какъ тяжелой, и вы запоете совсѣмъ не то, а что жизнь земскаго врача поставлена прекрасно, что при этихъ условіяхъ служить въ земствѣ пельзая.

Скажите, пожалуйста, чего еще вамъ надо? Земство жалованіе даетъ вамъ тысячное, не стѣсняетъ вашей свободы—вы вполне сами себѣ начальники; соскучитесь въ деревнѣ, уѣзжаете въ городъ отвести свою душу—и управа вамъ ничего не говоритъ: она рада, что хоть всѣ участки замѣщены врачами: если который уйдетъ, то новаго, пожалуйста, не скоро сыщешь. А нашъ братъ болышею частью до гробовой доски живетъ въ деревнѣ, иногда на службѣ одному и тому же земству двадцать и тридцать лѣтъ подрядъ,—случается, что даже на одномъ мѣстѣ. Много ли найдется врачей, прослужившихъ какому-либо земству

столько лѣтъ? Надо ихъ искать днемъ, да и то съ огнемъ.

— И фельдшера-то служатъ такъ долго единственно потому, что имъ болѣе выхода нѣтъ, а если была бы возможность, то не задумались бы удрать въ городъ.

— Еще пока ребята малы—можно жить въ деревнѣ, но какъ они подрастутъ, то и поневолѣ иногда подумаешь: не худо бы перебраться въ городъ.

Я получаю съ прибавками самый высшій окладъ жалованія въ нашемъ земствѣ—четыреста рублей въ годъ. Житель города скажетъ: въ деревнѣ, гдѣ все дешево, на такомъ жалованіи, при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи, можно жить. Но напрасно городскіе обитатели думаютъ, что въ деревнѣ все дешево. Если сравнить въ общей сложности цѣну покупаемыхъ товаровъ, то въ деревнѣ содержаніе стоитъ даже дороже, чѣмъ въ городѣ; напримѣръ, за ржаную муку приходится платить рубль, за крупчатую два рубля шестьдесятъ копѣекъ за пудъ, сахаръ двадцать, керосинъ пять копѣекъ за фунтъ, а про ситцы и говорить нечего: ясное дѣло, за каждый товаръ, доставленный торговцами за двѣсти верстъ, нужно платить лишнія за провозъ деньги, да и торговцы отъ продажи что-нибудь себѣ наживаютъ. Еще вотъ у меня одинъ сынишка учится въ городскомъ училищѣ и другой поснѣваетъ туда, содержаніе тамъ съ дорогами недешево стоитъ, то жалованіе четыреста рублей въ годъ при моей семьѣ, девяти чловѣкахъ, не далеко подернешь.

— Можетъ быть у васъ есть другіе доходы?

- Въ деревнѣ вы выдумали доходы—что вы? Кажется сами живете въ ней и спрашиваете про доходы; другой богатый торговецъ стаскаетъ тебя къ себѣ на домъ въ годъ-то разъ тридцать, иногда совсѣмъ изъ-за пустяка—могъ бы самъ пріѣхать въ пунеть, а тутъ тащисъ къ нему верстъ за десять и болѣе; въ награду же получишь столько,

сколько у него попьешь, да поѣшь. Всѣ смотрять на земскаго фельдшера такъ: если онъ получаетъ жалованіе, то долженъ работать за него неустанно день и ночь, до послѣдняго своего издыханія. Бываетъ, что иногда крестьяне и предлагаютъ какія-то крохи, но зная ихъ нужду, не согласившись самъ взять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба.

— Это ты такъ поступаешь, а нѣкоторые фельдшера не брезгаютъ всѣмъ—и печенымъ, и варенымъ.

— Конечно, есть и такіе, какъ есть и земскіе врачи, которые разъ придутъ на домъ къ больному и если не получаютъ за визитъ, то на вторичное приглашеніе отвѣтятъ: „Пусть больной самъ въ пріемные часы придетъ въ лечебницу и обратится ко мнѣ“. Жалованіе же они получаютъ въ пять разъ больше нашего.

— Вотъ, что я тебѣ, Даниловичъ, скажу,—спорившіи ранѣе хладнокровно, съ волненіемъ ссказать врачъ.—ты только выставляешь тяжелое положеніе своего брата, фельдшеровъ и думаешь, что земскіе врачи благоденствуютъ. Но со стороны легко судить положеніе другого и думать, что жизнь его, въ сравненіи съ моею, очень хороша; на самомъ же дѣлѣ, чтобы судить о жизни другого, нужно не сопоставлять себя съ нимъ, а необходимо отрѣшиться совсѣмъ отъ своего положенія и встать на мѣсто другого, о комъ ты судишь,—и тогда только болѣе правильно, ты можешь сказать—легка или тяжела его жизнь. А если разсуждать по твоему, то жизнь крестьянской вдовы, оставшейся послѣ мужа съ пятью малолѣтними дѣтьми, которыя вскармливаются отъ ея единственныхъ рукъ, тяжелымъ трудомъ, въ сравненіи съ твоею, будетъ худа, а между тѣмъ, жизнь этой вдовы противъ жизни бездомнаго слѣпого старика—прекрасна.

Въ училищахъ насъ готовятъ не къ трудовой тяжелой жизни земскаго врача, а вбиваютъ въ наши головы—такъ, что они готовы иногда отъ сіяьнаго напряже-

нія даже треснуть—много ненужныхъ для земскаго врача знаній—нѣмецкій, французскій и греческій языки, алгебру и пр.: не съ мужиками же, живя въ деревнѣ, я буду говорить по-нѣмецки или по-французски, а безъ употребленія, всѣ знанія, гдѣ было потрачено столько силъ—мало-помалу улечучиваются.

Между тѣмъ, какъ поступаю на службу земскаго врача съ обширными познаніями, почеркнутыми въ гимназіи и университетѣ—съ французскимъ, нѣмецкимъ и греческимъ языкомъ, съ алгеброй, съ самыми подробными свѣдѣніями по географіи—даже знаю, не только въ какой странѣ, но и въ какомъ городѣ готовится много иголокъ—въ то же время я совсѣмъ почти незнакомъ съ условіями жизни земскаго врача, не имѣю понятія, что за земская больница, лечебница, фельдшерскій пунктъ, про обязанности врача, составъ медицинскаго персонала, условія жизни народа, котораго придется лѣчить—ихъ трудъ, жилища, пищу и пр., что знать для врача необходимо и скоро можно: достаточно познакомиться съ жизнью одной деревни нашего крестьянина—землевладѣльца, чтобы судить о всѣхъ крестьянахъ нашей матушки—Россіи, такъ какъ условія жизни ихъ вездѣ почти одинаковы—въ нустяхахъ только разнятся.

И отъ незнанія жизни населенія, которому приходится подавать помощь, дѣятельность врача, хотя и опытнаго, усерднаго, иногда является бесполезной, составляетъ одну лишь трату на лѣкарства денегъ, которыя собираются съ тяжелыхъ трудовъ нашего крестьянина. И сознаніе этого, тяжелымъ камнемъ ложится на душу врача и подчасъ управляетъ его жизнь.

Ты говоришь—что служба врача самостоятельна, а на самомъ дѣлѣ—нѣтъ: безъ врачебно-санитарнаго совѣта и земской управы врачъ ничего не можетъ сдѣлать; положеніе его такъ же непрочное, какъ фельдшера: я былъ принятъ на службу такимъ-то предсѣдателемъ, а онъ смѣнился,

а другому я почему-либо не понравился — и могу лишиться мѣста.

Потомъ, мы лучшіе годы провели въ ученіи, нѣкоторые въ нуждѣ, видя, какъ другіе пользуются жизнью; но мы жили надеждою, что когда поступимъ на службу, тогда уже будемъ жить такъ, какъ другіе живутъ; на самомъ же дѣлѣ, врачъ въ деревнѣ, не видя почти никакихъ удовольствій и предоставленный одному себѣ: врачу очень трудно здѣсь найти такихъ лицъ, съ которыми онъ могъ пріятно и съ пользою проводить свободное время — живетъ въ деревнѣ онъ, какъ въ ссылкѣ.

Хотя даютъ намъ большое жалованіе, но оно такъ зря между руками уходитъ, не получая на него почти никакихъ удовольствій.

Всю жизнь свою приходится имѣть дѣло съ больными, несчастными людьми, которые своимъ тяжелымъ положеніемъ, стонами, невольно наводятъ тоску, уныніе на душу врача, и отъ чужого страданія иногда становится тяжело и самому.

Бываютъ у меня свѣтлыя минуты только тогда, когда мой больной выздоравливаетъ. Видя, какъ несчастный больной, физически слабый, нравственно унавиншій духомъ, котораго ужъ ничто не радовало въ мірѣ, поправляется, становится здоровымъ, съ любовью смотритъ на окружающій міръ, гдѣ все больному, послѣ тяжелой болѣзни, представляется въ украшенномъ видѣ, — и, думая, что все это онъ получаетъ черезъ врача, онъ отъ всего сердца благодаритъ меня... Въ эти минуты нѣтъ счастливѣе меня!

Не все фельдшера, находящіеся подъ руководствомъ врача, удовлетворяютъ своему назначенію, и сколько иногда отъ ихъ нетрезвой жизни, халатнаго отношенія къ службѣ приходится переносить врачу — онъ одинъ знаетъ. Врачу нужно слѣдить за сидѣлками, за сторожами, чтобы они были исправны по службѣ; малѣйшая ихъ небрежность возмущаетъ врача, преданнаго своему дѣлу.

Сколько своими несподлинными не только просьбами, но даже рѣзкими требованіями, небрежнымъ отношеніемъ къ совѣту врача, возмущаютъ большіе,—и врачъ долженъ отъ нихъ, какъ отъ людей несчастныхъ, переносить на себѣ и за нихъ страдать...

Осуждая дѣйствія и жизнь земскихъ медицинскихъ лицъ, не примутъ во вниманіе то, что врачи и фельдшера рискуютъ постоянно изъ-за своей службы преждевременно отправиться на тотъ свѣтъ: появятся ли гдѣ эпидеміи—холеры, брюшного тифа, оспы и пр.—всѣ даже боятся близко подойти къ жилищу больного, а врачъ и фельдшеръ безстрашно подходитъ и наклоняется къ нему, сознавая, что въ это время онъ вдыхаетъ въ себя воздухъ, которымъ можетъ заразиться, изслѣдуетъ больного, принимаетъ мѣры къ огражденію другихъ, но не себя, отъ зараженія, удаляя ихъ отъ больного; при этомъ, онъ рискуетъ заразить свою семью—жену и дѣтей, а самъ перѣдко даже платится жизнью... И все это цѣнится ни-во-что!

Вотъ вамъ картина жизни земскаго врача, на котораго по временамъ сыплются со стороны укоры.

— Если жизнь врача худа,—замѣтилъ Даниловичъ,—то фельдшера тѣмъ болѣе; а кто изъ нихъ полезнѣе, то это еще вопросъ.

— Вотъ что, Даниловичъ,—перебилъ его врачъ,—намъ съ тобой другъ друга не переспорить въ томъ, чья жизнь лучше и кто изъ насъ полезнѣе—врачъ или фельдшеръ. Этотъ вопросъ разрѣшить лучше посторонній человѣкъ, потому что каждый изъ насъ болѣе защищаетъ свою профессію. Мы объ этомъ спросимъ Ивана Ивановича: онъ терпѣливо выслушалъ весь нашъ споръ, онъ хорошо знаетъ, какъ мѣстный житель, условія жизни народа и нашу дѣятельность, поэтому безпристрастно можетъ высказать свое мнѣніе насчетъ врачей и фельдшеровъ.

— И самое лучшее, — согласился Даниловичъ. — Иванъ

Ивановичъ правдивый человѣкъ—онъ прямо выскажетъ свой приговоръ, а за его отвѣтъ, прошу не сердиться: онъ не любитъ ходить окольными путями.

— Ты ужъ больно много мнѣ чести придаешь,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.—Я обыкновенно говорю только то, что думаю.

— Да и каждый говорить то, что думаетъ, но иной первую думу не выскажетъ—она покажется ему, будетъ непріятна для собесѣдника, замѣнитъ ее другой, болѣе удобной собесѣднику, почему и получается совсѣмъ не то, что онъ думаетъ.

— Ну, ужъ, у меня этого нѣтъ.

— Вы, пожалуйста намъ скажите, о чемъ мы просимъ васъ,—проговорилъ врачъ,—за это мы будемъ вамъ очень благодарны, такъ какъ намъ интересно, чтобы этотъ вопросъ разрѣшилъ посторонній человѣкъ, на правдивый приговоръ котораго мы надѣемся.

— Хорошо. Я послушаюсь васъ. Но только прошу обонхъ не пенять на меня, что не по вкусу придется вамъ.

— Будьте въ этомъ покойны,—увѣрилъ врачъ.

XI

Если сравнивать дѣятельности врача и фельдшера, поступившихъ на мѣсто прямо со скамьи,—началъ Иванъ Ивановичъ,—то, конечно, врачъ лучше фельдшера какъ по нравственному и научному своему воспитанію, такъ и по знанію медицины, потому что ученики—фельдшера не могутъ быть выше своихъ учителей—врачей.

Что же касается дальнѣйшихъ ихъ знаній, то это зависитъ отъ самихъ лицъ—врача и фельдшера: у врача, не берущаго въ руки книги и не слѣдящаго за ходомъ медицины, не только не прибавляются знанія, но даже и старыя улетучиваются, а между тѣмъ, фельдшеръ, со внима-

віємъ относящійся къ медицинѣ, который всю почти жизнь не покидаетъ своихъ учителей, авторовъ медицинскихъ книгъ, которые письменно учатъ его, — при практикѣ онъ справляется въ книгахъ при всякомъ затрудненіи, — при всякомъ интересующемъ его случаѣ, и при внимательномъ лѣченіи больныхъ, ученіе профессора, доктора или врача подтверждается на дѣлѣ, — быстро въ познаніяхъ медицинъ развивается и не только догоняетъ врача, ограничивающагося университетскимъ образованіемъ, но даже впередъ его уходитъ. Конечно, врачъ, слѣдящій за наукою наравнѣ съ фельдшеромъ, обладаетъ, какъ болѣе развитой, большими знаніями.

Въ обращеніи же съ больными — фельдшеръ грубѣе врача: въ школахъ лѣчить больныхъ учатъ, а обращаться съ ними — нѣтъ. Въмѣсто того, чтобы успокаивать больного, какъ несчастнаго, фельдшеръ даже иногда разстраиваетъ его за то, что больной по своей темнотѣ говоритъ ему: вотъ то или другое не поможетъ ли, и проситъ дать ему такого лѣкарства, какого онъ самъ вздумаетъ, или не исполнитъ совѣта его; хотя есть изъ фельдшеровъ и такіе, которые объясняются съ больными хладнокровно, не разстраивая ни себя, ни ихъ.

Да и въ общемъ взять — мало кто такъ грубо съ людьми обращается, какъ нѣкоторые врачи и многіе изъ фельдшеровъ, — а они то и должны быть болѣе всего вѣжливыми въ обращеніи съ больными, какъ ужъ и безъ того нравственно разстроенными, угнетенными людьми.

Труда же по народному здоровію приходится больше на долю фельдшера: онъ одновременно присутствуетъ съ врачомъ, кромѣ того на его обязанности лежитъ дежурство въ больницѣ или лечебницѣ, разъѣзды по участку и пр. — врачъ же знаетъ одинъ осмотръ больныхъ и назначеніе леченія въ больницѣ или лечебницѣ, а весь остальной черныи трудъ лежитъ на фельдшерѣ; на самостоятельныхъ же

пунктахъ фельдшеръ справляется одинъ, безъ всякаго помощника иногда съ восемью, девятью тысячами въ годъ больныхъ.

Если бы земская медицина покоилась на избыткѣ народныхъ силъ, то я думаю, что земство стало бы приглашать на службу врачей; а такъ какъ земскія средства ограничены, то при выборѣ врачей и фельдшеровъ приходится задумываться и избирать тѣхъ, которые, при одномъ и томъ же расходѣ на нихъ, принесутъ народонаселенію пользы больше, чѣмъ другіе.

Если бы, я былъ предсѣдателемъ земской управы и мнѣ бы сейчасъ врачи и фельдшера предложили бы свои услуги, то я, конечно, предпочелъ бы первыхъ, чѣмъ вторыхъ, но только съ тѣмъ, чтобы врачи, какъ считающіе свою дѣятельность полезнѣе фельдшеровъ и какъ отъ души желающіе народнаго блага, согласились бы служить на жалованіи фельдшеровъ, то-есть на двадцати пяти рубляхъ въ мѣсяцъ. И я думаю, что врачи, ранѣе говорившіе, что они полезнѣе фельдшеровъ служатъ для блага народа, тотчасъ же повернулись ко мнѣ спиной, даже сочли бы себя оскорбленными, что имъ предложили такое „мизерное“ вознагражденіе; а фельдшера были бы недовольны, что врачей предпочли предъ ними и въ свою очередь отказались идти ко мнѣ на службу,—и съ хорошими цѣлителями-врачами, я остался бы какъ разъ на мели: ранѣе хотъ фельдшера по мѣрѣ силъ своихъ и знаній лечили народъ, а теперь нѣтихъ работниковъ я лишился. А дать же врачамъ тысячное жалованіе я не въ силахъ: бюджетъ земства ограниченъ, и я самъ, какъ хозяинъ, вижу его матеріальное положеніе и не могу довести его до банкротства, чего, я думаю, не ножедаютъ сами врачи.

Да и не дѣло будетъ, если мы отъ здоровыхъ станемъ отымать необходимый кусокъ хлѣба, заставляя ихъ недоѣдать, тѣмъ истощая ихъ организмъ и доводя его даже до

болѣзненности, для того только, чтобы этотъ кусокъ употребить для пользы горсти людей и для поддержанія силъ больныхъ, которые не сегодня такъ завтра помрутъ.

Тогда только медицина приноситъ пользу, если расходъ на нее не подрываетъ народныхъ здоровыхъ силъ, иначе она можетъ сыграть роль обоюдоостраго орудія. Мы должны считаться съ тѣмъ, что расходъ на медицину у земства составляетъ и то треть всѣхъ расходовъ, что деньги на земства собираются большею частью съ крестьянъ, трудъ которыхъ у насъ вознаграждается такъ: даже въ самое дорогое рабочее время—сѣнокосъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ получаетъ, на готовыхъ хлѣбахъ, за косьбу съ трехъ, четырехъ часовъ утра и до девяти вечера пятьдесятъ копѣекъ въ день, за молотьбу овина хлѣба въ теченіе четырехъ часовъ тяжелой непрерывной работы пять копѣекъ и обѣдъ. На эти деньги онъ долженъ прокормить семью, состоящую нерѣдко человекъ изъ восьми и часть удѣлить на подати и другіе расходы. Поэтому мы деньгами, добытыми такимъ тяжелымъ трудомъ, должны дорожить и соблюдать въ земскихъ расходахъ экономію.

Мнѣ скажутъ, что одинъ врачъ, получая въ годъ тысячу пятьсотъ рублей жалованія, можетъ принести пользы больше чѣмъ три фельдшера, получающихъ триста рублей въ годъ.

Но это тому можно говорить, кто не знаетъ мѣстныхъ условій жизни крестьянъ, а не мнѣ.

На одномъ жалованіи врача можно содержать три фельдшерскихъ пункта: жалованіе фельдшеру триста рублей, квартира, отопленіе, освѣщеніе каждаго пункта—двѣсти рублей. Содержаніе трехъ фельдшерскихъ пунктовъ составляетъ тысячу пятьсотъ рублей въ годъ; если двѣсти рублей, необходимыхъ для квартиры, отопленія, освѣщенія пункта врача, употребить на другіе расходы для двухъ фельдшерскихъ пунктовъ, то они мебелью, инструментами и книгами, будутъ очень богаты.

Участокъ, находящійся подъ вѣдѣніемъ врача, будетъ раскинутъ на пространствѣ по крайней мѣрѣ втрое большемъ, чѣмъ отъ каждаго изъ трехъ фельдшерскихъ участковъ; у насъ еще населеніе очень рѣдко, пункты устраиваются въ центрѣ населенія, и одинъ фельдшерскій участокъ отдѣляется отъ другого волоками, безъ всякаго населенія, иногда въ десять, пятнадцать и двадцать верстъ.

Съ упраздненіемъ же трехъ фельдшерскихъ участковъ и замѣнѣ его однимъ врачебнымъ у насъ получится вотъ что: вмѣсто того, чтобы жителямъ ближайшихъ деревень двухъ отдаленныхъ пунктовъ обращаться за помощью—за версту, за двѣ и много, для небольшой части, за двадцать пять верстъ, имъ придется путешествовать пятьдесятъ, а дальнимъ—семьдесятъ пять верстъ, потому что населеніе фельдшерскихъ участковъ у насъ расположено обыкновенно въ одномъ направленіи, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, по сторонамъ почтоваго тракта и большой проселочной дороги, а по бокамъ же находятся ненаселенныя мѣста, запятая лѣсомъ и сѣнокосомъ; считая протяженіе каждаго фельдшерскаго участка пятьдесятъ, то трехъ — составитъ сто пятьдесятъ верстъ, если въ центрѣ этого діаметра помѣститъ врачебный участокъ, то до дальнихъ деревень въ ту и другую сторону будетъ по семидесяти пяти верстъ. Слѣдовательно, двумъ третямъ населенія придется тащиться лишнихъ отъ двадцати пяти до пятидесяти верстъ.

Если бы тѣмъ же врачамъ, порѣзавшимъ или обварившимъ себя что нибудь, или съ болѣзнями—чесомъ, или запоромъ, или поносомъ и пр.—предложили бы, поставивъ ихъ на мѣсто крестьянъ, тащиться пѣшкомъ или ѣхать въ навозной „одноколкѣ“ гдѣ приходится, скорчившись лежать, къ фельдшеру за версту или за двадцать пять или за семьдесятъ пять верстъ, то я думаю, что при всемъ своемъ довѣріи и уваженіи къ своимъ коллегамъ—врачамъ, они согласились бы скорѣе идти къ фельдшеру, чѣмъ къ врачу,

потому что и фельдшеръ сумѣетъ сдѣлать перевязку, или дать мази отъ чесу, или касторки отъ запора и пр.

Мнѣ на это можетъ быть возразятъ, что лучше къ врачу обратиться одинъ разъ, чѣмъ къ фельдшеру три раза, гдѣ выиграется время въ леченіи и будетъ соблюдена экономія въ лѣкарствахъ.

Но это довольно ясно опровергнуто своими доводами Даниловичъ, и я считаю лишнимъ повторять сказанное имъ.

Не говоря уже про деревню, при больницѣ, лечебницѣ и городѣ, гдѣ леченіе обставлено всеми удобствами, гдѣ врачъ иногда посѣщаетъ больныхъ два раза въ день, взять бы процентъ тяжелыхъ больныхъ, которые выздоровѣли благодаря лишь врачу и этотъ процентъ сравнить съ количествомъ умершихъ и тѣхъ, которые поправились бы и безъ помощи врача, благодаря лишь своему крѣпкому тѣлосложенію и побѣдѣ организма надъ болѣзною, то проценты живущихъ, благодаря искусству нашихъ врачей, былъ бы очень невеликъ, поэтому и скорбѣть о томъ, что фельдшеръ не сумѣетъ справиться съ серьезными болѣзнями, всецѣмъ не стоитъ.

Какъ фельдшера являются для земской медицины необходимыми, такъ и безъ врачей она не можетъ обойтись. Въ случаѣ серьезной какой-либо болѣзни, или въ случаѣ недоразумѣнія, или для операціи, гдѣ фельдшеръ не въ силахъ будетъ помочь больному, то онъ отошлетъ его въ лечебницу къ врачу, который и окажетъ ему помощь.

При настоящемъ положеніи медицина во всѣхъ почти земствахъ поставлена хорошо и совершенно правильно.

Въ болѣе населенныхъ мѣстахъ открыта лечебница съ врачомъ, двумя или тремя фельдшерами, повивальной бабкой и оснопрививательницей съ участкомъ, состоящимъ изъ шести, девяти волостей. Кругомъ же этого участка устроены три или четыре фельдшерскихъ пункта съ двумя, тремя волостями; при пунктѣ находится повивальная бабка, иногда

и оснопрививательница, которыя помогаютъ фельдшеру при приѣмѣ больныхъ.

Повивальныя бабки и оснопрививательницы большую часть года проводятъ дома: оснопрививательницы бывають въ участкѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, а въ остальное время онѣ свободны; у повивальныхъ же бабокъ обыкновенно бываетъ въ году только отъ двадцати до тридцати приѣмовъ. Это объясняется тѣмъ, что деревенскія бабы при родахъ дѣтей обходятся еще со своими старухами, а другія не посылають за повивальной бабкой за дальностью разстоянія: покамѣстъ мужикъ ѣдетъ за бабкой верстъ за двадцать или за тридцать, баба и родить; или, бабку привезли, оказывается, что баба родить еще черезъ двое сутки—бабку и отвози обратно, а если она нужна, то приѣзжай за ней вновь, что заставляетъ деревенскихъ бабъ родить со старухами, которыя примѣняютъ, наиримѣръ, такіе способы: роженицу, при поперечномъ положеніи младенца, встряхивають за ноги внизъ головой, отчего многія бабы послѣ родовъ болѣють всю жизнь, а другія даже умирають.

Повивальныя бабки большею частью бывають на практикѣ только у причта, у торговцевъ, у богатыхъ крестьянъ, которые привозятъ ее заблаговременно и просятъ побыть до родовъ. Бабка, зная, что ей попадетъ за практику, живетъ у иныхъ роженицъ даже по недѣлѣ. Бѣдныя же обыкновенно приглашаютъ ее во время неправильныхъ родовъ, когда же старухи измучатъ роженицу, такъ что случается, что приступить къ ней даже невозможно.

Наблюденіе же за фельдшерскими пунятами, повивальными бабками и оснопрививательницами поручено ближайшему врачу.

Нѣкоторыя земства, навѣрно, имѣя въ виду, что такъ какъ практики у повивальныхъ бабокъ мало, то фельдшера и повивальную бабку замѣняютъ фельдшерницей-акушеркой, улачивая ей такое же жалованье, какъ тѣмъ обоимъ вмѣстѣ.

Но имѣть при больницѣ или при лечебницѣ одну фельдшерницу-акушерку, пожалуй, будетъ не хуже чѣмъ все фельдшеровъ: подкрайней мѣрѣ бабы стануть болѣе обращаться къ нимъ съ женскими болѣзнями, такъ какъ, многія изъ нихъ стѣсняются обращаться къ врачу или фельдшеру и остаются безъ помощи; да фельдшерица - акушерка можетъ совсѣмъ замѣнить повивальную бабку — если она отлучится на практику, то безъ нея дѣло не станетъ: при лечебницѣ останутся врачъ, или фельдшеръ. На самостоятельныхъ же пунктахъ, фельдшерицы - акушерки никогда не привьются, потому что при отпускѣ больныхъ она не можетъ замѣнить двухъ лицъ—фельдшера и повивальную бабку; народъ, особенно мужики, неохотно обращаются къ фельдшерицамъ-акушеркамъ, еще не покидая уже устарѣвшей пословицы: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ; если фельдшерницу-акушерку увезутъ къ роженицѣ, гдѣ ей придется побыть сутки, иногда и болѣе, то масса больныхъ будетъ терять напрасно много времени въ посѣщеніи пункта и оставаться безъ всякой помощи; да и трудъ самимъ фельдшерицамъ-акушеркамъ будетъ не по силамъ; потомъ, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ,—такъ и фельдшерицы-акушерки, особенно недурненькія,—выходятъ замужъ,—и пронадаетъ расходъ, потраченный большею частью земствомъ на ихъ образованіе.

Если бы при самостоятельныхъ пунктахъ былъ фельдшеръ, а вмѣсто повивальной бабки фельдшерица-акушерка, то тогда бы лучше желать нечего: во время отлучки котораго-нибудь изъ нихъ, больные не оставались бы безъ помощи, да и участки посѣщать стали бы гораздо чаще; тогда бы была возможность еженедѣльно, въ назначенный день посѣщать каждую волость участка и осматривать больныхъ, что имѣло бы благодареніе для населенія.

Замѣна же фельдшеровъ врачами покаместъ, при настоящемъ экономическомъ положеніи народа останется иде-

аломъ и даже еще не предвидится будетъ ли и достижи-мымъ.

Для лучшей постановки медицины нужно имѣть какъ можно больше училищъ для подготовки врачей и фельдшеровъ, потому что теперь, при имѣніи больше свободныхъ вакансій, чѣмъ кандидатовъ на медицинскія должности, приходится земству приглашать безъ всякаго разбора врачей и фельдшеровъ, держать ихъ на службѣ, тогда какъ нѣкоторые не удовлетворяютъ своему назначенію, небрежно относятся къ службѣ, имѣя въ виду, что врачу да фельдшеру всегда мѣсто найдется. Если бы хорошаго врача и фельдшера легко можно было бы найти, то каждый изъ нихъ сталъ бы дорожить своимъ мѣстомъ и исправно относиться къ службѣ.

Фельдшерскія же школы необходимы не общеобразовательныя, такъ какъ, такихъ училищъ у насъ и безъ того довольно, а свѣдущихъ лицъ по извѣстной отрасли знаній совсѣмъ мало, а спеціальныя, съ приѣмомъ кончившихъ городское или двухклассное сельское училище: общихъ познаній, почерпнутыхъ въ этихъ училищахъ для фельдшеровъ достаточно, а въ три года, изучая одну медицину, они узнаютъ ее довольно хорошо.

Затѣмъ, если при окончаніи фельдшерами школъ удостовѣряются въ знаніи ими медицины, то необходимо разрѣшить фельдшерамъ вполне самостоятельно заниматься леченіемъ больныхъ, такъ какъ теперь въ жизни они уже самостоятельно лечатъ; да, какъ для врачей, такъ и для фельдшеровъ, существуютъ правила, по которымъ они, если допустятъ по незнанію своему ошибки въ леченіи больныхъ, то лишаются права леченія. Врачъ же, подъ вѣдѣніемъ котораго будетъ находится фельдшеръ, можетъ провѣрить леченіе больныхъ фельдшеромъ и убѣдиться въ его познаніяхъ.

Такъ какъ во многихъ земствахъ не установлено для врачей и фельдшеровъ часовъ труда,—они во всякое время

дня и ночи должны принимать больныхъ, — а на самомъ дѣлѣ, нельзя требовать отъ людей, чтобы они, въ ожиданіи больныхъ, неотлучно находились при лечебницѣ или пунктѣ, — надо же человѣку когда-нибудь отдохнуть, — врачи и фельдшера уже по своему усмотрѣнію отлучаются отъ лечебницы или отъ пункта; больные не могутъ сообразоваться съ тѣмъ, когда они застанутъ ихъ дома, — то вмѣсто пользы, такой порядокъ приносить вредъ: нерѣдко больные не застаютъ дома врача или фельдшера, напрасно теряютъ время, даже не знаютъ въ какое время отправляться въ пунктъ или лечебницу, чтобы получить тамъ помощь.

Если бы были назначены пріемные часы, то больные, отправляясь къ врачу или фельдшеру, были увѣрены, что получаютъ себѣ помощь, да тогда бы и отъ врачей и фельдшеровъ можно бы требовать, чтобы они въ извѣстные часы были исправны въ лечебницѣ или пунктѣ и принимали больныхъ. За трудне-больныхъ бояться нечего: врачъ и фельдшеръ, вѣдь, человѣкъ — во всякое время окажетъ имъ помощь.

Въ послѣднее время зарекомендовываютъ себя съ хорошей стороны многіе фельдшера, кончившіе фельдшерскую школу и есть изъ нихъ, но мало свѣдущихъ въ медицинѣ, практичныхъ и любящихъ свое дѣло тружениковъ; но только ужъ очень рано они начинаютъ среди населенія и въ своей газетѣ „Фельдшеръ“ о себѣ громко заявлять и выставять свои достоинства, свое плохое положеніе; ни въ одной службѣ не приходится такъ имѣть общенія съ окружающимъ населеніемъ и ни въ одной службѣ не видна такъ ясно дѣятельность должностного лица, какъ врача и фельдшера, поэтому народъ прямо выскажетъ свое мнѣніе, что фельдшеръ хорошъ, и не постѣснится назвать его худымъ, если онъ того заслуживаетъ; общество очень хорошо видитъ ихъ положеніе, улучшаетъ ихъ жизнь, такъ, напримѣръ, земство прибавляетъ имъ за выслугу лѣтъ жалованіе, на-

значаетъ ихъ дѣтямъ на обученіе въ училищахъ стипендіи, при старости, и въ случаѣ ихъ смерти даетъ ихъ семействамъ пенсіоны. Грѣхъ фельдшерамъ особенно пожаловаться на земство. Чтобы заслужить хорошій отзывъ о себѣ, фельдшеръ долженъ выставлать себя больше не на словахъ а на дѣлѣ; но дѣламъ его будетъ ему и благодарность.

Большую же пользу для фельдшеровъ принесло бы, если бы земство, подъ руководствомъ опытныхъ врачей, устраивало бы имъ повторительные курсы: познакомились бы они съ новыми способами леченія болѣзней, разсмотрѣлись бы тамъ интересные случаи болѣзней, встрѣтившіеся во время ихъ леченія, разрѣшились бы ихъ недоразумѣнія и привелись бы въ порядокъ почерпнутыя на практикѣ и воспринятыя изъ книгъ свѣдѣнія.

Наша медицина еще подобна молодому садовнику, хорошо знакомому съ теоріей садоводства, который, ухаживая за своимъ садомъ, состоящимъ изъ самыхъ всевозможныхъ деревьевъ, заботится лишь о томъ, чтобы обрѣзать сухія вѣтви, замазать щели треснувшей коры, завязать расщелы, уничтожить личинки, поѣдающія листья деревьевъ и удобрять около худосочныхъ растеній почву, для возстановленія ихъ силъ.

Садовникъ радовался, что благодаря своему знанію и труду, онъ много деревьевъ излечилъ отъ болѣзней, а между тѣмъ не мало у него ихъ и посыхало, другіе лишались вѣтвей, которыя приносили ему доходъ, а нѣкоторыя деревья послѣ перенесенныхъ болѣзней были совсѣмъ хилы—одни изъ нихъ приносили ему мало плодовъ, а другіа были совсѣмъ безплодны, даже не радовали его своимъ видомъ.

Однажды къ нему зашелъ сѣдой садовникъ, весь вѣкъ свой трудившійся надъ своимъ огромнымъ садомъ.

Молодой садовникъ выводилъ старика по всему своему саду, показалъ ему всѣ свои деревья, всѣ свои кусты, все

свое искусство по уходу за садомъ и приобрѣтенные садовые инструменты.

Осмотрѣвъ все внимательно, старикъ ему сказалъ: „Я удивляюсь твоему умѣнію вылечивать болѣзни у деревьевъ и кустовъ, умѣнію отрѣзывать болѣзненные вѣтви, умѣнію заживлять раны, умѣнію поддерживать жизнь растеній во время ихъ болѣзней, умѣнію уничтожать личинокъ, насекомыхъ и мышей, портящихъ растенія, прекраснымъ твоимъ садовымъ инструментамъ, — но во время многолѣтняго своего ухода за садомъ, который несравненно больше твоего, мнѣ приходилось совсѣмъ мало обращать на это вниманіе, и несмотря, что я имѣлъ дѣло лишь съ самыми простыми садовыми инструментами, мнѣ ихъ рѣдко приходилось пускать въ ходъ, — а мой садъ всегда былъ въ самомъ прекрасномъ цвѣтущемъ видѣ!

Весь свой трудъ, все свое умѣніе, всѣ свои силы я пускалъ больше въ другую сторону: я старался воспитывать здоровыя деревья и кусты, которые бы приносили мнѣ какъ можно больше плодовъ, видомъ своимъ радовали меня и подъ густою тѣнію деревъ я въ лѣтній зной могъ бы укрываться отъ жары, и вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ни червь, ни мошки, ни мыши не прикасались къ нимъ, предупреждая всѣми мѣрами ихъ появленіе, подставлялъ къ слабымъ нѣжнымъ деревцамъ колышки; чтобы вѣтеръ не сломалъ ихъ самихъ или ихъ прутья; доставлялъ растеніямъ, нелюбящимъ тѣни, какъ можно больше свѣта, сажалъ и воспитывалъ каждое деревцо, каждый кустикъ на той почвѣ, которую они больше любятъ; удобрялъ почву, чтобы они были сильны; воспитывалъ по окраинамъ сада высокія крѣпкія породы деревъ, чтобы они и сами храбро выдерживали битву съ сильными вѣтрами, бурями и ураганами и защищали бы отъ нихъ растущія въ кругу ихъ нѣжныя деревца, приносящія хозяину вкусные плоды; заслонялъ густыми деревьями сѣверную сторону,

чтобы холодный вѣтеръ не испортилъ чего-либо въ саду; укрывалъ зимою нѣкоторыя деревца, чтобы они не позябли, и наблюдалъ, чтобы въ саду былъ порядокъ и опрятность. И садъ мнѣ давалъ прекрасный доходъ и пріятно было взглянуть на него: вѣтви деревъ гнулись подъ тяжестью висѣвшихъ плодовъ, такъ что приходилось даже подставлять подъ нихъ подпорки, чтобы они не обломились: на кустахъ было не столько листьевъ, сколько красовалось ягодъ, садъ дышалъ здоровьемъ и свѣжестью; выросшій сильнымъ, онъ храбро противостоялъ всѣмъ невздамъ: болѣзни рѣдко прикасались къ нему, а безъ болѣзней деревья во всей своей силѣ, могуществѣ, здоровьѣ и красотѣ, обильно вознаграждая мой трудъ и давая мнѣ здоровое потомство, росли до глубокой старости, и, исполнивъ уже свое отъ природы назначеніе, посыхали на старости лѣтъ“.

Такъ точно и медицина. Если она будетъ заниматься преимущественно однимъ только леченіемъ болѣзней, принимая мало мѣръ къ предупрежденію ихъ, то въ борьбѣ съ болѣзнями она не такъ много принесетъ пользы, если бы больше вниманія было направлено къ предупрежденію болѣзней.

Медицина должна гордиться не тѣмъ, что съ каждымъ годомъ въ невѣроятномъ количествѣ увеличивается больныхъ, обращающихся къ ней за помощью—хотя это медициной приписывается возростающему довѣрію населенія къ ней,—а тѣмъ, что количество больныхъ у насъ уменьшается, а здоровыхъ все прибываетъ и прибываетъ.

Громадное число больныхъ во всѣхъ врачебныхъ и фельдшерскихъ пунктахъ доказываетъ, что населеніе у насъ сильно страдаетъ отъ болѣзней, что помочь этому горю можно тогда, если будутъ приняты энергичныя мѣры къ предупрежденію болѣзней, что эти мѣры необходимы, каждый можетъ понять изъ того: гораздо полезнѣе для общества здоровье, сильные, способные къ труду люди, чѣмъ.

слабые, иногда на горе другимъ и себѣ влачащія жизнь больные, которые не только не приносятъ обществу пользу, но всю свою тяжелую жизнь существуютъ цѣлыми семьями на трудахъ другихъ. Да еще мы должны принять во вниманіе и то, что отъ нездороваго населенія родится и хилое потомство.

Покаместъ наши крестьяне будутъ дѣтей своихъ кормить ржанымъ, овсянымъ хлѣбомъ, оставлять грудныхъ дѣтей во время полевыхъ работъ на цѣлые дни съ няньками пяти, шести лѣтъ, покаместъ сами крестьяне не перестанутъ питаться хлѣбомъ, иногда нополамъ съ костеромъ и другими сѣменами сорнымъ травъ, прихлебывая обратъ, покаместъ будутъ промѣнивать своихъ коровъ, овецъ, молоко, яйца, что составляетъ здоровую питательную пищу человека, на вино, на излишнюю одежду, на чай, на сахаръ, на табакъ, покаместъ будутъ жить въ грязныхъ съ черными печками избахъ, гдѣ подъ поломъ помѣщается скотъ, покаместъ не станутъ брать предосторожностей отъ холода, иногда безъ всякой нужды ходить босикомъ по снѣгу и нить, сами разгорячившись отъ жары, холодную, прямо изъ колодца воду, покаместъ будутъ всѣ—и здоровые, и больные—ѣсть за столомъ изъ одной чашки и во время праздниковъ нить вино изъ одной рюмки или стакана, покаместъ будутъ и здоровые и больные сифилисомъ или трахомой оттираться однимъ полотенцемъ,—то всѣ усилія медицины къ выздоровленію населенія будутъ ничтожны, а какъ будутъ, хотя и постепенно, принимать мѣры къ устраненію причинъ, ведущихъ къ заболѣванію, то и болѣзни въ народѣ будутъ мало-по-малу уничтожаться.

Я признаю и благодѣтельный трудъ нашихъ врачей и фельдшеровъ, много помощи оказывающихъ народу. Если бы врачъ былъ безвомезднымъ лекаремъ,—но, къ сожалѣнію, у насъ другого Аганита нѣтъ—то можно бы про него сказать: отъ его леченія многіе слѣпые прозрѣваютъ, хроме

ходятъ, прокаженные очищаются, только еще мертвые не воскресаютъ; а такъ какъ безвездныхъ врачей у насъ покаместъ не видать, то это впечатлѣніе невольно сглаживается.

Врачамъ и фельдшерамъ честь и хвалу можно принимать за то, что они безстрашно вступаютъ въ борьбу съ заразными болѣзнями, никогда не отступая отъ враговъ изъ трусости ни шагу назадъ; хотя нѣкоторые изъ нихъ и падаютъ въ борьбѣ мертвыми, но хладнокровно другіе заступаютъ ихъ мѣсто.

Если всѣ усилія медицины будутъ направлены къ воспитанію сильнаго населенія и къ охраненію его здоровья до глубокой старости,—то вотъ тогда то всѣ труды медицины будутъ быстро приближаться къ своей цѣли!

Все, что я думалъ насчетъ медицины, высказалъ вамъ; повѣрить или нѣтъ мнѣ—это ужъ ваше дѣло, но я говорю какъ посторонній медицинѣ челоуѣкъ, со стороны наблюдавшій за ходомъ ея.

Понравились или нѣтъ врачу и фельдшеру слова Ивана Ивановича, согласились или нѣтъ они съ нимъ—заклучить было нельзя: они, ничего на это не отвѣтили, сидѣли оба молча, обдумывая каждый свою тяжелую думу, а на лицахъ ихъ нельзя было ничего прочесть: лица были спокойны, но только легкая тѣнь грустно лежала на нихъ.

Даниловичу исполнилось двадцать пять лѣтъ земской службы фельдшеромъ. Многіе врачи, фельдшера, торговцы и крестьяне, гдѣ жилъ онъ, устроили подписку; на собранныя деньги купили ему икону. Даниловичъ, принимая икону, даже прослезился и былъ такъ утѣшенъ, что этотъ день онъ считалъ самымъ радостнымъ въ своей жизни.

Земство ему дало пятнадцать рублей въ мѣсяць пенсіона и отъ службы уволило.

Со своей семьей, состоящей изъ девяти человекъ, онъ переселился въ тѣсную крестьянскую избу и сталъ жить на пятнадцать рублѣхъ въ мѣсяцъ.

Пенсіонъ былъ такъ скромнъ, что при всей аккуратности трудно было съ такой семьей существовать на немъ, къ тому же еще болѣзненный, уже ослабѣвшій Даниловичъ изъ такого-то пенсіона еще урывалъ себѣ на водку—и онъ и вся семья его страшно бѣдствовали, питаясь иногда однимъ хлѣбомъ съ крупяной или картошкой.

Видя его нѣжду, мѣстные жители посылали ему кое-чего изъ провизіи, но помощь ихъ была очень ничтожна.

Евгеній Мазепинъ.